

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 3 (64) 2021

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
109029, Москва, Нижегородская ул., д. 32, стр. 16, каб. 910
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATION-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
Трибуна молодого ученого

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии «Юника»,
тел. 8 (343) 364-55-24

Подписано в печать 13.10.2021. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 8.
Печать цифровая. Заказ № от 00.00.2021 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Краснова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны РФ.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандigarх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шерemet Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Арсентьева Валентина Сергеевна,

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К НОРМАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Valentina S. Arsentieva,

FEATURES OF THE APPLICATION OF THE NOTE TO THE NORMS
ON TERRORIST CRIMES

6

Бурмистрова Наталья Викторовна, Самчук Виктор Владимирович,

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ОБЕЗОБРАЖИВАНИЯ ЛИЦА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТЕПЕНИ
ТЯЖЕСТИ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Natalia V. Burmistrova, Viktor V. Samchuk,

OBJECTIFICATION OF FACIAL DISFIGUREMENT IN DETERMINING
THE SEVERITY OF HARM CAUSED TO HUMAN HEALTH.....

10

Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, Демченко Максим Владимирович,

ДОВЕРИЕ ГРАЖДАН ИНСТИТУТУ ПОЛИЦИИ:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ УКРЕПЛЕНИЯ

Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, Maxim V. Demchenko,

TRUST OF CITIZENS IN THE POLICE INSTITUTION:
PUBLIC MECHANISMS FOR STRENGTHENING.....

14

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

ПРОКУРАТУРА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Mevlud D. Davitadze,

PROSECUTOR'S OFFICES IN THE SYSTEM OF STATE POWER OF THE RUSSIAN FEDERATION

26

Давитадзе Мевлуд Демуралович, Майстренко Григорий Александрович,

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ КАК НАУКИ

Mevlud D. Davitadze, Grigory A. Maistrenko,

ON THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGY AS A SCIENCE

29

Тарасов Евгений Александрович,

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕРКЕ СЛУЧАЕВ СТРАХОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Evgenii A. Tarasov,

ON THE NEED TO DEVELOP A METHOD OF APPLICATION THE RESULTS OF THE AUTO TECHNICAL
EXPERTISE WHEN CHECKING CASES OF INSURANCE FRAUD

34

Фадеев Илья Александрович,

ПОЛИЦИЯ КАК ОРГАН ДОЗНАНИЯ

Ilya A. Fadeev,

THE POLICE AS A BODY OF INQUIRY

38

Чернявский Александр Геннадьевич, Синяева Нателла Александровна,

ПРАВОВАЯ КАЧЕСТВЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ О ПРАВЕ,
КАК О НОРМАХ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ

Alexander G. Chernyavsky, Natella A. Sinyayeva,

THE INTERNATIONAL LAW LEGAL QUALITY IN TERMS OF THE LAW THEORY
AS THE INTERESTS' COORDINATION NORMS

42

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Вольская Татьяна Евгеньевна,

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ В ВУЗЕ: ТРАДИЦИИ, СПЕЦИФИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Tatiana E. Volskaya,

LABOR MANAGEMENT IN THE UNIVERSITY: TRADITIONS, SPECIFICITY

AND MODERN TECHNOLOGIES 48

Горин Денис Станиславович, Долженков Сергей Сергеевич,

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ

НА ОСНОВЕ CALS-ТЕХНОЛОГИЙ

Denis S. Gorin, Sergey S. Dolzhenkov,

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PRODUCT QUALITY ASSURANCE

BASED ON CALS TECHNOLOGIES 55

Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, Шалаев Максим Сергеевич,

БЮРОКРАТИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ:

СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, Maxim S. Shalaev,

BUREAUCRACY IN THE PUBLIC SERVICE: SOCIAL AND MANAGERIAL VIEW 61

Делия Виктор Павлович, Кульгачев Иван Петрович,

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: РЕАНИМАЦИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА И ЕЁ СОСТОЯНИЕ

В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (2000-2021 ГОДЫ)

Viktor P. Delia, Ivan P. Kulgachev,

MOSCOW REGION: REANIMATION OF THE SPHERE OF TOURISM AND ITS STATE

IN THE ERA OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC (2000-2021) 76

Дробот Елена Валерьевна, Колесников Виктор Викторович, Макаров Иван Николаевич,

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: АФРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Elena V. Drobot, Viktor V. Kolesnikov, Ivan N. Makarov,

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE CONTEXT

OF THE COVID-19 PANDEMIC: AFRICAN EXPERIENCE 82

Третьякова Лариса Александровна, Лисова Екатерина Валерьевна,

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЛЯ АНАЛИЗА

УРОВНЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Larisa A. Tretyakova, Ekaterina V. Lisova,

THE USE OF SOCIAL ORIENTATION INDICATORS FOR THE ANALYSIS

OF THE REGIONAL DEVELOPMENT LEVEL 88

Лунева Елена Андреевна,

ПРИМЕНИМОСТЬ ЯПОНСКИХ СВЕЧЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗА

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Elena A. Luneva,

APPLICABILITY OF JAPANESE CANDLESTICKS FOR FORECASTING MACROECONOMIC CATEGORIES 94

Салихов Борис Варисович,

ПАНДЕМИЯ И «РЕНЕССАНС» ЭТАТИЗМА КАК УГРОЗА УСТОЙЧИВОМУ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Boris V. Salikhov,

THE PANDEMIC AND THE «RENAISSANCE» OF STATISM AS A THREAT

TO SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT 99

Сухина Юлия Валериевна,

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Yuliya V. Sukhina,

MANAGEMENT CONSULTING IN THE CONTEXT OF ENSURING
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

107

Фоломеев Сергей Николаевич, Подкопаев Олег Александрович,

СТАТИСТИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРЕВОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Sergey N. Folomeev, Oleg A. Podkopaev,

HIGHER EDUCATION FUNDING STATISTICS IN CONTEMPORARY RUSSIA: ALARMING TRENDS.....115

Трибуна молодого ученого

Голубничий Егор Николаевич,

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ, ЭПОХА НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И COVID-19

Egor N. Golubnichiy,

STOCK MARKET INSTABILITY, AN AGE OF UNCERTAINTY AND COVID-19125

Арсентьева Валентина Сергеевна,

аспирант, и.о. начальника Отдела таможенного оформления и таможенного контроля транспортных средств
таможенного поста Аэропорта Храброво, Калининград,
v.s.arsenteva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К НОРМАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Рассматриваются вопросы реализации оснований освобождения от уголовной ответственности по уголовным делам террористической направленности. Проводя анализ содержания понятия уголовной ответственности, автор анализирует положения Уголовного кодекса Российской Федерации о деятельном раскаянии и предпринимает попытку привести примечание к статье 205 УК РФ в соответствие с нормами Общей части УК РФ. Предлагается новая редакция основания освобождения от уголовной ответственности за террористический акт.

Ключевые слова: уголовная ответственность, террористический акт, освобождение от уголовной ответственности

Valentina S. Arsentieva,

Postgraduate, Acting Head of the Department of Customs Clearance and Customs Control of Vehicles
at the customs post of Khrabrovo Airport, Kaliningrad,
v.s.arsenteva@mail.ru

FEATURES OF THE APPLICATION OF THE NOTE TO THE NORMS ON TERRORIST CRIMES

Abstract. The article deals with the implementation of the grounds for exemption from criminal liability in criminal cases of a terrorist orientation. Analyzing the content of the concept of criminal responsibility, the author analyzes the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on active repentance and attempts to bring the note to Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. A new version of the grounds for exemption from criminal liability for a terrorist act is proposed.

Keywords: criminal liability, terrorist act, exemption from criminal liability

В общем виде уголовную ответственность можно определить как реакцию государства на совершенное преступление. Исторически данный правовой институт сложился тогда, когда окрепшее государство смогло взять на себя осуществление функций правоохраны, поддержания и укрепления правопорядка и общественной безопасности. До образования и укрепления государств господствовали самодельные формы расправ, при которых человек должен был сам заботиться о своей безопасности, и сам либо с помощью общины искать обидчика и расправляться с ним [6].

Постепенно государство, взявшее на себя функцию наказания преступника, стало вытеснять из социальной жизни всякое спонтанное, нерегулируемое насилие. По определению Макса Вебера, формирование данной функции является важным признаком сформировавшегося государства [3, с. 646].

Привлечение лица к уголовной ответственности стало исключительно государственной формой

реагирования на преступление. Только государство в лице уполномоченных органов может признать лицо совершившим преступление, применить к нему меры наказания и такие ограничительные меры, как задержание, арест и др.

Б.В. Волженкин [4, с. 96], а в настоящее время его взгляды поддерживает М.Ю. Дворецкий, под уголовной ответственностью понимают обязанность лица ответить за совершенное им деяние, поскольку это предусмотрено самим уголовным законом. Фактически это означает сведение уголовной ответственности к обязанности преступника понести установленные законом лишения [5, с. 54].

Содержание уголовной ответственности базируется на основополагающих принципах, которые определяют сущность и основы реализации этого направления уголовной политики государства.

Сущность уголовной ответственности, ее природа, содержание остаются достаточно дискуссионными, поскольку само по себе понятие уголовной от-

ветственности является одним из ключевых для науки уголовного права.

Уголовная ответственность сама по себе означает, что лицо, осужденное к совершению преступления, не только принимает на себя государственное принуждение в виде отбытия наказания, но и таким образом реализуется общественное порицание.

Лицо может быть признано виновным в совершении преступления только после вступления в силу обвинительного приговора суда. После вступления приговора в силу такое лицо официально считается совершившим преступление. Именно факт наличия обвинительного приговора позволяет говорить о том, что лицо привлечено к уголовной ответственности. Все последующие вопросы, которые связаны с исполнением наказания, применением мер досрочного освобождения или замены наказания другим видом никак не влияют на то, что лицо является привлеченным к уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности – это форма поощрения, которую государство применяет как одну из мер предупреждения совершения преступлений, что отчетливо видно в специальных видах освобождения от ответственности, предусмотренных в примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Особое значение такая форма поощрения играет для преступлений, основанием освобождения от ответственности для которых является активное содействие раскрытию этих преступлений, изобличение сообщников и иное поведение, направленное на помощь правоохранительным органам в раскрытии или недопущении совершения преступления.

В первую очередь это касается преступлений против общественной безопасности, а именно – террористической и экстремистской направленности. И это вполне логично, поскольку своевременное предупреждение совершения таких преступлений, своевременное изобличение лиц, которые причастны к их подготовке, позволяет не только предупредить совершение преступного деяния, но и избежать большого количества жертв и иных тяжелых последствий для общества и государства.

Поэтому примечания, которые указаны в статьях террористической направленности, имеют большое уголовно-правовое и социальное значение.

Террористическая деятельность до настоящего времени остается серьезной угрозой для безопасности государства, несмотря на то, что по данным официальной статистики ГИАЦ МВД за последние четыре года количество зарегистрированных преступлений этого вида остается примерно на одном уровне. Так, если в 2016 году их было зарегистрировано 2227, то в 2020 году уже 2342, а за первое полугодие 2021 года – 1271 [7]. Из них 24% пресечено на стадии приготовления.

В свете этих данных становится понятно, что своевременное пресечение преступлений террористического характера основано на деятельности по предотвращению совершения этих деяний, подготовки к их совершению. Основой такой деятельности становится работа с лицами, которые были причастны к подготовке преступлений террористической направленности и в отношении которых впоследствии может быть применен специальный вид освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 205 УК РФ.

Согласно примечанию от ответственности может быть освобождено лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Из анализа этого положения следует, что специальным условием освобождения от ответственности является активная деятельность лица по недопущению совершения действий, образующих объективную сторону состава террористического акта.

Таким образом, примечание направлено на предотвращение совершения террористического акта и ненаступление тех последствий, которые он может за собой повлечь. Поскольку состав террористического акта сконструирован как состав опасности, то моментом его окончания признается совершение действий, направленных на достижение специально указанной в законе цели, если эти действия сами по себе уже создают угрозу охраняемым законом интересам общества и государства.

Данное примечание перекликается с нормой о добровольном отказе от совершения преступления и может вызывать сложности при квалификации и установлении оснований для применения примечания к ст. 205 УК РФ.

В соответствии со ст. 31 УК РФ добровольным отказом признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

Анализ этих двух норм позволяет сделать вывод, что для правильного установления оснований применения примечания к ст. 205 УК РФ или ст. 31 УК РФ необходимо исходить из того, в какой момент преступной деятельности она была прекращена, а также какие последующие действия совершило лицо. Некоторые авторы отмечают, что основанием должно служить установление момента окончания преступной деятельности [2, с. 360-366].

Вместе с тем, помимо этого критерия не менее важным является и дальнейшее поведение лица. В

случаях, когда оно активно способствует предотвращению совершения, а в случае уже совершенного деяния – изобличает других лиц, причастных к террористическому акту, речь идет только о применении специального вида освобождения от уголовной ответственности, то есть примечания к ст. 205 УК РФ.

Эта норма помимо уголовно-правового смысла несет в себе и важную социальную роль, помогая лицам, которые не могут отказаться от совершения преступления в силу того, что они являются участниками преступной группы и добровольный отказ может поставить под угрозу безопасность их собственной жизни. В таких случаях возможность избежать уголовной ответственности даже после совершения террористического акта при соответствующем постпреступном поведении может стимулировать виновных в содействии расследованию. И в этом смысле такой вид освобождения от уголовной ответственности следует рассматривать как специальную разновидность деятельного раскаяния в соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, устанавливая поощрение в отношении такого социально-опасного деяния, как террористический акт, законодатель исходил из необходимости любыми способами предотвращать его совершение.

Ряд авторов отмечает, что при установлении основания освобождения от ответственности по ст. 205 УК РФ следует говорить о том, что виновный способствует не возможности предотвращения совершения преступления, а о реальном его предотвращении [1, с. 75-77; 2, с. 65-70]. Следовательно, существующее примечание не отвечает требованиям справедливости и должно быть скорректировано.

На наш взгляд, такой подход к основанию установления специального вида освобождения от уголовной ответственности является слишком категоричным и не учитывает социальные и психологические факторы, о которых мы уже упоминали выше. Не всегда объективно лицо может своевременно сообщить о совершаемом преступлении, однако готово в дальнейшем помогать следствию, имея гарантии государственной защиты на основании положений Федерального законодательства. В такой ситуации вопрос корректности применения примечания зависит уже от мотивов, которыми руководствуется виновный. И здесь крайне важно учитывать не только факт его помощи в конкретном уголовном деле, а также и то, что лицо раскаялось и готово встать на путь исправления, что опять же возвращает нас к выводу о том, что подобный вид освобождения от уголовной ответственности является одной из разновидностей деятельного раскаяния.

Подводя итог сказанному, предлагаем изложить примечание к ст. 205 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществлению террористического акта, добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным, и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления».

Список литературы

1. Агапов П.В. Компромисс как средство противодействия организованной преступной деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 4.
2. Антонов А.Г. Террористический акт: вопросы освобождения от уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 3 (13).
3. Быков А.И. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по примечанию к статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2019. № 3.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основы уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3.
6. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1.
7. Магомедов М.А. Уголовная ответственность как институт публичного права. Дис. канд. юрид. наук. М. 2004.
8. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России [Электронный ресурс]: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>

References

1. Agapov P.V. Compromise as a means of countering organized criminal activity // Leningrad legal journal. 2011. No. 4.
2. Antonov A.G. Terrorist act: issues of exemption from criminal liability // Legal science and law enforcement practice. 2010. No. 3 (13).

3. *Bykov A.I.* On the issue of exemption from criminal liability under the footnote to article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation // Penitentiary Science. 2019. No. 3.
4. *Weber M.* Selected Works. M., 1990.
5. *Volzhenkin B.V.* Social danger of a criminal and the basis of criminal responsibility // Jurisprudence. 1963. No. 3.
6. *Dvoretzky M.Yu.* Effective implementation of criminal liability // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1.
7. *Magomedov M.A.* Criminal liability as an institution of public law. Dis. Cand. jurid. sciences. M. 2004.
8. Official site of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The state of crime in Russia [Electronic resource]: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>

Бурмистрова Наталья Викторовна,

кандидат медицинских наук, судебно-медицинский эксперт, ФГКУ 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации, Москва, burmnatalya@yandex.ru

Самчук Виктор Владимирович,

кандидат медицинских наук, начальник отдела судебно-медицинской экспертизы, ФГКУ 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации, Москва, viktor-samchuk@mail.ru

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ОБЕЗОБРАЖИВАНИЯ ЛИЦА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассмотрены вопросы унифицированного подхода к определению тяжести вреда здоровью в формулировке «неизгладимое обезображивание лица». При установлении обезображивания суды руководствуются эстетически-оценочными представлениями о нормальной внешности человека, основанными на личном опыте. В настоящее время не существует единого подхода к вопросу неизгладимого обезображивания лица, научные основы использования признаков внешности для определения тяжести вреда здоровью судами не применяются. Предлагается в основу юридической квалификации обезображивания положить систему элементов и признаков внешнего облика человека, используемую при составлении словесного портрета, как наиболее объективную.

Ключевые слова: неизгладимое обезображивание лица, вред здоровью, внешность человека, судебно-медицинская экспертиза, броские приметы, деформация лица, криминалистика

Natalia V. Burmistrova,

Ph.D. of Medical Sciences, forensic medical expert, 111 Main State Center for Forensic Medical and Forensic Examinations of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, burmnatalya@yandex.ru

Viktor V. Samchuk,

Ph.D. of Medical Sciences, Head of the Forensic Medical Examination Department, 111 Main State Center for Forensic Medical and Forensic Examinations of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, viktor-samchuk@mail.ru

OBJECTIFICATION OF FACIAL DISFIGUREMENT IN DETERMINING THE SEVERITY OF HARM CAUSED TO HUMAN HEALTH

Abstract. The article considers the issues of a unified approach to determining the severity of harm to health in the formulation "indelible disfigurement of the face". When establishing disfigurement, the courts are guided by aesthetic and evaluative ideas about the normal appearance of a person based on personal experience. Currently, there is no single approach to the issue of indelible disfigurement of the face, the scientific basis for the use of signs of appearance to determine the severity of harm to health is not applied by the courts. We propose to base the legal qualification of disfigurement on the system of elements and signs of a person's external appearance, used in the compilation of a verbal portrait, as the most objective.

Keywords: indelible disfigurement of the face, harm to health, human appearance, forensic medical examination, catchy signs, facial deformity, criminalistics

В современной судебно-медицинской и юридической практике понятие «неизгладимое обезображивание лица» является одним из квалифицирующих признаков тяжкого вреда здоровью (п. 6.10. Медицинских критериев определения степени тяже-

сти вреда, причиненного здоровью человека /Приложение к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 года № 194н/ (далее – «Медицинских критериев...») [3]. Данный критерий включает в себя

две составляющие: «неизгладимость» и «обезображивание». При этом установление «неизгладимости» законодатель возлагает на судебно-медицинских экспертов, а «обезображивания» – на суд. И если под неизгладимыми изменениями традиционно понимают общепринятые медицинские признаки, то оценка обезображивания вызывает разночтения и споры. Напрямую не участвуя в определении степени тяжести вреда здоровью по п. 6.10. «Медицинских критериев...», судебно-медицинские эксперты сталкиваются с трудностями объективизации обезображивания в повседневной работе. В данной статье мы предлагаем для рассмотрения вариант объективного подхода к унифицированности субъективного понятия «обезображивание лица».

В формулировке «неизгладимое обезображивание лица» имеют значение все три слова. Квалификации тяжести вреда здоровью подлежат повреждения, расположенные исключительно на лице, поэтому юристам необходимо самостоятельно, без помощи специалистов в области медицины, определять границы лица. Лицо – передний отдел головы человека. Условно верхняя граница лица проходит по линии, отделяющей волосистую часть кожи головы от кожи лба; боковая граница лица – линия прикрепления ушной раковины сзади и задний край ветви нижней челюсти; нижняя – угол и нижний край тела нижней челюсти. Боковая и нижняя границы лица отделяют его от области шеи. [1] Данная классификация согласуется с п. 61 Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин (Приложение к «Медицинским критериям...»), регламентирующей, что при производстве судебно-медицинской экспертизы границы области лица включают ушные раковины. Форма и размеры лица, а также отдельных его органов весьма разнообразны, что зависит от расовых, половых, возрастных, а также от индивидуальных особенностей. Наружный контур лица чаще всего представляет собой овал с суженной нижней половиной, но нередко приближается к форме прямоугольника или трапеции с закругленными углами; это зависит, главным образом, от массивности нижней челюсти и ширины ее дуги. Рельеф лица и его профиль определяются формой наиболее выпуклых участков – лба, надбровных и скуловых дуг, носа, подбородка, а также формой мягких тканей губ и щек. Существуют закономерные соотношения между рельефом лицевых костей и толщиной слоя мягких тканей над ними. Эластичность и тургор кожи лица и степень развития мимических мышц определяют наличие более или менее выраженных складок на поверхности лица, постоянно имеющих у каждого человека (носогубная, носощечная, подбородочно-губная борозды). Очертания лица зависят

от степени отложения жира в подкожной клетчатке, а также от наличия и расположения зубов и соотношения зубных рядов [1].

Для конкретизации общепринятых эстетических представлений о нормальной внешности человека мы предлагаем воспользоваться системой признаков внешности человека, разработанной в криминалистике и применяющейся при составлении словесного портрета [4]. Признаки, характеризующие наружный облик человека, называют собственными. В этой группе выделяют анатомические признаки, отражающие наружное строение тела человека и его частей. В отдельную группу анатомических признаков выделяются особые и броские приметы. Особые приметы – это редко встречающиеся признаки, обусловленные случайными причинами, представляющие собой отклонения от нормального строения или состояния элемента внешности. Броскими приметами называют такие, которые легко наблюдаются в обычных условиях, так как находятся на открытых участках тела, например, рубцы на лице.

К обезображиванию приводит посттравматическое образование особых и броских примет, сопровождающихся деформацией лица. Оценка восприятия внешнего облика человека происходит путем сопоставления положения элементов внешности относительно вертикальной и горизонтальной плоскостей, путём сравнения парных элементов с правой и с левой сторон для выявления асимметрии и изменения пропорций лица. Нарушение взаимного расположения элементов лица, смещение их относительно друг друга приводит к искажению черт лица и трудностям узнавания человека по сравнению с дотравматическим периодом. Помимо искажения черт лица, признаками обезображивания могут быть выворот век, нарушение строения костного скелета лицевого отдела черепа, носа, изменение формы губ, деформация кожного покрова. При возникновении затруднений в обосновании эстетически значимой асимметрии лица, в суд может быть приглашен специалист в области пластической хирургии для установления патологической разницы пропорций в линейных изменениях (мм) и в угловых (градусах).

Следует обращать внимание на неподвижность лицевых мышц, сопровождающуюся нарушением мимики. Дискутабельным остаётся вопрос появления асимметрии и нарушений мимики как осложнений закрытой черепно-мозговой травмы. В этом случае изменения лица возникают вследствие приложения травмирующего воздействия вне анатомических границ лица, поэтому формально применение пункта п. 6.10. «Медицинских критериев...» невозможно. Степень тяжести вреда здоровью будет определяться судебно-медицинским экспертом по морфологии черепно-мозговой травмы, и в случае отсутствия признаков опас-

ности для жизни, оцениваться по длительности расстройства здоровью. В подобной ситуации даже при явных и очевидных признаках обезображивания, вред здоровью зачастую классифицируется на этапе проведения судебно-медицинской экспертизы как средней тяжести без оснований для его пересмотра судом. По нашему мнению, данный поход к оценке вреда здоровью не оправдан с точки зрения юридической квалификации действий обвиняемого, и обезображивание должно быть учтено ещё на этапе судебно-медицинской экспертизы. Между наличием черепно-мозговой травмы и её последствиями в виде обезображивания лица необходимо наличие прямой причинной связи.

Особую проблему представляет собой определение степени тяжести вреда здоровью у детей с обширными ранами лица. Развитие раневого процесса может идти по двум противоположным направлениям. Первый из них – благоприятный. В этом случае раны заживают без вторичных воспалительных изменений, рубцы гладкие, ровные, с течением времени становятся незаметными за счёт естественного восстановления кожного покрова, обновления клеток эпидермиса, и, соответственно, признаков обезображивания не наблюдается. В случае неблагоприятного исхода происходит задержка развития мягких тканей с последующей деформацией, которую можно квалифицировать как обезображивание. Как правило, на момент проведения судебно-медицинской экспертизы исход раневого процесса в таких случаях до конца не ясен. Искажение черт лица происходит параллельно с ростом ребёнка, поэтому видимые изменения могут сформироваться уже после окончания судебного процесса и вступления приговора в законную силу. В качестве иллюстрации трудностей судебно-медицинской и юридической квалификации травмы лица у детей хотим привести пример из практики. Девочка, 9 лет, пострадала в дорожно-транспортном происшествии. Причинённая тупая сочетанная травма головы и конечностей не была опасной для жизни, сопровождалась длительным расстройством здоровья, и квалифицируется как причинившая средней тяжести вред здоровью. Одной из составляющих травмы головы были резано-рваные раны в нижней части лица размерами 12,0 x 0,5 см, 10,0 x 0,3 см с расположенным между ними кожным лоскутом размерами 5,0 x 2,0 см. Дном ран являлась подкожно-жировая клетчатка, при

хирургической ревизии повреждения мышц не выявлены. Концы ран были сопоставлены между собой и ушиты, признаков гнойного воспаления в посттравматическом периоде не наблюдалось, раны зажили первичным натяжением, то есть, появление броской приметы не сопровождалось деформацией лица. Само по себе наличие неизгладимых рубцов на лице не является поводом для констатации обезображивания. Но ребенок продолжает расти, происходит закономерное изменение размеров тела и соотношения отдельных частей тела между собой. Череп ребенка в возрасте 7-13 лет растёт замедленно, а после 13 лет лицевой отдел вступает в новую фазу активного роста [2]. Общая длина рубцов на лице девочки достигает почти 30 см. Рубцы нерастяжимы, и присутствие их на большой площади лица может привести в будущем к стягиванию кожи на месте бывших повреждений и нарушению мимики. Современная медицинская наука и практика не могут спрогнозировать возможный исход через 3-5 и более лет. На наш взгляд квалификация тяжести вреда здоровью ребёнка в подобных ситуациях должна быть проведена после вступления рубца в заключительную фазу регенерации (не ранее чем через 2 месяца при неосложнённом течении) по фактическому состоянию на момент проведения судебно-медицинской экспертизы с возможным пересмотром во время судебного процесса, то есть, не отличаться от взрослых. Предположение о возможном обезображивании лица в будущем не может быть положено в основу определения степени тяжести вреда здоровью.

В данной статье мы сознательно не касаемся социального аспекта изменения внешности, образования неизгладимых повреждений у публичных личностей, для кого лицо является рабочим инструментом (актёров, телеведущих, фотомоделей). Мы хотим акцентировать внимание на том, что несмотря на очевидную субъективность понятия «обезображивание», возможно выделить объективные медицинские критерии, облегчающие юридическую квалификацию повреждений на лице. В случаях, когда особые и броские приметы не искажают пропорции лица, не нарушают восприятие и узнавание, можно сделать вывод, что внешние признаки человека соответствуют средним по своему значению, и, следовательно, последствия травмы не привели к обезображиванию.

Список литературы

1. Большая медицинская энциклопедия. Главн.ред Б.В.Петровский. Изд. 3-е (в 30-ти т.) М., «Сов.энциклопедия», 1980 – т. 13, стр. 231.
2. Есаков С.А. Возрастная анатомия и физиология (курс лекций) // УдГУ, Ижевск, 2010 – 196 с.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 24 апреля 2008 года № 194н г. Москва «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (дата подписания 24 апреля 2008 года, опубликован 5 сентября 2008 года, вступает в силу 15 сентября 2008 года, зарегистрирован в Минюсте РФ

13 августа 2008 года, регистрационный № 12118) // <https://rg.ru/2008/09/05/medicina-dok.html> (дата обращения 18.09.2021)

4. Филиппов А.Г. Криминалистика. – 1998. – гл. 9. – § 2 // <https://be5.biz/pravo/k013/index.html> (дата обращения 18.09.2021)

References

1. A large medical encyclopedia. Glavn.ed. B. V. Petrovsky. Ed. 3rd (in 30 volumes) M., «Soviet Encyclopedia», 1980-vol. 13, p. 231.

2. Esakov S.A. Age-related anatomy and physiology (a course of lectures) / / UdSU, Izhevsk, 2010-196 p.

3. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation (Ministry of Health and Social Development of Russia) No. 194n, Moscow, dated April 24, 2008, «On approval of Medical criteria for determining the severity of harm caused to human health» (signed on April 24, 2008, published on September 5, 2008, enters into force on September 15, 2008, registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 13, 2008, registration № 12118) // <https://rg.ru/2008/09/05/medicina-dok.html> (accessed 18.09.2021).

4. Filippov A.G. Criminalistics. – 1998. – ch. 9. – § 2 // <https://be5.biz/pravo/k013/index.html> (accessed 18.09.2021)

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра коммуникационных технологий и цифрового образования Московского государственного лингвистического университета, Москва,
Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
tstarshinova@mail.ru

Демченко Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
demchenkomv@mail.ru

ДОВЕРИЕ ГРАЖДАН ИНСТИТУТУ ПОЛИЦИИ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ УКРЕПЛЕНИЯ

Аннотация. В работе раскрываются теоретические основы и обосновывается содержание общественных механизмов укрепления доверия граждан институту полиции, как показателя оценки общественного мнения о работе МВД РФ. Показывается, что безопасность жизнедеятельности, защита от преступности – это системнообразующая потребность человека, коллектива и общества. Вскрываются причины недоверия полиции, которые находят свои основания в общественной психологии людей и в многочисленности российского социального страта преступности. Доказывается, что работа по укреплению доверия институту полиции – это сложная гуманитарная проблема. Представляется состав и сущность основных общественных механизмов укрепления доверия граждан институту полиции: политический, правовой, экономический, общественной ответственности, общественного контроля, информирования, гласности, традиций. Формулируются адресные практические рекомендации федеральным органам исполнительной власти по укреплению доверия граждан институту полиции

Ключевые слова: доверие граждан институту полиции, общественный механизм, закон, мотивация, политическая партия, участковый уполномоченный полиции, общественное мнение, безопасность жизнедеятельности, коррупция, преступник, сотрудник полиции, население, криминальная субкультура, политика, право, экономика, общественный контроль, информация, гласность, традиции, общественная система, правопорядок, публичная правоохранительная сфера, правоохранительная политика, социологическое исследование

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Communication Technologies and Digital Education, Moscow State linguistic University, Moscow,
Gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public relations, Institute of Business Career, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

Maxim V. Demchenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Legal Regulation of Economic Operations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
demchenkomv@mail.ru

TRUST OF CITIZENS IN THE POLICE INSTITUTION: PUBLIC MECHANISMS FOR STRENGTHENING

Abstract. The work reveals the theoretical foundations and justifies the content of public mechanisms to strengthen citizens' confidence in the police institution, as an indicator of assessing public opinion about the work of the Ministry of Internal Af-

fairs of the Russian Federation. It is shown that the safety of life, protection from crime - the systemically important need of a person, team, society. The reasons for distrust of the police are revealed, which find grounds in the social psychology of people and in the multiplicity of the Russian social stratum of crime. It is proved that the work of building confidence in the police institution is a complex humanitarian problem. The composition and essence of the main public mechanisms for building citizens' confidence in the institution of the police are presented: political, legal, economic, public responsibility, public control, information, publicity, traditions. Targeted practical recommendations are made to federal executive authorities to strengthen citizens' confidence in the police institution

Keywords: citizens' trust in the police institution, public mechanism, law, motivation, political party, precinct police commissioner, public opinion, life safety, corruption, criminal, police officer, population, criminal subculture, politics, law, economy, public control, information, publicity, traditions, public system, law and order, public law enforcement, law enforcement policy, sociological research

Доверие граждан институту полиции – основной показатель оценки общественного мнения о работе МВД РФ в целом [3, 5, 8, 9, 11, 13, 14].

Безопасность жизнедеятельности, защита от преступников – это ценнейшая системообразующая потребность человека, коллектива, общества, и поэтому, как показывают результаты анализа научной, правовой [4, 16, 22, 29], художественной литературы, работа полиции – это постоянная, объективная и необходимая с точки зрения общественной психологии проблема правоохранительной сферы России. Во все времена, судя по информации сохранившихся до настоящего времени документов (с 25 мая 1718 года – дня организации полиции Петром I), пороками, присущими этой профессии, считались различные проявления коррупции и другие деяния, снижающие уровень доверия к сотрудникам этой силовой структуры. Полиция всегда прямо или косвенно контролировала деятельность почти всех институтов общества, регулировала их работу в правовом контексте, что, априори, вызывало недовольство тех, кто при этом ограничивался в свободе незаконной деятельности. Именно поэтому полиция в периоды революций и общественных «перестроек» становится объектом применения насилия. В такие времена активное население крупных городов совершало погромы полицейских учреждений, физически расправлялось с их служащими. И даже после создания народной милиции (полиции) она быстро лишилась общественной поддержки. Очевидно, что причина здесь кроется в общественной психологии людей, о чем хорошо писал русский теоретик анархизма М.А. Бакунина (1814-1876) в работе «Государственность и анархия» [15]. Он рассуждал: «если когда-либо будут установлены правительство и парламент, состоящие исключительно из рабочих, эти рабочие, бывшие убежденными социальными демократами, вскоре станут поклонниками принципа власти, угнетателями и эксплуататорами» [15, с. 143]. Проблема в том, пояснял ученый, что «весь пролетариат не сможет встать во главе управления, если будут управляемые, то будут и рабы» [15, с.76]. Поэтому государство для обеспечения своей безопасности,

обязано всемерно защищать институт полиции, обеспечивать высокий уровень жизнеобеспечения его сотрудников, управлять укреплением его авторитета.

Объективно, исходя из отмеченного выше, добиться всеобщего доверия к полиции невозможно. Тем более, что в России существует институт преступности, членов которого, в отличие от западной научной традиции, в социальной стратификации (научная школа МГУ им. М.В. Ломоносова) определяют, как отдельный страт населения. Априори, наделенные природой особыми социально-психологическими качествами, такие граждане – оппоненты полиции. И этот слой (страт) людей объективно множится в условиях особого отношения государства к социализации преступников после отбытия наказания. Например, они испытывают значительные трудности в трудоустройстве, им закрыт путь для работы на престижных должностях в структурах исполнительной власти, в силовых институтах общества, в образовании и многих других профессиональных сферах. Закрывается доступ и их ближайшим родственникам (братьям, сестрам, детям), что сразу как минимум в разы множит число открытых и, что опасней, скрытых противников полиции. Эта практика в кризисном обществе – условие «цветных революций» и прочих социальных катаклизмов. Результаты анализа статистических данных, научной литературы [19,21,29] показывают, что на начало 2020 года в местах лишения свободы находилось 519,6 тысячи человек плюс в следственных изоляторах (далее - СИЗО) около 100 тысяч человек [26]. Простой расчет показывает, что ежегодно примерно каждый 133 трудоспособный житель страны (82,4 млн трудоспособного населения / 619,6 тыс. чел. = 133 чел.) находится в условиях тюремного ограничения свободы. А по данным прокуратуры в 2019 году на территории России зарегистрировано 2 024 337 преступлений. Следовательно, в непримиримой оппозиции к полиции постоянно находится каждый 62 трудоспособный гражданин России [164 млн чел. / (619600 чел. + 2 024 337 чел.) = 62 чел.].

Контент-анализ программ государственных каналов показывает, что около 70% передач в той или и

иной мере связаны с криминальной тематикой. При этом сотрудники полиции редко представляются как соблюдающие требования законодательства профессионалы, а они – представители структуры исполнительной власти и, априори, транслируют свой образ на всю власть страны, вызывая к ней недоверие «единственного источника власти в Российской Федерации» [1, ст.3] народа, который осуществляет ее «непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [1, ст. 3].

Очевидно, что чем больше в стране людей, имеющих криминальный опыт и отторгаемых от общественно полезного труда, тем ниже уровень доверия населения полиции (см. Рисунок 1). В таких условиях объективно распространяются ценности криминальной субкультуры.

Как видно на Рисунке 1 около 25,4% респондентов показали свое недовольство работой полиции, а это – явный конфликтоген, который в любой момент может активизироваться и обусловить протестные действия населения.

Цель исследования – разработка общественных механизмов укрепления доверия российских граждан институту полиции.

Задачи: уточнить сущность и содержание категории «общественный механизм укрепления доверия российских граждан институту полиции»; определить и обосновать основные общественные механизмы укрепления доверия российских граждан институту полиции; осуществить замеры показателей доверия граждан полиции; разработать практические рекомендации по повышению его уровня.

Гипотеза – уровень доверия российских граждан институту полиции повысится, если активизировать работу основных общественных механизмов.

Технология и методы исследования.

Технология включала комплекс сил, средств, методов и процедур исследования. Методы: модели-

рование, анализ, синтез, наблюдение, контент-анализ, экспертный опрос, вторичный анализ научных исследований, содержательный анализ документов, интернет-опрос респондентов.

Эмпирической базой исследования стали районные отделения полиции г. Москвы, семи производственных предприятий, два вуза МВД РФ. Генеральная совокупность около 25 000 человек. Выборка – 398 чел. Ошибка выборки – 5%. Эксперты – 216 чел. (Руководители и сотрудники ОВД, руководители производственных организаций, сотрудники муниципальных органов управления, профессорско-преподавательский состав вузов, члены общественных организаций). Выборка – 216 экспертов.

Результаты теоретического обсуждения проблемы и эмпирического исследования.

Анализ научной литературы [24, 25] показал, что сущность и содержание категории «общественный механизм укрепления доверия к полиции» не имеет единого теоретического понимания, что обуславливает системные проблемы в его формировании и включении в систему правоохранительной работы. Любой орган формальной власти (административной, бюрократической) не может осуществлять профессиональную деятельность без участия структур неформальной власти (институтов гражданского общества) и населения. В этой связи необходимо поддержать участие граждан, общественные и профессиональные организации, политические партии и движения в управлении страной и, в частности, институтом полиции.

Есть разные мнения о функциях общественного механизма. Так, представители научной школы социального управления [17, 18, 20, 23, 24, 28, 30] считают, что этот механизм обеспечивает жизнеспособность организации, как гомеостатический механизм реагирует на критические параметры организации, подобно тому, как в живом организме поддерживает

Доверяете ли Вы работе полиции?

- 1. Да – 36,9%
- 2. Скорее доверяю – 33,2%
- 3. Нет – 25,4%
- 4. Другое – 4,5%

	Частота	Проценты
1	147	36,9
2	132	33,2
2	101	25,4
4	18	4,5
Всего	398	100,0

Рисунок 1. Мнение респондентов о доверии населения институту полиции

ся, давление крови и т.п. Другие [27, с. 121] считают, что механизм этот более сложный и сам способен при наличии угроз разрушения системы изменять социальные нормы и таким образом выживать.

Результаты исследования показали, что численная и содержательная компоновка механизмов деятельности по укреплению доверия институту полиции (подсистем управления) очень разнообразна и зависит от решаемых задач, выполняемых организацией, от контролируемых ими отношений между элементами системы. Очевидно, что идеальная модель общественного механизма – это система самоуправления, где ограничивается внешнее воздействие, создаются внутренние благоприятные, демократические, справедливые условия работы.

Результаты опроса экспертов позволили определить и обосновать несколько системообразующих общественных механизмов укрепления доверия институту полиции: политический, правовой, экономический, общественной ответственности, общественного контроля, информирования, гласности и традиций.

Априори, общественная система всегда контролируется политическим механизмом, т.е. органами государственной власти, т.к. политика – это деятельность органов государственной власти в общественной жизни. Очевидно, что политический механизм в институте полиции является системообразующим, т.к. в него включены наиболее влиятельные и крупные силы общества, между которыми объективно всегда ведется борьба. А субъекты сферы публичной правоохранительной среды – потенциальные члены партий, ведущих борьбу за власть. Результаты опроса экспертов (см. выше выборку) показывают, что в настоя-

щее время партии, представленные в законодательном органе страны, в публичной правоохранительной сфере имеют незначительный успех (см. Рисунок 2).

Как видно на рисунке 33,8% (12%+21,8%) экспертов прямо или косвенно не доверяют деятельности партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Поэтому есть вероятность возможного усиления политического давления на власть со стороны оппозиционных партий, которые будут использовать протестные настроения в публичной правоохранительной сфере. Т.к. институт полиции – силовая часть политического механизма государства, то, объективно, на него транслируется низкий уровень доверия населения страны.

Этот факт позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования всех элементов политического механизма укрепления доверия институту полиции.

В то же время в работе политического общественного механизма укрепления доверия институту полиции есть позитивные результаты. Так, результаты опроса респондентов показали, что в стране есть много граждан, которые уверены, что общественность уже стала полноценным субъектом правоохранительной политики, а общественное мнение – реальным стимулом для разработки стандартов оценки деятельности сотрудников полиции (см. Рисунок 3).

Этот факт позволяет сделать выводы: первый – политический механизм нуждается в совершенствовании; второй – он ограниченно обеспечивает вовлечение участников публичной сферы в систему разработки и оценки правоохранительной политики Российской Федерации.

Рисунок 2. Доверие экспертов политическим партиям, представленным в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации

По Вашему мнению, в настоящее время общественность стала полноценным субъектом правоохранительной политики, а общественное мнение стимулом для разработки показателей оценки деятельности сотрудников полиции?

- 1. Да – 16,8%
- 2. Скорее да – 41,2%
- 3. Нет – 23,9%
- 4. Скорее нет – 11,3%
- 5. Нет ответа – 6,8%

	Частота	Проценты
1	67	16,8
2	164	41,2
3	95	23,9
4	45	11,3
5	27	6,8
Всего	398	100,0

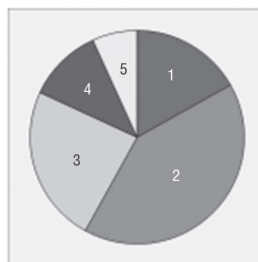

Рисунок 3. Мнение респондентов о тезисе «общественность стала полноценным субъектом правоохранительной политики, а общественное мнение – реальным стимулом для разработки показателей оценки деятельности сотрудников полиции»

Результаты опроса экспертов позволили установить, что все они испытывают трудности в деятельности, обусловленные работой правового механизма укрепления доверия институту полиции.

По мнению экспертов, правовое обеспечение сегодня не является основной проблемой реализации стратегии правоохранительной деятельности. Лишь каждый 5-ый из них отметил наличие пробелов в правовом обеспечении (см. Рисунок 4).

Вероятно, этот факт обусловлен низким уровнем качества правоприменительной практики, который, в свою очередь, обусловлен материально-техническими проблемами работы правового механизма.

Очевидно, что в условиях рыночных отношений, где деньги являются основной общественной ценностью, любой труд должен оплачиваться. Надеяться на то, что люди будут сотрудничать полицией только добровольно – утопия. Человек в рыночных отношениях будет работать только там, где есть прибыль. «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, ..., при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [31, с.77].

Безусловно, часть граждан (около 10% населения), как показывают результаты исследования научных трудов классиков психологической науки, могут быть на добровольной основе вовлечены в работу экономического механизма, приняв, например, участие в общественном давлении на власть с целью повышения уровня финансового обеспечения деятельности организаций полиции, т.к. в общественном правоохранительном сознании сложилось убеждение о том, что без совершенствования материально-технического и финансового обеспечения уровень качества работы правоохранительной системы будет

снижаться. Это суждение обосновывается мнением экспертов о причинах коррупции в системе МВД РФ (см. Рисунок 5), которое, априори, не улучшает качество деятельности любой организации.

Таким образом, уровень доверия населения институту полиции можно повысить, если совершенствовать экономический механизм обеспечения деятельности системы МВД РФ.

В настоящее время становится обязательным механизм общественной ответственности, основными элементами которого становятся различные производственные организации и институты гражданского общества, взаимодействующие с организациями полиции. Существование этой практики объективно, т.к. защита населения от различных криминальных воздействий невозможна без его связи с правоохранительной системой. Общественная ответственность за правопорядок в стране заключается в том, что деятельность правоохранительных органов по созданию безопасных условий для жизнедеятельности граждан должна быть морально и материально обеспечена давлением организаций населения на структуры государственной власти. Отечественный опыт показывает, что общественная ответственность основывается на моральных качествах населения. Одна из форм такой ответственности – благотворительность. Творить благо – значит заботиться о создании благоприятных условий работы для сотрудников полиции там, где этого не может сделать формальная власть. Безусловно, благотворительность должна быть управляемой. Анализ научной литературы [18, 28], наблюдения практики позволили выявить негативный факт неорганизованной благотворительности – коррупцию, которая определяется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп

Рисунок 4. Мнение респондентов о проблемах реализации стратегии правоохранительной деятельности

Рисунок 5. Мнение экспертов о причинах коррупции в подразделениях полиции

либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2]. Очевидно, что при таком определении коррупции руководитель подразделения полиции, получая благотворительную помощь от граждан, всегда может быть обвинен в коррупции. В этой связи необходимо разъяснение и регламентация содержания благотворительности в контексте сотрудников полиции, т.е., нуж-

ны новые теоретические и практические изыскания в сфере этого правового феномена.

Безусловно, все вышеназванные механизмы быстро себя дискредитируют (см. выше - М.А. Бакунин), если не будет создан эффективный механизм общественного контроля деятельности полиции.

Результаты исследования показали, что среди респондентов много равнодушных к состоянию дел в институте полиции. Они внимательно наблюдают за положением дел в правоохранительной системе и желают помогать и участвовать [52,3% (21,9% + 30,4%)] в контроле ее деятельности (см. Рисунок 6).

В настоящее время идет процесс создания общественных организаций с формализованными

Готовы ли Вы участвовать в общественном контроле деятельности подразделений полиции?

1. Да, готов(а) – 21,9%
2. Скорее готов(а) – 30,4 %
3. Скорее не готов(а) – 28,6 %
4. Нет, не готов(а) – 14,3 %
5. Затрудняюсь ответить – 4,8%

	Частота	Проценты
1	87	21,9
2	121	30,4
3	114	28,6
4	57	14,3
5	19	4,8
Всего	398	100,0

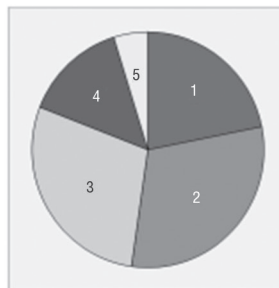

Рисунок 6. Мнение респондентов о готовности участвовать в общественном контроле деятельности подразделений полиции

правами. Например, сейчас некоторые функции ранее существовавшего Комитета народного контроля (далее – КНК) (разведывательные, информационные, идеологические, морально-психологические, политико-просветительские и иные) выполняют различные молодежные общероссийские и региональные (городские) движения: Российский союз молодежи, Авангард красной молодежи, Наши, Молодая гвардия, Русское национальное единство, Союз волонтерских организаций и движений, Волонтеры Победы, Стоп-Хам, Молодежный антинаркотический спецназ, Отряды правопорядка, Чистый берег и многие другие.

Таким образом, механизм общественного контроля при его правильной организации способен создать хорошие условия для работы общественных механизмов, укрепления доверия российских граждан институту полиции.

Очевидно, что работа всей системы (механизмов) укрепления доверия российских граждан институту полиции будет затруднена без информационного механизма [6, 7]. Он необходим для пропаганды работы института полиции и реализации комплекса мер, направленных на борьбу с негативными воздействиями оппонентов (контрпропаганды). Цифровизация информационных технологий создала практически неограниченные возможности как для дискредитации деятельности любого государственного института, в т.ч. полиции, так и для его популяризации. Результаты данного исследования показали, что, например, работа всей системы укрепления доверия российских граждан институту полиции может быть оптимизирована, если они будут знать информацию о деятельности подразделений полиции. Как сказано выше, в настоящее время решение этой проблемы имеет законодательную основу. Так, ст. 9 Федерально-

го закона «О полиции» регламентирует деятельность полиции по укреплению общественного доверия и поддержки граждан. С этой целью закреплена такая форма работы с обращениями граждан как личный прием. В этой связи ч. 3 ст. 8 этого закона обязывает полицию информировать органы власти, граждан о своей деятельности в СМИ, Интернете, отчитываться (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами. Это требование дополнено ст. 50.1 «Взаимодействие полиции со средствами массовой информации». А извинения полиции гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции, можно с согласия гражданина, размещать в СМИ, что регламентировано Приказом МВД России от 15 августа 2012 года № 795 [10]. А для организации контроля общественного мнения о деятельности полиции, приказом МВД России от 1 декабря 2016 года № 777 утверждена Инструкция об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции [13]. Этим же приказом регламентирована организация подготовки в образовательных и научных организациях системы МВД России диссертационных, дипломных, научно-исследовательских и методических работ по проблемам мониторинга общественного мнения о деятельности полиции. Кроме этого, организовано проведение социологических исследований мнений (отношений) населения о деятельности полиции в субъектах РФ силами и средствами Службы специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации и Федеральным государственным казенным учреждением «Всероссийский научно-исследовательский институт

Где Вы узнаете информацию о достижениях, проблемах работы
отдела полиции Вашего района?

1. От знакомых сотрудников полиции – 5,5%
2. От родственников, знакомых – 32,4 %
3. Не интересуюсь этой информацией – 48,5%
4. Смотрю сайт отдела полиции – 10,6%
5. Нет ответа – 3,0 %

	Частота	Проценты
1	22	5,5
2	129	32,4
3	193	48,5
4	42	10,6
5	12	3,0
Всего	398	100,0

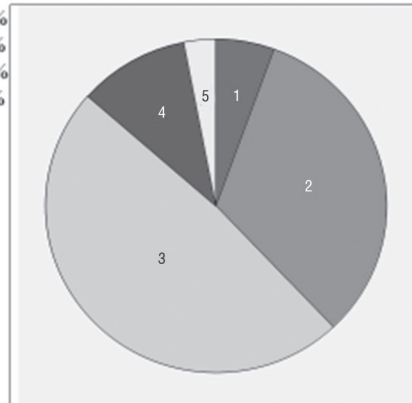

Рисунок 7. Адресанты информации о работе районных отделов полиции

Министерства внутренних дел Российской Федерации» [11]. Организовано дополнительное профессиональное образование сотрудников подразделений центрального аппарата МВД России, ТО МВД России на региональном уровне и образовательных организаций системы МВД России по изучению мнения населения о деятельности полиции [11, 12]

В ходе исследования нами были выявлены организационные и содержательные пробелы в работе информационного механизма полиции (см. Рисунок 7).

Так, информацию о достижениях, проблемах в работе полиции узнают на сайте ОВД лишь около 10%, а не интересуются подробной информацией 48,5% респондентов. В этой связи, можно косвенно утверждать о таком пробеле в работе информационного механизма, как низкий уровень организации пропаганды (рекламирования, презентации) полиции в публичной сфере.

Доказывают правоту этого утверждения и ответы на другой вопрос: «Знаете ли Вы фамилию, имя, отчество своего участкового уполномоченного полиции?». Не владеют никакой информацией об этом сотрудник полиции около 35% респондентов (см. Рисунок 8).

Таким образом, информационный механизм в системе укрепления доверия российских граждан институту полиции, несмотря на предпринимаемые руководством системные меры, работает медленно и нуждается в совершенствовании.

Заключение. Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

В условиях усложнения политических, экономических, правовых и других проблем правоохранительной сферы актуальным становится показатель «общественного механизма укрепления доверия институту полиции». Доверие граждан институту поли-

ции – основной показатель оценки общественного мнения о работе МВД РФ в целом. Безопасность жизнедеятельности, защита от преступников – это ценнейшая системообразующая потребность человека, коллектива и общества. При сегодняшней ситуации с криминализацией российского общества добиться доверия полиции большинством населения затруднительно без всестороннего обеспечения работы общественных механизмов.

Общественный механизм укрепления доверия институту полиции представляется нам как в виде отдельных элементов общественной системы (например, общественное мнение), так и в виде совокупности взаимосвязанных частей этой системы, обеспечивающих «давление» на объект регулирования, активизирующих и контролирующих его работу.

Системообразующими общественными механизмами укрепления доверия институту полиции являются политический, правовой, экономический, механизм общественной ответственности, общественного контроля, информирования, гласности и традиций.

Политический механизм – это деятельность органов государственной власти в общественной жизни. В институте полиции он является системообразующим. В его работе есть позитивные результаты. Но исследование показало, что он ограниченно обеспечивает вовлечение участников публичной сферы в систему разработки и оценки правоохранительной политики Российской Федерации.

В настоящее время становится обязательным механизм общественной ответственности, основными элементами которого становятся различные производственные организации и институты гражданского общества, взаимодействующие с органами полиции.

Знаете ли Вы фамилию, имя, отчество своего участкового
уполномоченного полиции?

1. Нет, участкового знаю только в лицо -	21,6 %
2. Знал, но забыл	- 26,4 %
3. Знаю фамилию участкового	- 16,8 %
4. Не знаю	- 34,7 %
5. Другое	- 0,5 %

	Частота	Проценты
1	86	21,6
2	105	26,4
3	67	16,8
4	138	34,7
5	2	0,5
Всего	398	100,0

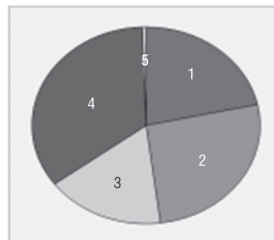

Рисунок 8. Знание респондентами информации о своем участковом уполномоченном полиции

Вся система обеспечения доверия граждан институту полиции быстро себя дискредитируют, если не будет создан эффективный, сопряженный с информационным пространством, механизм общественного контроля. В настоящее время он, несмотря на предпринимаемые руководством системные меры, работает медленно и нуждается в совершенствовании.

Практические рекомендации.

1. В области совершенствования нормативной правовой базы.

МВД России предложить разработать методические рекомендации по организации работы общественных механизмов укрепления доверия граждан институту полиции.

2. В области административной организационной работы.

МВД России предложить обеспечить консультативное участие ветеранов-сотрудников МВД в государственных СМИ России с целью укрепления доверия к институту полиции; уточнить должностные обязанности сотрудников отделов воспитательной работы в контексте ежеквартального проведения ис-

следований уровня доверия населения методом контент-анализа СМИ.

3. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Министерству науки и высшего образования Российской Федерации предложить издать приказ об уточнении паспорта научных специальностей 22.00.08 – социология управления. Ввести направления исследований, связанных с совершенствованием общественных механизмов укрепления доверия к федеральным органам законодательной, исполнительной и судебной власти.

Определить направления дальнейших исследований для образовательных и научно-исследовательских подразделений вузов МВД:

- политический, правовой и экономический механизм укрепления доверия институту полиции;
- механизм общественной ответственности и общественного контроля в системе укрепления доверия институту полиции;
- механизм информирования, гласности и традиций в системе укрепления доверия институту полиции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст.3. М., 2020, 63с.
2. Федеральный закон РФ № 273-ФЗ от 25.12.2008г. «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 5342, 29 декабря 2008 г.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 г.
4. Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Российская газета, 07 апреля 2014 г.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета, № 6435, 23 июля 2014 г.
6. Федеральный закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // Российская газета, 01 марта 2020 г.
7. Государственная программа «Информационное общество (2011-2020)» // <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>. Дата обращения 12.01.2021 г.

8. Государственная программа Российской Федерации: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Дата обращения 12.01.2021 г.
9. Приказ МВД России от 3 ноября 2006 г. № 875 «О дальнейшем совершенствовании взаимодействия органов и подразделений системы МВД России с ветеранскими организациями органов внутренних дел и внутренних войск МВД России» // <https://base.garant.ru/1356943/#friends>. Дата обращения 12.01.2021 г.
10. Приказ МВД РФ от 15 августа 2012 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» // <https://base.garant.ru/70222544/> / Дата обращения 12.01.2021 г.
11. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // <https://dokipedia.ru/document/5200338>. Дата обращения 12.01.2021 г.
12. Приказ МВД России от 31 марта 2015 года № 385 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921312/> Дата обращения 12.01.2021 г.
13. Приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Дата обращения 12.01.2021 г.
14. Приказ МВД России от 30.12.2016 № 945 «О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России по вопросам взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с ветеранскими организациями» // <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-MVD-Rossii-ot-30.12.2016.-N-945/> Дата обращения 12.01.2021 г.
15. Бакунин М.А. Государственность и анархия. М. Политздат, 1984. 354 с.
16. Бодрикова А.В., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Социальное управление общественными объединениями инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы: монография // М.: СГУ. 2015. 204 с.
17. Бокарева В.Б., Лаптев Л.Г., Гостев А.Н. Психология эффективного труда в социальной сфере: монография. Москва: Объединенная редакция; Ярославль, Филигрань. 2019. 629 с.
18. Борисова Е.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Коррупция в системе образования: проблемы и пути разрешения // Социология образования. 2013. № 7. С.4-22.
19. Ветрова О.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими по действие административного надзора (ВАК) // Вестник Академии права и управления, № 1 (58), 2020. С. 25-31
20. Ветрова О.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2 (59). С. 23-31.
21. Виноградова Е.Г. Имидж – профессиональная характеристика руководителя // Справочник руководителя учреждения культуры. 2006. № 6. С. 79.
22. Гостев А.Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Научно-практический журнал «Человеческий капитал» №12 (132) часть 2, 2019. С 126-147.
23. Демидова С.С., Демченко Т.С., Гостев А.Н., Мотивация руководящего состава производственных компаний на оптимизацию общественного управления: статья // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия. История, социология, политология, культурология», № 4. 2015. С. 90-98.
24. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы вовлечения населения в систему разработки образовательной политики Российской Федерации // Социология образования. 2016. № 8. С.80-100.
25. Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции (ВАК) // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32
26. Куликов В.Н. Тюрьма пустеет // Российская газета, № 51(8105), 2020.
27. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
28. Серикова В.П., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Управление высшим образованием: российские традиции: монография М.: СГУ, 2016. 182 с.
29. Смолева С.С. Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью: политическая теория и практика: автореф. дис. д-ра полит. наук. М., 2013. С.23.
30. Социология: краткий тематический словарь / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов – на – Дону: Феникс, 2001. С. 453.
31. Челпухов Е.В., Гостев А.Н., Демченко М.В. Организация управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote, 01.07.2020) art. 3. М, 2020, 63 pages.
2. Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of 25.12.2008 "On combating corruption" // Rossiyskaya Gazeta, No. 5342, December 29, 2008

3. Federal Law of the Russian Federation dated 07.02.2011 № 3-FZ (ed. From 06.02.2020) "On the Police" // Russian newspaper, February 08, 2011
4. Federal Law of April 2, 2014 No. 44-FZ "On the participation of citizens in the protection of public order" // Russian newspaper, April 7, 2014
5. Federal Law of the Russian Federation of July 21, 2014 № 212-FZ "On the Basics of Public Control in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 6435, July 23, 2014
6. Federal Law of the Russian Federation dated 27.12.1991 № 2124-1 (ed. From 01.03.2020) "On the Media" // Russian newspaper, March 01, 2020
7. State program "Information Society (2011-2020)" // <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>. Circulation Date 12.01.2021
8. State program of the Russian Federation: "Ensuring public order and countering crime" // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Date of appeal 12.01.2021
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of November 3, 2006 No. 875 «On further improvement of the interaction of bodies and units of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia with veteran organizations of internal affairs bodies and internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // <https://base.garant.ru/1356943/#friends>. Circulation Date 12.01.2021
10. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of August 15, 2012 No. 795 «On the procedure for apologizing to a citizen whose rights and freedoms were violated by a police officer» // <https://base.garant.ru/70222544/> Date of appeal 12.01.2021
11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 31, 2013 № 1040 «Issues of evaluation of the activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // <https://dokipedia.ru/document/5200338>. Circulation Date 12.01.2021
12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of March 31, 2015 No. 385 «On approval of the procedure for organizing training for filling posts in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921312/> Date of application 12.01.2021
13. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 1, 2016 No. 777 «On the organization of constant monitoring of public opinion on police activities» // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Circulation Date 12.01.2021
14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 30.12.2016 № 945 «On Amending the Normative Legal Acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the Interaction of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation with Veteran Organizations» // <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-MVD-Rossii-ot-30.12.2016.-N-945/> Circulation Date 12.01.2021
15. *Bakunin M.A.* Statehood and anarchy. M. Politzdat, 1984. 354 pages.
16. *Bodrikova A.V., Gostev A.N., Demchenko T.S.* Social management of public associations of disabled people due to hostilities and military trauma: monograph // M.: SSU. 2015. 204 pages.
17. *Bokareva V.B., Laptev L.G., Gostev A.N.* Psychology of effective labor in the social sphere: monograph. Moscow: Joint Edition; Yaroslavl, Filigran. 2019. 629 pages.
18. *Borisova E.A., Gostev A.N., Demchenko T.S.* Corruption in the education system: problems and solutions // Sociology of education. 2013. № 7. Page 4-22.
19. *Vetrova O.A., Gostev A.N., Demchenko T.S.* Illegal migration as a reason for the commission of crimes by foreign citizens subject to administrative supervision (HAC) // Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 1 (58), 2020. Page 25-31
20. *Vetrova O.A., Gostev A.N., Demchenko T.S.* Relapse crime of foreign citizens in Russia: social and legal characteristics // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 2 (59). Page 23-31.
21. *Vinogradova E.G.* Image - professional characteristic of the head // Directory of the head of the cultural institution. 2006. № 6. Page 79.
22. *Guest A.N.* Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid warfare and security problems: the results of the analysis of digital documents // Scientific and practical journal «Human Capital» No. 12 (132) part 2, 2019. FROM 126-147.
23. *Demidova S.S., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Motivation of the management of production companies to optimize public management: article // Bulletin of Adygea State University. Series «Regional Studies: Philosophy. History, sociology, political science, cultural studies,» No. 4. 2015. Page 90-98.
24. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Public mechanisms for involving the population in the system of developing educational policy of the Russian Federation // Sociology of education. 2016. № 8. Page 80-100.
25. *Kadyrov R.Kh., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Public mechanisms for stimulating police officers (HAC) // Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 4 (61), 2020. Page 25-32
26. *Kulikov V.N.* The prison is empty // Russian newspaper, No. 51 (8105), 2020.
27. *Parsons T.* System of modern societies. M.: Aspect Press, 1997. 270 pages.
28. *Serikova V.P., Gostev A.N., Demchenko T.S.* Higher education management: Russian traditions: monograph M.: SSU, 2016. 182 pages.

29. *Smoleva S.S.* Formation of a positive image of internal affairs bodies in the activities of public relations services: political theory and practice: autoref. diss. Dr. Polite. sciences. M, 2013. Page 23.
30. *Sociology: a short thematic dictionary*/Ed. Yu.G. Volkova. Rostov - on - Don: Phoenix, 2001. Page 453.
31. *Cheplukhov E.V., Gostev A.N., Demchenko M.V.* Organization of management of the internal affairs body of the Russian Federation: sociological aspect//Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). Page 75-85.

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово, md2063@mail.ru

ПРОКУРАТУРА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассматривается вопрос о месте прокуратуры в системе государственного механизма. Исходя из задач и функционального назначения органов прокуратуры как одного из важнейших элементов механизма государства, предлагается повысить статус прокуратуры до уровня четвертой ветви власти.

Ключевые слова: Конституция, органы прокуратуры, ветви власти, система органов государственной власти, задачи и функции органов прокуратуры

Mevlud D. Davitadze,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo, md2063@mail.ru

PROSECUTOR'S OFFICES IN THE SYSTEM OF STATE POWER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the question of the place of the prosecutor's office in the system of the state mechanism. Based on the tasks and functional purpose of the prosecutor's office as one of the most important elements of the mechanism of the state, it is proposed to raise the status of the prosecutor's office to the level of the fourth branch of government.

Keywords: Constitution, prosecutor's offices, branches of government, system of public authorities, tasks and functions of the prosecutor's office

Органы прокуратуры, осуществляющие надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов РФ, а также за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, занимает особое место в системе органов государственной власти.

С момента образования (12 (23) января 1722 года) Российская прокуратура прошла неоднозначный путь своего становления и развития. За всю историю своего существования она подверглась различным реформам и преобразованиям. Еще в 1802 году институт прокуратуры стал составной частью вновь образованного Министерства юстиции Российской империи [1].

В последующем функции органов прокуратуры были пересмотрены судебной реформой 1864 года «Основные начала судебных преобразований», в которой указывалось, что «при судебных местах необходимы особые прокуроры» [2].

После Октябрьской революции 1917 года началась новая крупная судебная реформа в советской

России. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 года [3] СНК РСФСР была упразднена прежняя система власти, в том числе и прокуратура, то есть существовавшие до революции суды, институты судебных следователей и прокурорского надзора.

В период с 1917 по 1922 год прокурорские функции осуществлял ряд органов государственной власти и управления: ВЦИК, СНК, народные комиссариаты юстиции, исполкомы и др. [4], что породило необходимость в законодательном порядке решить данную проблему.

В мае 1922 года постановлением ВЦИК было принято первое нормативное «Положение о прокурорском надзоре» [5], согласно которому в ноябре 1923 года в составе Народного комиссариата юстиции была образована Прокуратура Верховного суда СССР.

Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик 1924 года [6]. закрепили принцип централизации в организации и деятельности органов прокуратуры.

Следующим важным этапом развития прокуратуры явилось Положение о прокуратуре СССР, принятое ЦИК и СНК СССР 17 декабря 1933 года [7], определявшее правовой статус прокуратуры СССР как государственного союзного органа, осуществляющего высший надзор за исполнением законов на территории СССР. В результате данного акта была упразднена прокуратура при Верховном суде СССР.

В ноябре 1979 года после принятия Конституции СССР 1977 года был принят закон СССР о прокуратуре СССР, заменивший положение о прокурорском надзоре.

После распада СССР, в январе 1992 года, был принят новый закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», определяющий понятие и закрепляющий функции и задачи органов прокуратуры.

В Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, был закреплён принцип единства и централизации системы органов прокуратуры, согласно которому она выступала как самостоятельный государственный орган, формально не входящий ни в одну из ветвей власти.

Следует отметить, что согласно ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения «на законодательную, исполнительную и судебную» [8].

Согласно Конституции, органы законодательной, исполнительной и судебной власти при осуществлении своих непосредственных полномочий действуют самостоятельно. Однако при реализации общих задач все ветви власти взаимодействуют друг с другом, по широкому кругу вопросов выступают как единый государственный механизм.

Понятие прокуратуры в период постсоветского законодательства, как уже было сказано, дается ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В ч.1 ст.1 [9] указанного закона говорится, что прокуратура РФ – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. В последующем положение данной нормы нашло свое отражение в ст. 129 Конституции РФ.

Вместе с тем следует отметить, что вопрос о месте прокуратуры в системе государственной власти за последние годы, как среди ученых, так и среди сотрудников органов прокуратуры различного уровня не теряет своей актуальности. Многие из них выступают за создание четвертой ветви власти в лице про-

куратуры, а часть из них – за сохранение прокуратурой прежнего статуса.

Одним из главных оснований и толчком для определения места органов прокуратуры в системе государственной власти послужило принятие 5 февраля 2014 года закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации №-2ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [10]. Именно данный закон послужил причиной внесения изменений в название главы 7 Конституции Российской Федерации, которая вместо «Судебной власти» получила название «Судебная власть и прокуратура».

Таким образом, в главе 7 Конституции по сравнению с прежней редакцией было определено равнозначное место судебной власти и органов прокуратуры, которые в системе правоохранительных органов занимают особое место. Главной целью указанных органов является обеспечение принципа верховенства Конституции и соблюдение требований законов Российской Федерации на территории страны. Однако при этом следует отметить, что место органов прокуратуры, обозначенное в главе 7 Конституции, не в полной мере соответствует их функциональному назначению.

Если проанализировать 7 главу Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура», можно убедиться, что в ней из 12 статей только одна – ст. 129 – посвящена органам прокуратуры, а остальные десять закрепляют и конкретизируют место судебной власти, в том числе конституционного суда в системе государственного механизма РФ (ст. 127 исключена).

На наш взгляд, настало время изменить существующую классическую систему деления власти на устоявшиеся ветви и, исходя из задач и функционального назначения органов прокуратуры (как ока государства), на конституционном уровне закрепить за прокуратурой статус четвертой ветви власти в системе государственного механизма.

Кроме того, следовало бы в системе органов прокуратуры учредить должность государственного/конституционного прокурора, осуществляющего непосредственный контроль за соблюдением международных договоров РФ, Конституции РФ, федеральных законов и который во взаимодействии с конституционным судом осуществлял бы контроль за их исполнением. А за генеральной прокуратурой сохранить все другие направления деятельности, главная из которых будет заключаться в профилактике, предупреждении и борьбе с преступностью.

На наш взгляд, данное предложение может стать предметом должного обсуждения со стороны специалистов, на основании которого могут быть сделаны соответствующие выводы.

Список литературы

1. <https://samadm.ru/media/news/31303/>
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Прокуратура_Российской_Федерации
3. ПСЗ. Т. 44. № 46840. См. также: Российское законодательство X– XX веков. М., 1991. Т. 9. С. 8.
4. https://studme.org/70402/pravo/prokuratura_sovetskogo_perioda
5. Собрание узаконений 1922. № 36. С. 424.
6. https://studme.org/169052/pravo/prokuratura_sovetskogo_perioda
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Прокуратура_Российской_Федерации
8. <http://www.consultant.ru/>
9. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
10. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – СЗРФ – 10.02.2014. – № 6. – ст.548.

References

1. <https://samadm.ru/media/news/31303/>
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Prosecutor's_Office_Russia_federation
3. PSZ. Vol. 44. № 46840. See also: Russian legislation of the X- XX centuries. Moscow, 1991. Vol. 9. P. 8.
4. https://studme.org/70402/pravo/prokuratura_sovetskogo_perioda
5. Collection of laws of 1922. № 36. p. 424.
6. https://studme.org/169052/pravo/prokuratura_sovetskogo_perioda
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Prosecutor's_Office_Russia_federation
8. <http://www.consultant.ru/>
9. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
10. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated February 5, 2014 № 2-FKZ «On the Supreme Court of the Russian Federation and Prosecutor's Office of the Russian Federation» [Electronic resource]. – NWRF – 10.02.2014. – № 6. – Article 548.

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово,
md2063@mail.ru

Майстренко Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва,
g.maisterenko@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ КАК НАУКИ

Аннотация. На сегодняшний день значение криминологии как науки определяется многоплановостью ее содержания. Она призвана комплексно исследовать преступность, как исторически изменчивое, массовое, социальное и противоправное явление, в силу чего задачи криминологии как науки состоят в изучении причин и условий совершения преступлений, индивидуальных особенностей личности преступника, а также в определении путей предупреждения преступлений. В статье авторами коротко анализируется процесс формирования криминологии как науки в рамках дореволюционного, советского и современного этапов, оказавший существенное влияние на содержание данной науки на современном этапе ее развития.

Ключевые слова: криминология, дореволюционный период, советский период, уголовно-правовой подход, социологический подход, преступность

Mevlud D. Davitadze,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo,
md2063@mail.ru

Grigory A. Maistrenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Senior Research Officer, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow,
g.maisterenko@yandex.ru

ON THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGY AS A SCIENCE

Abstract. Today, the importance of criminology as a science is determined by the diversity of its content. It is designed to comprehensively investigate crime as a historically variable, mass, social and illegal phenomenon, which is why the tasks of criminology as a science are to study the causes and conditions of the commission of crimes, the individual characteristics of the criminal's personality, as well as to determine ways to prevent crimes. The article briefly analyzes the process of criminology formation as a science within the pre-revolutionary, Soviet and modern stages, which had a significant impact on the content of this science at the present stage of its development.

Keywords: criminology, pre-revolutionary period, Soviet period, criminal-legal approach, sociological approach, crime

На каждом из этапов исторического развития общества именно преступность, как исторически изменчивое, массовое, социальное и противоправное явление, всегда оставалась наиболее острой проблемой, дискуссионность которой обуславливала необходимость обращения к научным обоснованиям по выработке новых подходов борьбы с ней через современные криминологические концепции.

Криминология, которую в широком смысле этого понятия можно определить как социолого-правовую науку, имеет не только теоретическое, но также и большое практическое значение.

Историю криминологии как науки принято начинать с выхода в свет работы итальянского юриста и правоведа Чезаре Беккариа «О преступлении и наказании» в 1761 году [2], в которой нашли отражение представления мыслителя относительно преступности, трансформаций ее уровня, соизмеримости преступления с тем наказанием, которое может быть назначено за него [2, с. 218-220].

В последующем вместо «уголовной социологии» французским антропологом Полем Топинаром в 1879 году в научный оборот было введено понятие «криминология». Первая книга под названием «Криминология», структура которой включала три больших раздела: «Преступность», «Преступник» и «Наказание», была написана в 1885 году итальянским юристом и криминологом, Р. Гарофало [14, с. 67].

При этом вплоть до XX столетия приходится говорить преимущественно о зачатках криминологии как науки. Активное ее формирование следует связывать с развитием идей позитивизма, основателем которого в криминологии, в частности – его биологического направления, являлся Ч. Ламброзо. В Европе различные подходы к криминологии как к учению получили импульс к развитию в середине XX столетия. Однако, стремительное развитие науки о преступности началось лишь в рамках становления биологического и социологического позитивизма в XX веке. В частности, с точки зрения известного криминолога и социолога Э. Сатерленда, криминология должна была одновременно определяться как наука о внутренних процессах законодательства, правонарушения и правоприменения [13].

Рассматривая общие тенденции зарождения и развития криминологии следует отметить, что отечественная специфика формирования данной науки определяется в соответствии с традиционно выделяемыми в рамках ее становления периодами, а именно: дореволюционным, советским и российским [11, с. 48]. Однако, такой подход к развитию криминологии в исследованиях российских ученых является отнюдь не единственным. Примером тому может служить подразделение советского этапа развития данной науки также на два периода, определяемые вну-

триполитическим курсом в стране в рамках каждого из них – 20-50-е годы XX века и 60-е годы – начало 90-х годов XX века [10, с. 102].

Переходя к анализу процесса формирования криминологии как науки в рамках каждого из обозначенных этапов, необходимо отметить, что на рубеже XIX–XX веков у истоков отечественной криминологии стояли видные ученые-правоведы, к числу которых следует отнести И.Я. Фойницкого, С.В. Позднышева, известного тюрьмоведом М.Н. Гернета, книга которого «История царской тюрьмы» вплоть до настоящего времени не имеет аналогов по широте охвата материала, использованию редких архивных и личных данных, глубине авторского анализа [4].

С самого начала своего зарождения криминология в России формировалась в рамках уголовно-правовой науки при доминировании социологического направления. Это, в свою очередь, определяло не только содержание трудов, но и практическую сторону изучения криминологии [6, с. 37]. Значительный вклад в ее развитие внесли такие ученые, как А.Н. Радищев, в рамках становления антропологического и биосоциального направления в отечественной криминологии – В.Ф. Чижов, Д.А. Дриль, А.П. Лихачев и др. Их работы, освещавшие сущность криминологии, психологию и типологию преступников, условия, способствующие расширению преступности как социального явления, внесли значительный вклад в становление криминологии в рамках дореволюционного этапа (в частности, Д. Дриль «Преступность и преступники», «Учение о преступности и мерах борьбы с ней и др.») [1, с. 26]. При этом именно работы М.Н. Гернета были написаны преимущественно в русле социологического подхода с широким применением методики социологии как науки. К их числу следует отнести «Социальные факторы преступности» (1905 год), «Наркотики, преступность и уголовный закон» (1924 год), а также иные работы ученого. Результаты обобщающих трудов М.Н. Гернета в области криминологии позволили выдающемуся советскому ученому-правоведу М.Д. Шаргородскому, характеризовавшему деятельность М.В. Гернета как значимый этап в развитии исследуемой науки, заключить, что он являлся первым отечественным специалистом в данной области, которому удалось на обширном документальном материале познакомить российскую общественность «... до революции с историей уголовного права, социальными понятиями преступления и наказания» [12, с. 21].

Социологическая направленность исследовательских работ, начало которой было положено М.Н. Гернетом, и вслед за ним было продолжено другими исследователями криминологии в рамках уголовного права, было характерной чертой изучения преступности в России до революционных событий 1917 года.

Ученые, работавшие в рамках социологического подхода к исследованию преступлений, хотя и отводили определенное место индивидуальным качествам личности, первостепенным все же признавали влияние факторов внешнего мира, которые способствовали формированию в сознании человека готовности к совершению преступления. Некоторое время в постреволюционный период научными изысканиями в области криминологии продолжали заниматься дореволюционные ученые (М.М. Исаев, М.Н. Гернет и др.). При этом необходимо отметить, что после 1917 года база криминологического учения трансформировалась, равно как трансформировались и базы других наук, и в основу криминологического учения были положены научные подходы и принципы, сформулированные известными теоретиками коммунизма – К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Ульяновым (Лениным), которые не подвергались существенным изменениям на протяжении всего XX века.

После революции 1917 года в рамках криминологии продолжили развиваться отдельные течения данной науки, в частности, социологическое, антропологическое, биосоциальное. Они начали пересекаться между собой, в результате чего в XX веке начинает вырабатываться системный подход к криминологическим исследованиям.

Социальная сторона совершения преступлений продолжает изучаться вплоть до 60-х годов XX столетия в контексте уголовно-правовой науки. Особую значимость в рамках исследования этого направления имели труды таких ученых, как А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский и др. [10, с. 68]. Общие тенденции в развитии правоведения оказали значительное влияние на дальнейшее формирование криминологии как науки в советские годы, в особенности, в период «оттепели». Столь значительное внимание исследователей к социальной обусловленности преступлений, совершение которых может объясняться, в том числе, индивидуальными особенностями личности, тем не менее, не привело к развитию в советский период криминологии в социологическом ключе. Это объяснялось, прежде всего, отношением к социологии в советском обществе как к науке, которая активно развивалась за рубежом, в результате чего признавалась в СССР враждебной, так как содержала модели объяснения общества и его функционирования противоположные тем, что диктовались марксистско-ленинским учением. В этой связи следует признать отставание советской исследовательской мысли в области изучения криминологии от западной до 60-х годов XX века.

В итоге, криминология стала своего рода универсальной общетеоретической дисциплиной, объединяющей науки криминального цикла, входящие в состав уголовного процесса, судебной психологии, оперативно-розыскной деятельности и др.

Со времен хрущевской «оттепели» и вплоть до начала 90-х годов в свет вышли наиболее фундаментальные труды советского периода в области криминологии. К их числу следует отнести работы А.А. Герцензона, П.С. Тоболкина, В.М. Когана, А.М. Яковлева, Ю.Д. Блувштейна, Ю.М. Антоняна, С.Е. Вицина, Я.И. Гилянского, В.Д. Ривмана и некоторых известных исследователей [7, с. 68]. Прогрессивной тенденцией в рамках развития отечественной криминологии как науки на протяжении всего советского периода являлось выделение исследовательской деятельности отдельных направлений, таких как профилактика совершения преступлений, семейная криминология, преступность несовершеннолетних, исследование динамики преступлений и некоторые другие. При этом социологический подход, не будучи признанным в качестве основного вектора развития криминологии, продолжал вызывать исследовательский интерес. Доказательством этого являются работы таких авторов, как А.А. Герцензон – «Уголовное право и социология» [9], А.М. Яковлев – «Социология экономической преступности» [8]. На современном этапе развития криминология как наука, безусловно, основывается на достижениях предшествующих эпох, а также близких ей научных областей, предметом исследования которых являются человек и общество. Дискуссионность современной криминологии определяется спецификой формирования науки в дореволюционный и советский период истории России, что обуславливает множественность подходов к определению данного понятия. В настоящее время ряд исследователей сходится во мнении относительно того, что криминологию следует определять как социологию преступности, являющуюся одной из наиболее развитых частей науки об отклоняющемся поведении – девиантологии [3]. Девиации, то есть отклонения в поведении, по большей части бывают не со знаком «плюс» (например, достижения в спорте, выполнение максимальных объемов работ и др.), а со знаком «минус», так как преступность представляет собой негативную форму девиации. В этой связи криминология как наука является отраслью социологического знания, цель которой состоит в исследовании преступности как феномена общественной жизни. Как следствие, сама преступность является естественным атрибутом повседневной реальности, реакцией личности на внешние изменения. В то же время, она представляет собой закономерный итог тех социальных связей, в которые вовлечен преступник, трансформаций его внутреннего мира. В конечном счете, ее результатом является комплекс отношений ее участников, в качестве которых выступают – сам преступник, объект преступления, а также государственные институты, в задачи которых входит восстановление справедливости.

Это объясняет мнение Я.И. Гилинского, отводящего первое местосоциологии, наряду с науками девиантологией и криминологией [5]. Точка зрения ученого подтверждается исследованиями девиантного поведения, авторы которых подчеркивают отношения между «преступным поведением» и «девиантным поведением» как между видовым и родовым понятием. В свою очередь, девиантное поведение представляет собой социальное явление, приобретающее массовость в современном мире.

Таким образом, криминология прошла длительный путь становления и развития, специфика которого была обусловлена реалиями российской действительности, определяющими основной вектор формирования данной науки. Слабая преемственность европейских научных достижений от-

ечественными специалистами определила доминирование в российской криминологии уголовно-правового подхода. В свою очередь, расширение значения социологического подхода стало возможным только на современном этапе развития криминологии, в условиях глобализации и расширения междисциплинарных связей. Криминологию можно считать основополагающей наукой для уголовно-процессуальных дисциплин в силу того, что она призвана вскрыть социальные причины расширения преступности как результата человеческих противоправных деяний, а также обусловленность совершения преступлений другими факторами, что, в конечном счете, нацелено на выработку эффективных путей противодействия данному негативному общественному явлению.

Список литературы

1. Анощенко С.В., Гернет М.Н. Взгляд в прошлое // Социально-политические науки. 2013. № 1. – С. 24-26.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Биографический очерк и перевод книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» проф. М. М. Исаева. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. 464 с.
3. Большая российская энциклопедия. В 30-ти томах. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://bigenc.ru/law/text/1943679> (дата обращения: 28.04.2021).
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5-ти томах. – М.: Юридическое издательство, 1941-1956.
5. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. – СПб.:ИД «Алеф-Пресс», 2013. – 634 с.
6. Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 400 с.
7. Комлев Ю.Ю. Криминология как социология преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. – С. 67-73.
8. Социология экономической преступности / А.М. Яковлев; Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1988. – 251 с.
9. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А.А. Герцензон. – М.: Юридическая литература, 1970. – 286 с.
10. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Российская криминология: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Ч.4. № 2(8). – С. 101-108.
11. Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). – С. 47-51.
12. Шаргородский М.Д., Гернет М.Н., Вступительная статья к кн.: Гернет М.Н. Избранные произведения / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Б. Сахаров. – М.: Юридическая литература, 1974. – 637 с.
13. Akers R. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. – 259 p.
14. Beth M. The sociological aspect of criminology // Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. № 32(1). – Pp. 67-71.

References

1. Anoshchenkova S.V. Gernet M.N. A look into the past // Socio-political Sciences. 2013. №. 1. – p. 24-26.
2. Beccaria Ch. On crimes and punishments / Biographical sketch and translation of the book by Ch. Beccaria "On crimes and punishments" by prof. M. M. Isaev. – Moscow: Legal Publishing house of the NKJ of the USSR, 1939. – 464 p.
3. The Great Russian Encyclopedia. In 30 volumes. – Moscow: Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya, 2004. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://bigenc.ru/law/text/1943679> (accessed: 28.04.2021).
4. Gernet M.N. History of the Tsar's prison: in 5 volumes. – M.: Yuridicheskoe izdatelstvo, 1941-1956.
5. Gilinsky Ya.I. Deviantologiya: sotsiologiya delinquency, narcotizma, suicides and other "deviations". 3rd ed., ispr. and add. – St. Petersburg: Publishing House "Alef-Press", 2013. – 634 p.
6. Kleymenov M.P. Criminology: textbook. 3rd ed., pererab and add. – M.: Norma: INFRA-M, 2017. – 400 p.
7. Komlev Yu.Yu. Criminology as a sociology of crime // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. №. 2 – pp. 67-73.
8. The sociology of economic crime / A.M. Yakovlev; Ed. by V.N. Kudryavtsev. – M.: Nauka, 1988. – 251 p.
9. Criminal law and sociology. Problems of the sociology of criminal law and criminal policy / A.A. Herzenzon. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1970 – – 286 p.

10. *Shalagin A.E., Grebenkin M.Yu.* Russian criminology: history and modernity // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Part 4. № 2 (8). – pp. 101-108.
11. *Shalagin A.E., Kabirov D.E.* Domestic criminology: history, current state, prospects of development // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4 (14). – pp. 47-51.
12. *Shargorodsky M.D., Gernet M.N.* Introductory article to the book: Gernet M.N. Selected works / Doctor of Law, Professor A.B. Sakharov. – M.: Legal literature, 1974 – – 637 p.
13. *Akers R.* Criminological theories: introduction and evaluation. Los Angeles: Roxbury Publishing House, 1997. – 259 p.
14. *Beth M.* Sotsiologicheskii aspekt kriminologii [The sociological aspect of criminology]. 1941. № 32(1). – Pp. 67-71.

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики,
Воронежский государственный технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕРКЕ СЛУЧАЕВ СТРАХОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. Цель исследования – обратить внимание страховщиков на типичные признаки спровоцированного ДТП для совершенствования практики выявления случаев страхового мошенничества. По результатам исследования установлено, что качеству материалов при проверке страхового случая уделяется недостаточное внимание, ценность результатов автотехнической экспертизы учитывается в зависимости от возможности обращения к эксперту в частном порядке, методика в подавляющем большинстве случаев не разрабатывается системно. Сделан вывод, что для страховых компаний необходимо разработать методические рекомендации, которые позволят им действительно противостоять фактам страхового мошенничества. Говорится, что рекомендательный порядок применения такой методики даст наиболее выраженный эффект, так как от страховых компаний не будет требоваться серьезных материальных затрат на ее внедрение, что позволит гибко подходить к расчетам затрат на привлечение экспертов-автотехников и экспертов-трассологов.

Ключевые слова: ДТП, транспортно-трассологическая экспертиза, имитация ДТП, ОСАГО, страховая компания

Evgenii A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of construction machinery
and engineering mechanics, Voronezh state technical university, Voronezh,
382652@mail.ru

ON THE NEED TO DEVELOP A METHOD OF APPLICATION THE RESULTS OF THE AUTO TECHNICAL EXPERTISE WHEN CHECKING CASES OF INSURANCE FRAUD

Abstract. The purpose of the study is to draw the attention of insurers to the typical signs of a provoked accident in order to improve the practice of detecting cases of insurance fraud. According to the results of the study, it was found that insufficient attention is paid to the quality of materials when checking an insured event, the value of the results of an auto technical examination is taken into account depending on the possibility of contacting an expert in private, the methodology in the vast majority of cases is not developed systematically. It is concluded that it is necessary to develop methodological recommendations for insurance companies that will allow them to effectively resist the facts of insurance fraud. It is stated that the recommended procedure for applying such a technique will give the most pronounced effect, since insurance companies will not be required to pay serious material costs for its implementation, which will allow for a flexible approach to calculating the costs of attracting experts-automotive technicians and experts-tracologists.

Keywords: Road accidents, transport and tracological expertise, simulation of road accidents, CTP, insurance company

Доступность автомобильного транспорта и связанное с этим повышение интенсивности движения становится причиной увеличения числа ДТП со столкновением автомобилей. За последние десять лет доля столкновений в общей статистике ДТП выросла с 20-27% до 40-43%. Это объясняется тем, что маневрирование и перестроения совершаются в ус-

ловиях плотного и интенсивного движения, когда водитель не успевает оценить все риски маневра [1].

Это создает условия для учащения случаев страхового мошенничества, при котором инициатор ДТП рассчитывает получить выплату по ОСАГО как за страховой случай, для чего осознанно провоцирует ДТП, а при возможности вносит в следовую картину

изменения, используя посторонние предметы. В таких случаях можно рассматривать два и более сценариев: провоцирование ДТП с целью создания картины повреждений, провоцирование ДТП с изменением следовой картины на своем автомобиле, провоцирование ДТП с предварительным или последующим изменением следовой картины на двух автомобилях методом имитации следов физического контакта.

Проблема, интересующая автора настоящего исследования, состоит в том, что «автоподстава» по сути и развитию представляет собой ДТП, спровоцированное одним из участников, и следовая картина чаще всего в значительной степени правдоподобна. Однако, само по себе ДТП не дает оснований для выплаты, нужны повреждения, позволяющие оценить ущерб. Основной мотив автоподставы – выдать ранее полученные или сфальсифицированные повреждения за повреждения, полученные в ДТП. Именно эти соображения диктуют инициатору происшествия определенную стратегию и тактику, рассчитанную на использование комплекса факторов от неожиданности для другого участника движения до смешивания следов, запутывания картины, что дает эффект усугубления ущерба, повышения его оценки при проведении стандартной экспертизы для определения суммы ущерба. Кроме того, распространены провокации ДТП с целью получения средств от второго участника методами психологического давления и манипулирования, но эта сторона вопроса находится вне плоскости настоящего исследования [2].

Актуальность исследования автор видит в необходимости обратить внимание страховщиков на типичные признаки спровоцированного ДТП и фальсификацию следов для совершенствования практики выявления подобных случаев и сведения к минимуму выплат и потерь от возмещения явно завышенного ущерба от ДТП. Проведенный автором опрос специалистов страховых компаний и экспертов трех профилей (эксперты-техники, эксперты-автотехники и эксперты-трасологи) показал, что на этапе проверки специалист страховой компании прибегает к моделированию механизма развития ДТП интуитивно, что вполне естественно, но при этом полагается на данные с большим разбросом значений, делает выводы, носящие характер общего предположения с высокими вероятностными допусками, что неизбежно приводит к нарушению принципа объективности, наглядности и доказательности причинно-следственных связей между факторами и обстоятельствами ДТП [3]. Это моделирование нельзя признать соответствующим методике ВАДС (водитель – автомобиль – дорога – среда) в силу описанных выше причин, а результаты его при обращении в суд и возражениях второй стороны оказываются явно недостаточными для признания ДТП спровоцированным намеренно.

Второй проблемой остается крайне низкий уровень дифференцирования повреждений, построенный только на данных, полученных в результате осмотра транспортного средства (далее – ТС) экспертом-техником для определения суммы ущерба. При отсутствии данных транспортно-трасологической экспертизы и установленной связи с обстоятельствами ДТП настаивать на доказанности провоцирования ДТП и фальсификации следов становится бессмысленным. В итоге до суда доводится менее 10% подобных дел, а в пользу страховщика выносятся не более 15-20% решений в общей массе по делам со столкновениями ТС (в зависимости от региона и даже населенного пункта). Страховщику гораздо проще добиться некоторого снижения выплат путем переговоров, чем проводить комплексную экспертизу и выходить в суд с ее результатами. Единая методика проверки обстоятельств ДТП для страховых компаний отсутствует, а специалисты больше полагаются на собственный опыт вождения автомобиля, чем на объективные данные, полученные в результате экспертного исследования и моделирования ВАДС, проведенного специалистом – автотехническим экспертом.

В литературе этот комплекс вопросов освещается на уровне периодики в виде отдельных статей специалистов, так или иначе сталкивающихся с проблемой в силу собственной профессиональной деятельности. Тема не рассматривается фундаментально в силу ее исключительно прикладной ценности, теоретические исследования больше затрагивают вопросы научного обоснования определенных видов исследований следов с точки зрения обоснованности и научной доказанности. Просматривается разделение интереса авторов на два основных направления: одно касается применения автотехнической и транспортно-трасологической экспертизы при проверке страховщиками, второе – применения тех же методов в практике расследования уголовных дел по страховому мошенничеству [4]. Во втором направлении особое внимание уделяется процессуальным тонкостям назначения экспертиз и определения пределов компетентности эксперта от стадии следствия до судебного рассмотрения. Автор настоящего исследования не углубляется в вопросы второго направления, так как занимается вопросами более экспертно-техническими, чем процессуальными и правовыми.

Методы исследования. Автора исследования интересовало, насколько распространено понимание необходимости проведения комплекса автотехнической и транспортно-трасологической экспертизы среди специалистов страховых компаний, на каком уровне находится заинтересованность специалистов в проведении полноценного исследования, есть ли необходимость в разработке методики исследований и проверки обстоятельств ДТП, направленной на выявление

случаев страхового мошенничества с использованием провоцирования ДТП и фальсификацией следов.

Для исследования был использован метод анкетирования с постановкой вопросов специалистам и экспертам и последующим анализом ответов.

1. Существует ли в страховой компании методика проведения проверки обстоятельств ДТП, в которой учтены особенности выявления автоподставы?

2. Привлекается ли к проведению проверки обстоятельств ДТП автотехнический эксперт в качестве консультанта, оказывающего содействие в выявлении признаков провоцирования столкновения?

3. Проверяет ли специалист страховой компании материалы по факту ДТП, запрашивая консультацию эксперта-трасолога или назначая соответствующую экспертизу?

4. Как можно оценить материалы, доступные специалисту страховой компании при проверке обстоятельств ДТП с точки зрения объективности, доказательности, причинно-следственной связанности (по баллам от 1 до 10, где 1 - минимальное качество)?

5. Достаточно ли результатов экспертной оценки ущерба ТС при столкновении и выводов эксперта-техника для проверки обстоятельств ДТП?

6. Существует ли необходимость в разработке методических рекомендаций по проведению проверок обстоятельств ДТП для страховых компаний, будет ли такая работа способствовать более эффективному выявлению случаев страхового мошенничества с провоцированием ДТП?

Вопросы в виде анкеты были направлены 100 специалистам страховых компаний.

Результаты. Ответы специалистов на поставленные вопросы:

1. Нет – 87; да – 8, в общем виде без обоснования – 23.

2. Нет – 62; да, рекомендуется – 10; да, в частном порядке по необходимости и без оформления результатов – 28.

3. Нет – 70; только при перспективе обращения в суд – 22; несистемно – 8.

4. от 1 до 3 баллов – 75, до 5-7 баллов – 8; более 7 баллов – 8; 9-10 баллов – 2; несистемно, большой разброс, в зависимости от обстоятельств и человеческого фактора – 83 (данные пересекаются в связи со сложностью объективной оценки).

5. Да – 3, нет – 90, по обстоятельствам – 7.

6. Да – 90, могло бы помочь – 5, не имеет смысла – 5.

Из приведенных данных становится понятно, что качеству материалов при проверке уделяется недостаточное внимание, ценность результатов автотехнической экспертизы учитывается в зависимости от возможности обращения к эксперту в частном порядке, методика в подавляющем большинстве случаев не

разрабатывается системно, вопрос решается самим специалистом в зависимости от его квалификации и уровня осознания ответственности. Тем не менее, подавляющее большинство специалистов охотно использовало бы методические рекомендации по проведению проверки, но без придания им статуса нормативных актов и регламентирующих документов.

Обсуждение. Приведенные выше результаты опроса и собственный практический опыт автора исследования показывает, что проверка обстоятельств ДТП на признаки провоцирования с целью завышения ущерба ТС и получения необоснованной реальной суммой страховой выплаты дает эффект при соблюдении ряда условий:

- проводится транспортно-трасологическая экспертиза с описанием следовой картины для моделирования развития механизма ДТП по ВАДС — делаются измерения на дорожном покрытии, кузове и других частях ТС, определяется механизм возникновения повреждений по типу воздействия и вероятного взаимодействия [5];

- проводится экспертиза для оценки ущерба с полным описанием повреждений и по возможности с указанием на признаки повреждений, не связанных с данным ДТП, учитывается износ ТС, который влияет на стоимость восстановительного ремонта;

- проводится автотехническая экспертиза с построением модели ВАДС, позволяющей составить описание механизма развития ДТП и определить степень его соответствия повреждениям;

- на основании результатов экспертиз специалист делает обоснованный вывод о том, насколько вероятно развитие событий, при котором ДТП возникло при намеренном провоцировании одной из сторон, то есть, совершении маневров, которые потенциально с высокой вероятностью приведут к столкновению ТС и получению повреждений.

По итогам проверки специалист страховщика может сделать вывод о перспективах передачи дела в суд с соответствующим иском о страховом мошенничестве или обращения в правоохранительные органы [6]. Следует учитывать, что наиболее эффективным с точки зрения инициатора ДТП является сочетание методов провоцирования, фальсификации следовой картины и акцентирования на ранее полученных повреждениях, не связанных с ДТП.

При разработке методики, которая могла бы стать как минимум рекомендательной основой для проведения проверок, следует уделить внимание ряду особенностей.

1. Рекомендовать страховым компаниям ужесточить требования к качеству проведения фотосъемки.

2. Рекомендовать страховщикам разработку внутренних регламентов, устанавливающих обяза-

тельный порядок проведения проверки с привлечением автотехнических экспертов как консультантов или экспертов, выдающих соответствующее заключение.

3. Рекомендовать специалистам страховых компаний применять моделирование ВАДС на основе разработанных рекомендаций с использованием результатов измерений, экспертиз, консультаций экспертов-автотехников.

4. Рекомендовать страховым компаниям разработать или использовать чек-листы проведения проверки, позволяющие установить минимальный набор требований к исходным данным и качеству материалов для моделирования ДТП в динамике по ВАДС.

Заключение

Предлагаемое к разработке методическое пособие должно содержать:

- рекомендации по сбору материалов на месте ДТП, при исследовании кузова и частей конструкции ТС;
- рекомендации по проведению фотосъемки и фотофиксации повреждений;
- рекомендации по использованию результатов экспертиз (консультаций экспертов) для оценки объективности и доказательной силы следов;

- описания типичных для случаев провоцирования ДТП следов на кузове ТС;

- описания типичных методов провоцирования ДТП;

- описания источников информации, которая может быть использована при сборе материалов для суда;

- описания признаков доказательности, объективности, достаточности и наглядности результатов экспертизы и рекомендуемый порядок постановки вопросов к экспертам.

Автор исследования полагает, что рекомендательный порядок применения методики ВАДС и автотехнической экспертизы даст наиболее выраженный эффект, так как от страховых компаний не будет требоваться серьезных материальных затрат на ее внедрение, что позволит гибко подходить к расчетам затрат на привлечение экспертов-автотехников и экспертов-трасологов. В состав рекомендаций допустимо включить специфические квалификационные требования к специалистам по проверке обстоятельств ДТП с целью повышения осознанности и ответственности при выполнении работ.

Список литературы

1. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования). – 1998. – Вып. 1, ВНИИСЭ. – 100 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
3. Россинская Е.Р., Галышина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. 368 с.
4. Майлис Н.П. Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов. М.: Экзамен, 2003. 272 с.
5. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: РФЦСЭ, 2005. 261 с.
6. Беляева Л.Д., Бутырин А.Ю., Воронков Ю.М. Современные возможности экспертиз: методическое пособие для экспертов, следователей и судей. М.: Триада-Х, 2000. – 155 с.

References

1. Transport and tracological expertise in cases of road accidents (diagnostic studies). - 1998. - Issue 1, VNIISE – - 100 p.
2. Belkin R.S. Criminalisticheskaya enciklopediya. 2nd ed., add. M.: Metron XXI, 2000. 334 p.
3. Rossinskaya E.R., Galyashina E. I., Zinin A.M. Theory of forensic expertise (forensic expert science): textbook. 2nd ed., reprint. and add. M.: Norma, 2017. 368 p.
4. Mailis N. P. Judicial tracology: textbook for law students. Moscow: Exam, 2003. 272 p.
5. Orlov Yu.K. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. Moscow: RFTSSE, 2005. 261 p.
6. Belyaeva L. D., Butyrin A.Yu., Voronkov Yu.M. Modern possibilities of expertise: a methodological guide for experts, investigators and judges. Moscow: Triada-X, 2000. - 155 p.

Фадеев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры
Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва,
ilya-fadeev@yandex.ru

ПОЛИЦИЯ КАК ОРГАН ДОЗНАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье анализируются вопросы, касающиеся правового положения и режима деятельности полиции в уголовном процессе Российской Федерации. Внимание читателей обращается на несовершенство нормативно-правового регулирования указанных вопросов в статье 40 УПК РФ и в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», нуждающихся, по мнению автора, в серьезном семантическом обновлении.

Ключевые слова: дознание, полиция, орган дознания, начальник органа дознания, подразделение дознания, правоотношения, уголовный процесс, орган внутренних дел, оперативно-розыскной орган

Ilya A. Fadeev,

Ph.D of Juridical Sciences, Police Major, Senior Lecturer at the Department of Theory and public administration
methodologies Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow,
ilya-fadeev@yandex.ru

THE POLICE AS A BODY OF INQUIRY

Abstract. This article analyzes the issues related to the legal status and the regime of police activity in the criminal process of the Russian Federation. Readers' attention is drawn to the imperfection of the normative legal regulation of these issues in Article 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in Federal Law No. 3-FZ of 07.02.2011 «On the Police», which, in the author's opinion, need a serious semantic update.

Keywords: inquiry, police, body of inquiry, head of the body of inquiry, inquirer, division of inquiry, legal relations, criminal procedure, internal affairs body, operational search body

В соответствии с законом органами дознания признаются: органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (ст. 40 УПК РФ) [3].

В силу изложенного полицию необходимо считать равноправным участником уголовного процесса в статусе органа дознания, представляющего собой сторону обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Согласно ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод населения, иностранных граждан, лиц без гражданства, для *противодействия*¹ преступности, охраны правопорядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности [4].

Применимый в Законе № 3-ФЗ термин «противодействие преступности», получивший широкое

распространение в законодательной практике [2], в ведомственном нормативном правовом регулировании [6] и в научном лексиконе ученых, вызывает самые серьезные нарекания в адрес парламентариев. Его вольная интерпретация вносит смятение в ряды реформаторов, стремящихся не к месту использовать мало кому знакомые формулировки (подобного типа).

Следует учитывать, что противодействие преступности как социальному явлению невозможно в принципе, поскольку она была, есть и, к сожалению, будет, в том числе, в ближайшем обозримом будущем. Вероятно можно рассуждать о противодействии единичным преступлениям, их видам, группам, родам и категориям. Но и такой подход ничем не оправдан, поскольку обсуждаемое выражение («противодействие») зародилось в криминалистике, где трактовалось в качестве противоправной деятельности подозреваемых (обвиняемых) и связанных с ними лиц органам дознания и предварительного следствия на пути их следования к достижению так называемой объективной истины [11].

¹ Здесь и далее курсив автора.

Поэтому неконтролируемое использование этого слова с принципиально иной смысловой нагрузкой приводит к смешению понятийных аппаратов наук уголовно-правового блока и вымыванию истинного смыслового содержания (юридической формулы), изначально закладываемого в него.

Главное же, что в подобном случае полезно осознавать, состоит в том, что противодействия, то есть сопротивления (преступности), по всей видимости явно недостаточно для достижения правоохранными органами Российской Федерации (и органами дознания в их числе) «назначения уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ).

Приоритетные направления деятельности полиции, как органа дознания, выделены в ст. 2 Закона № 3-ФЗ. В её ведение включено:

- 1) Предупреждение и пресечение преступлений (п. 2);
- 2) Выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам (п. 3);
- 3) Розыск лиц (п. 4);
- 4) Государственная защита потерпевших, свидетелей и иных субъектов уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц (п. 11).

В рассматриваемой редакции обращают на себя внимание некоторые, образующиеся по тексту, несоответствия.

Во-первых, термин «раскрытие», более близкий оперативно-розыскной деятельности, в теории уголовного процесса в настоящее время выходит из употребления. Суть вопроса состоит в том, что раскрытие преступления в советской следственной практике увязывалось обычно с моментом вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Одновременно с указанным действием им выставлялась карточка по форме № 2 на лицо, совершившее преступление.

Однако впоследствии в ученом мире возобладала иная точка зрения, носившая, главным образом, теоретический (полемический) характер. Ряд авторов высказали мнение о том, что считать преступление раскрытым (в силу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ)), можно лишь после вступления в законную силу обвинительного приговора суда.

Будучи по-своему убедительной, данная идея в практическом преломлении вызвала принципиальные затруднения при её воплощении в жизнь. В силу сказанного от научных её комментариев многим ученым пришлось отказаться.

В п. 4 ст. 2 Закона № 3-ФЗ законодатель говорит о полномочиях полиции, как органа дознания, на осуществление розыска лиц. Подобная трактовка также некорректна, несмотря на то, что одинаково часто

встречается в теории уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности и криминалистике. Дело в том, что согласно ст. 210 УПК РФ, объектами розыска могут быть только подозреваемые и обвиняемые, хотя гипотетически их круг должен быть значительно шире (свидетели, потерпевшие и др.). В связи с этим, п. 4 обсуждаемой статьи следовало бы изложить в иной редакции, сделав акцент не на лицах, а на подозреваемых и обвиняемых.

Стилистически неудачно изложен и п. 11 указанной статьи, провозгласивший среди иных полномочий полиции публичную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Дополнительно к ним добавлены судьи, прокуроры и следователи, не в меньшей степени являющиеся участниками уголовного процесса (а не уголовного судопроизводства – И.Ф.). Объясняется это тем, что этимологически формулировка «уголовное судопроизводство» означает уголовно-процессуальную деятельность и правоотношения, складывающиеся только в суде. Понятие же «уголовный процесс» гораздо шире.

Статья 4 комментируемого закона, в частности, гласит, что полиция является «составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел» (ч. 1).

Часть 2 названной статьи продолжает названные установления, более детально расшифровывая их: «в состав полиции могут входить подразделения, организации и службы, создаваемые для выполнения возложенных на неё функций».

Руководство деятельностью полиции, подчеркивается далее, осуществляют в пределах своей компетенции *руководитель* федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, руководители территориальных органов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и руководители *подразделений* полиции (ч. 3).

Указанные должностные лица несут личную ответственность за выполнение возложенных на полицию полномочий. Более подробно они регулируются Типовым положением об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа МВД России на районном уровне, утвержденным приказом МВД России от 01.09.2017 (в ред. от 26.06.2020) № 690 [7, 8, 10].

Нетрудно заметить, что, концентрируя внимание на наличии в органах внутренних дел (органах дознания) полиции, в свою очередь, считающейся органом дознания, законодатель в означенной норме иносказательно отнёс к таковым и её собственные (под) подразделения. При этом стало не понятно, кого, собственно, он подразумевает под этими «структурными подразделениями» – саму полицию, как составную часть любого горрайоргана внутренних дел, или наличествующие в ней «свои» (не менее внутренние) подразделения.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Закона № 3-ФЗ, полиция обязана выполнять определенные функции.

В пункте 1 говорится о том, что она должна принимать и регистрировать, в том числе в электронной форме, заявления и сообщения о преступлениях, выдавать заявителям на основании *личных обращений* уведомления о приеме и регистрации их письменных заявлений о преступлениях, осуществлять² проверку заявлений и сообщений о преступлениях и принимать по таким заявлениям и сообщениям меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации, информировать заявителей о ходе рассмотрения таких заявлений и сообщений в сроки, установленные законодательством Российской Федерации [5].

В комментируемом случае обнаруживается переизбыток нормативного правового регулирования, выражающийся в императивном утверждении того, что уведомления о получении и регистрации заявлений (сообщений) о преступлениях заявителям выдаются на основании их *личных обращений*. Целесообразно осознать, что никаких личных (дополнительных) обращений на сей предмет по смыслу действующего законодательства не требуется.

Кроме того, в указанной норме упоминается такая категория как подведомственность, отсутствующая, к сожалению, как понятие, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

Пункт 2 предписывает полиции незамедлительно прибывать на место преступления (место происшествия) и документировать его обстоятельства, обеспечивая сохранность следов.

Здесь представляется совершенно не к месту дублирование выражений «место преступления» и «место происшествия», наиболее часто встречающиеся в теории криминалистики. Но более всего неясно, как это полиция, прибывая на место происшествия, может документировать обстоятельства и следы преступления, особенно тогда, когда соответствующее уголовное дело, гипотетически может быть подследственно следователю?

Пункт 8 гласит, что в соответствии со ст. 151 УПК РФ, полиция может возбуждать уголовные дела, производить дознание по уголовным делам, произ-

водство предварительного следствия по которым не обязательно; выполнять неотложные следственные действия по делам, производство предварительного следствия по которым предполагается.

С огорчением приходится утверждать, что в обсуждаемой норме не персонафицирован субъект уголовно-процессуальных правоотношений, правомочный осуществлять поименованные выше действия.

В п. 9 констатируется, что полиция обладает правом исполнять в пределах установленной законом компетенции письменные поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания о производстве отдельных следственных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий, задержании лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, о производстве иных процессуальных действий, оказывать содействие в их осуществлении.

В анализируемой редакции акцент сделан на том, что полиция, как орган дознания, уполномочена выполнять поручения *органа дознания*, под которым, надо полагать, подразумеваются органы внутренних дел. При этом ей не возбраняется совмещать (в себе) две антагонистические (уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные) функции.

Кроме того, в обозначенном тексте используются термины не «подозреваемый» и «обвиняемый», а словосочетание «лица, подозреваемые и обвиняемые» (в совершении преступлений – И.Ф.), что идет вразрез с ключевыми положениями Конституции Российской Федерации и УПК Российской Федерации при их ближайшем рассмотрении.

Согласно п. 12, полиция наделяется правом осуществления розыска *лиц*, совершивших преступления, подозреваемых или обвиняемых в этом, а равно скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В данном случае необходимо осознать, что меры, предпринимаемые органами предварительного расследования для установления преступника, с понятием «розыск» функционально не связаны. Такая деятельность именуется по-другому, а именно – раскрытием преступления. Что касается объектов розыска, то, как уже отмечалось, ими являются не просто *лица*, а подозреваемые или обвиняемые.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 334.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I) ст. 6228.
3. Федеральный закон от 22.07.2010 № 158-ФЗ «О внесении изменения в статью 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 3989.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² Согласно подведомственности. – прим. авт.

5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 № 39/1 070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // СПС Консультант Плюс.
6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.05.2010 № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции» // СПС Консультант Плюс».
7. Типовое положение о линейном отделе МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, утвержденное приказом МВД РФ от 15.06.2011 № 636.
8. Типовое положение о территориальном органе МВД России по субъекту РФ, утвержденное Указом Президента России от 21.12.2016 № 699.
9. Типовое положение об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа МВД России на районном уровне, утвержденным приказом МВД России от 01.09.2017 (в ред. от 26.06.2020) № 690
10. Типовое положение о территориальном органе МВД России на районном уровне, утвержденное приказом МВД России от 05.06.2017 № 355.
11. *Канифатов А.А.* Защита уголовного процесса от ненормативного поведения его участников: монография. Н. Новгород, Н А МВД России, Минюст России, 2004.

References

1. Federal Law No. 144-FZ of 12.08.1995 «On Operational and investigative activities» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 3. Article 334.
2. Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008 «On Combating Corruption» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2008. No. 52 (Part I) of Article 6228.
3. Federal Law No. 158-FZ of 22.07.2010 «On Amendments to Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». 2010. No. 30. St. 3989.
4. Federal Law No. 3 «On the Police» of 07.02.2011 // Sobranie zakonodatelstva RF. 2011. No. 7. St. 900.
5. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the FSB of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation and the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated 29.12.2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399 «On Unified accounting of Crimes».
6. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 209 of 15.05.2010 «On strengthening prosecutor's supervision in the light of the implementation of the National Strategy for Combating Corruption» // SPS Consultant Plus.
7. Model regulations of linear Department Ministry of internal Affairs of Russia by railway, water and air transport, approved by order of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation dated 15.06.2011 No. 636.
8. Model regulations on the territorial body of the MIA of Russia in the Russian Federation, approved by the decree of the President of Russia dated 21.12.2016 № 699.
9. Standard regulations of the Department (branch point) of the police of the territorial body of the MIA of Russia at the district level, the approved order of the Ministry of internal Affairs of Russia from 01.09.2017 (in ed. from 26.06.2020) No. 690
10. Model regulation on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level, approved by the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 05.06.2017 No. 355.
11. *Kanifatov A.A.* Protection of the criminal process from the non-normative behavior of its participants: monograph. N. Novgorod, N. A. MVD of Russia, Ministry of Justice of Russia, 2004.

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, aleksandrcher@mail.ru

Синяева Нателла Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Конституционного (государственного) и международного права, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Natella.Sinyaeva@gmail.com

ПРАВОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ О ПРАВЕ КАК О НОРМАХ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. Изложен взгляд на правокачественность международного права с точки зрения теории о праве как о нормах согласования интересов. Дана оценка норм международного права как норм разграничения и согласования областей государственного интереса. Определены движущие принципы международного права: суверенитет отдельных государств и идея международного общения. Высказано предположение, что попытки присвоить монопольное значение одному из этих принципов обречены, так как сводить всю сущность международного права к идее общения, видеть в этой идее предопределение своего рода фатальной необходимости для отдельных государств находиться в кругу международного общения, тогда как нет логической необходимости считать, что государство вне международного общения не может быть мыслимо, неверно с научной точки зрения.

Ключевые слова: международное право, суверенитет, внутригосударственное право, ограничение «естественной» свободы, интерес, функциональное действие, общение

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Constitutional (State) and International Law, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, aleksandrcher@mail.ru

Natella A. Sinyaeva,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Constitutional (State) and International Law, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Natella.Sinyaeva@gmail.com

THE INTERNATIONAL LAW LEGAL QUALITY IN TERMS OF THE LAW THEORY AS THE INTERESTS' COORDINATION NORMS

Abstract. The article presents the author's view on the international law legal quality in terms of the law theory as the interests' coordination norms. The author assesses the international law norms as the norms of differentiation and coordination of state interest areas. He analyzes what is the driving principle of international law: whether it is the individual states sovereignty or the international communication. The author believes that any attempts to assign a monopoly value to one or the other of these two principles are actually condemned to failure. It seems scientifically incorrect to reduce the international law entire essence to the communication idea, to see in this idea a predestination of fatal necessity for individual states, to be in the circle of international communication. There is no logical need to consider that a state outside of international communication is not conceivable.

Keywords: international law, sovereignty, domestic law, restriction of "natural" freedom, interest, functional action, communication

Если только из всех различных теорий права не останавливать свой выбор на государственно-принудительной, состоятельность которой ввиду разрушительной критики, направленной против неё в современной литературе, не может подлежать сомнению, то вопрос о правокачественности международного права с точки зрения господствующих «социальных» теорий права должен, конечно, перестать быть вопросом, и поэтому само аргументирование правокачественности этого права сводится лишь к нескольким положениям, представляющим собой простейшие выводы из сопоставления посылок общих и частных.

Само собой разумеется, что при этом в отношении международного и всякого другого права должна быть исключена представляющая в данном случае особый соблазн идея автономного естественного права, ожившая вместе с учением о государственном суверенитете, нивелирующем в своей абсолютности государства и народы наравне с отдельными людьми в качестве простых аппаратов для выполнения приказов высшей богини права: в таком своём виде идея естественного права представляется, в сущности, не чем иным, как обычным видоизменением осуждаемой ею идеи «государственного» права, при которой, в соответствии со сферой государственного союза, где действует ближайшим образом межгосударственное право, создается в той или иной форме *civitas maxima* (общество государств) или, во всяком случае, *potestas maxima*, которой должны подчиняться отдельные государства, так же как «государственному» праву подчиняются отдельные граждане, то есть в силу внутригосударственного законодательства.

Если понимать право как совокупность основанных на взаимоограничении норм согласования интересов, то никаким сомнениям относительно правокачественности права межгосударственного не должно быть места. Как и отдельный человек до образования племенного, а затем государственного союза, государство является *de plano* вполне самостоятельным и независимым, довлеющим только само над собой. Это состояние государства как независимого союза представляет собой то же самое, что в отношении отдельного человека было его первобытной «естественной» свободой. Государство, поскольку оно фактически не зависит при осуществлении своих интересов от других государств, является совершенно свободным во всех своих действиях, суверенным, ничем не ограниченным со стороны других государств в той своей «естественной» свободе, какую представляет собой властвование государства.

Но именно потому, что государства являются суверенными, вполне естественно, что по мере развития общения между ними они испытывают необходимость добиваться признания в пользу свою и своих

граждан в качестве ограничения самодовлеющего *de plano* полновластия других, также независимых государств, поскольку попадают в круг их действия те или иные интересы [1]. Единственным для этого средством является при его независимости и отсутствии влияния на него извне путь компромисса между суверенитетом государства с одной стороны и необходимостью взаимных уступок в интересах международного общения с другой [2].

Именно в этом контексте разрешается спорный вопрос о том, что является движущим принципом международного права: суверенитет отдельных государств или идея международного общения. Всякие попытки присвоить монопольное значение одному из этих принципов обречены заранее на неудачу: сводить всю сущность международного права к идее общения, видеть в этой идее как бы предопределение своего рода фатальной необходимости для отдельных государств находиться в кругу международного общения, тогда как нет логической необходимости считать, что государство вне международного общения не может быть мыслимо, едва ли представляется верным с точки зрения науки. С другой же стороны, игнорировать момент необходимости общения между государствами, отстаивая с чрезмерной ревностью идею суверенитета государства, видя умаление его в каждом принимаемом на себя государством в собственных интересах на почве общения с другими государствами ограничения своего полновластия [3], значит совершенно отрицать не только необходимость, но и саму возможность такого общения. В действительности же, подобно тому как межиндивидуальное право творится не государством и не обществом как какими-то отвлеченными величинами, и не отдельными изолированными людьми, а именно людьми, но находящимися во взаимном общении, так же творится и межгосударственное право – не идеей международного общения, а самими государствами, находящимися в общении, и в этом смысле движущим фактором международного права являются сами государства с присущим им суверенитетом; внутренним же принципом, стимулом к его образованию является необходимость международного общения.

В общении между государствами совершается тот же процесс, что и между отдельными людьми. Вся совокупность отношений между государствами, находящимися в условиях равенства и взаимности, сводится к тому, что одно государство, от которого зависит сегодня признание интересов другого государства или его граждан, может завтра оказаться само в условиях такой же фактической зависимости, поскольку его интересы могут соприкасаться со сферой влияния этого другого государства. Вполне естественным следствием такого положения равенства и взаимности является готовность каждого государства

на основании образующегося у него опыта поступиться заранее теми или иными проявлениями своего полновластия при том условии, что подобная же уступка сделана будет и другим.

Ни в какой другой области этот путь самоограничения на началах именно взаимности не является столь ярким и очевидным, как в области международного права. Здесь совершенно ясно, что именно это начало является как бы предтечей международного права, тем стимулом, которым определяются отношения между государствами, ещё не сложившиеся в определённые правовые материи, но уже близкие к этому. Сфера этих отношений, не облечённых ещё пока формальной регламентацией международного права [4], ещё достаточно обширна, и известно, что во всех случаях, касающихся этих отношений, единственно решающим фактором является начало взаимности, при котором одно государство соглашается на те или иные ограничения своей «естественной» свободы при единственном только условии, что другое государство или группа государств со своей стороны согласится при аналогичных условиях на подобные ограничения своей свободы.

Таким образом, по характеру своего образования международное, межгосударственное право, как всякое другое, представляется не чем иным, как самоограничением государств в осуществлении их свободы на началах взаимности. Эта сторона сущности межгосударственного права как основанного на самоограничении государств нашла себе вполне определённое выражение в последовательном развитии этой мысли у таких видных авторов, как Бергбом, Еллинек и Триппель.

Бергбом первый отметил [5], что международное право есть не что иное, как выражение воли участвующих в международном общении государств. Еллинек добавил, что это выражение воли таково, что оно имеет для самого государства характер обязательный, ограничивающий его свободу [6]. И, наконец, Триппель [7] развил сформулированную Бергбом мысль, выяснив, что речь идёт в данном случае о выражении воли государства, воспринятой волей других государств (воля государства + общая воля государств), получившем, таким образом, необходимую объективацию. Триппель писал, что в международно-правовой норме государству противостоит не одна только его собственная воля, но и общая воля, образовавшаяся путём взаимодействия с другой государственной волей [7, 79].

Что касается цели и задач международного права, то есть внутреннего его содержания, то оно опять-таки, как и во всяком праве, заключается в согласовании интересов: с одной стороны, в их разграничении, то есть в обеспечении каждому из субъектов этого права беспрепятственного осуществления его

интересов, во избежание конфликта этих последних и стоящих за ними сил; а с другой стороны, в соединении этих сил в тех случаях, когда дело касается таких целей, достижение которых отдельному государству, несмотря на всё его полновластие в его внутренней жизни, оказывается не под силу [8]. К категории таких последних целей относится, как и во внутренней государственной жизни, целый ряд задач социальных, разрешение которых для отдельного деятеля фактически непосильно.

Межгосударственное право является третьим членом той триады, которую вообще представляет собой вся область права, по его субъектам и в связи с этим по его функциональному действию. Первым членом этой триады является право между отдельными людьми, право межличностное. По мере установления государственного порядка те проявления «естественной» свободы, которые им регулируются, сменяются их государственным ограничением, на почве которого вырастает другая область права, касающаяся отношений между государством и индивидом, – область права государственно-индивидуального, публичного, которому противопоставляется право частное.

С другой же стороны, по мере развития общения между государствами как целыми единицами вырабатываются постепенно также и нормы ограничений в осуществлении сферы государственно-индивидуального права не в отношении участников этой сферы в её внутреннем действии, то есть граждан, а в отношении других государств [9]. Эта третья область права, совокупность взаимноограничений государств в их властвовании, разграничение их «естественной» по отношению друг к другу свободы в области права государственно-индивидуальной, и представляет собой право межгосударственное, или международное.

Для того чтобы определённое выяснить соотношение права международного и права государственно-индивидуального, достаточно остановиться на любом примере норм этого последнего права, соприкасающихся с интересами международной жизни, на основании которых возможно образование норм международного права. Задолго до установления, например, норм международного права государство в области своего внутригосударственного права регламентирует ряд вопросов, связанных с правами иностранных граждан. Этими нормами государство само себя ограничивает, принимает на себя ряд обязательств к известному в определённых случаях поведению, но такие обязательства относятся исключительно к внутригосударственному праву, потому что государство принимает такие обязательства по отношению к самому себе.

Вполне возможно, однако, что в вопросах, о которых идёт речь, пожелает иметь свое право глоса государство, граждан которого они касаются, и

желание это будет удовлетворено путём заключения соответствующего уже международного договора, созданием уже международно-правовой, межгосударственно-правовой нормы, которая явится, быть может, лишь дословной репродукцией содержания прежней внутригосударственной нормы, но будет иметь по характеру и по направлению своего действия совершенно иное и вполне самостоятельное значение. Лишь постепенно устанавливается положение иногда совершенно противоположное в том отношении, что путём договора между государствами создаётся норма вполне новая по содержанию, но сущность её с формальной стороны опять-таки выражается в том, что она касается известного поведения государств в сфере их властвования, в области государственно-индивидуальной, которая в таком случае опять-таки репродуцирует у себя данную норму по её содержанию. И в том и в другом случае, таким образом, налицо именно репродукция, а не рецепция, потому что рецепция возможна в тех областях права, которые связаны преемственностью, а право государственное и право межгосударственное связаны между собой, если можно так выразиться, отношением объёма в том смысле, что право межгосударственное как бы объёмлет собой путём разграничения и согласования областей властвования государств, эти государственно-индивидуальные области.

Вопрос о соотношении права межгосударственного и права внутригосударственного послужил, как известно, предметом специальной работы Триппеля [7], известной по разработке в ней некоторых отдельных основных вопросов дисциплины международного права. К сожалению, Триппель, вместо того чтобы ограничиться единственно верным формальным определением областей права государственного и международного в смысле разграничения последним свободы государственного властвования, задаётся целями установления этого соотношения как материального по содержанию норм областей того и другого права, которые он рассматривает как формально-параллельные.

Доказывая всё время отрицательным путём неприменимость между этими областями того или иного соотношения, как, например, возможности между ними рецепции, Триппель именно ввиду движения его мысли о международном праве и государственном как о двух областях формально-параллельных, тогда как именно с формальной точки зрения международное право представляется областью высшей, областью разграничения государственного властвования, остается, в сущности, весьма далеким от каких-либо производительных, принципиально положительных в данном случае выводов: все его указания на неправильность тех или иных представлений о соотношении этих двух областей права – ничто при

отсутствии правильного положительного построения этого соотношения, при котором все упомянутые выше неправильности становятся ясными сами собой, точно так же как становится ясной логическая невозможность рецепции в областях государственного и международного права и возможность между ними только репродукции, при сознании, что право международное именно и представляет собой не что иное, как разграничение областей права государственного в отношении властвования государств, права государственно-индивидуального.

Государство в общих условиях своей правовой жизни может, таким образом, оказаться (и действительно во многих случаях оказывается) связанным по вопросам, соприкасающимся с международной областью, в двояком направлении: в сфере своей внутригосударственной жизни, по отношению к отдельному лицу, являющемуся «адресатом» данной внутригосударственной нормы, и, в сфере права международного, по отношению к другому государству, если оно связано с ним нормой международного права [7, 127].

Целью и содержанием этой последней нормы является ограничение полновластия государства уже по отношению к новому «адресату», то есть к другому государству, в области того внутригосударственного права, которого касается данная внутригосударственная норма, которая всегда может быть вне этого условия каждым государством измененной, точно так же как даже при отмене такой нормы международно-правовой государство, однако, остается связанным своей собственной соответственной внутригосударственной нормой, пока она не будет в законном порядке отменена, так как всё действие отмены нормы международно-правовой заключается в том, что по данному вопросу одно государство, участник создания этой нормы, перестаёт быть обязанным по отношению именно к другому государству как «консубъекту» в области этой нормы. Поэтому, например, вполне совместимо с юридически-формальной точки зрения то положение, что с отменой действия в случае войны международных актов, касающихся правового положения иностранцев, продолжает, однако, своё существование касающаяся этого вопроса норма внутригосударственного права, если таковая имеется: государство уже связано в её сохранении по отношению к другому государству и может в любой момент по собственному усмотрению прекратить её действие соответствующим в отношении каждого своего внутригосударственного закона порядком; но пока действие в этом порядке не прекращено, она, как всякий закон, сохраняет свою силу.

Правильное разграничение юридического значения и характера государства в области внутригосударственной и области межгосударственной может представить исключительный научный интерес с точки

зрения разрешения одного из наиболее важных юридических вопросов – о юридической природе государства.

Основные воззрения на государство в контексте этой проблемы – как на правоотношение и как на «юридическое лицо». Определение государства выражением «юридическое лицо» нельзя признать правильным с точки зрения тесного и, собственно говоря, технически только и правильного его значения как определяющего понятие соединений, которым государство октоирует самостоятельное значение личности, стороны в правовом обороте. В отношении же к самому государству и его юридической природе применение этого выражения в указанном смысле не может поэтому представляться удачным [10]. И не в силу того формального соображения, которое выражено в саркастических словах О. Майера [11] о том, что государству приходилось бы «вытаскивать самого себя за волосы» в качестве юридического лица. В действительности в этом ничего абсурдного нет, поскольку речь может идти о том, что в силах государства, и, например, такое «вытаскивание себя за волосы» представляется явлением повседневным в виде выступления государства как фиска, как обладателя известных имущественных благ, как «целевого имущества», то есть как юридического лица в узком смысле этого понятия. Но и государство не властно в определении того, что является самой его природой, и определение это может даваться началами одной только науки.

Если считать, что, когда говорят о публично-правовом государстве, то есть суверенном территориальном союзе, как о «юридическом лице», имеют в виду вовсе не юридическое лицо в узком смысле этого понятия, а лицо в юридическом обороте, юридическую личность, сторону в правовом обороте, и сопоставить с этим определением природы государства его определение как правоотношения, то наиболее правильным в данном случае разрешением вопроса придется признать точку зрения сравнительно немногочисленных ученых во главе с А. Аффельтером [12], согласно которой государство по своей юридической природе является одновременно и правоотношением, и «юридическим лицом», то есть лицом в юридическом обороте: правоотношением – поскольку в своей внутренней жизни оно представляет сложнейший узел отношений между отдельными его элементами, населением и властью, отдельными классами населения и партиями, органами государственной власти и органами местного самоуправления (или органами публичной власти) и др.; и лицом – поскольку государство выступает вовне, как единый нераздель-

ный союз, в котором нет ни классов, ни партий, ни борьбы, ни несогласий, как целостная сторона в каком-нибудь правовом или фактическом отношении, в котором другое такое же государство является такой же стороной в качестве единого целостного союза.

В этой, так сказать, двойственности государства как правоотношения с внутренней стороны и как «юридического лица», то есть лица в юридическом обороте, с внешней, нет опять-таки ничего юридически необычайного. Напротив, это обыденное явление в области юридической жизни союзов и объединений. Любое акционерное общество представляет собой одновременно и правоотношение в виде ряда правовых отношений между отдельными его участниками и органами в их внутренней деятельности, и вместе с тем, конечно, юридическое лицо, поскольку оно выступает вовне в качестве союза, как стороны в тех или иных правовых оборотах.

Вполне правильно, таким образом, с юридической стороны соединение в понятии союза одновременно и юридической фигуры правоотношения, бесконечно разнообразного во всех многочисленных его проявлениях и направлениях, и вместе с тем лица, единого и нераздельного, живущего одной волей. Принадлежность к одному великому социальному союзу, каким является государство, то великое и святое чувство солидарности, которое называется чувством любви к родине, доказывают справедливость той истины, что государство, хотя бы и представляющее во внутренней своей жизни зрелище самой деятельной борьбы партийных и правовых отношений, сливается в одно, единое лицо в своих внешних отношениях, когда перед отдельными его партиями зажигается общий для всех интерес – защита родины от посягательств на неё извне.

Бесконечно разнообразное в своих внутренних отношениях и интересах, иногда трудно между собой примиряемых, государство вовне выступает как нечто целостное и единое – не как бесконечное многообразие своих внутренних правоотношений, а как единый общественный организм, обращенный к другим подобным ему союзам внешней стороной полного единства, которым все внутренние интересы и правоотношения всецело поглощаются. В этом случае социальная и юридическая конструкции государства как нельзя более друг с другом совпадают, и каждое государство является в отношении другого, несмотря на все возможные во внутренней их жизни партийные, классовые и национальные конфликты интересов, цельной единой личностью, единым субъектом прав и обязанностей.

Список литературы

1. *Karl Kaltenborn*, Kritik des Volkerrecht, Leipzig, G. Mayer, 1847.
2. А.Г. Чернявский, Роль и значение идеологии для государства и права, Монография / 2020. Сер. Научная мысль (Изд. 2-е, испр. и доп.), С. 147.
3. А.Г. Чернявский, Правовое значение идеи суверенитета для государства и права, Москва, 2020, С. 8-9.
4. А.Г. Чернявский, Принципы юридической ответственности, Право и общество. 2015. № 3 (15). С. 55-62.
5. *Karl Bergbohm*, Staatsvertrage und Gesetze als Quellen des Volksrechts, Dorpat, Druck von C. Mattiesen, 1876.
6. *G. Jellinek*, Die rechtliche natur der staatenverträge, Wien, 1880.
7. *Heinrich Trippel*, Volkerrecht und Landesrecht, Leipzig, C.L. Hirschfeld, 1899, S. 32.
8. А.Г. Чернявский, Социальные основания изменения пределов юридической ответственности, Вестник Академии права и управления. 2015. № 1 (38). С. 25-31.
9. А.Г. Чернявский, Н.А. Синяева, Д.И., Самодуров, Международное право, Москва, 2019, С. 92-95.
10. А.Г. Чернявский, Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции, Москва, 2019. С. 134-139.
11. *O. Mayer*, Die juristische Person und ihre Verwertbarkeit im öffentlichen Recht, Staats rechtliche Abhandlungen, Festgabe fur Paul Laband, B. I, Tubingen, 1908, S. 67.
12. *Albert Affolter*, Lehre von der Personlichkeit des Staates, Archiv fur offentliche Recht, Tubingen :Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), XX, 1906.

References

1. *Karl Kaltenborn*, Kritik des Volkerrecht, Leipzig, G. Mayer, 1847.
2. A.G. Chernyavskij, Rol i znachenije ideologii dlya gosudarstva i prava. Monografiya / 2020. Ser. Nauchnaya mysl (Izd. 2-e, ispr. i dop.). S. 147.
3. A.G. Chernyavskij, Pravovoe znachenie idei suvereniteta dlya gosudarstva i prava, Moskva, 2020, S. 8-9.
4. A.G. Chernyavskij, Printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti. Pravo i obshchestvo. 2015. № 3 (15). S. 55-62.
5. *Karl Bergbohm*, Staatsvertrage und Gesetze als Quellen des Volksrechts, Dorpat, Druck von C. Mattiesen, 1876.
6. *G. Jellinek*, Die rechtliche natur der staatenverträge, Wien, 1880.
7. *Heinrich Trippel*, Volkerrecht und Landesrecht, Leipzig, C.L. Hirschfeld, 1899, S. 32.
8. A.G. Chernyavskij, Social'nye osnovaniya izmeneniya predelov yuridicheskoy otvetstvennosti, Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2015. № 1 (38). S. 25-31.
9. A.G. Chernyavskij, N.A. Sinyaeva, D.I., Samodurov, Mezhdunarodnoe pravo, Moskva, 2019, S. 92-95.
10. A.G. Chernyavskij, Fundamentalnyye osnovy prava: komparativistika v yurisprudentsii. Moskva. 2019. S. 134-139.
11. *O. Mayer*, Die juristische Person und ihre Verwertbarkeit im öffentlichen Recht, Staats rechtliche Abhandlungen, Festgabe fur Paul Laband, B. I, Tubingen, 1908, S. 67.
12. *Albert Affolter*, Lehre von der Personlichkeit des Staates, Archiv fur offentliche Recht, Tubingen :Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), XX, 1906.

Вольская Татьяна Евгеньевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права, Институт деловой карьеры, старший научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, volskaya@mipt.ru

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ В ВУЗЕ: ТРАДИЦИИ, СПЕЦИФИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. В условиях развития глобального информационного общества обоснована необходимость базирования разработки путей совершенствования управления трудом в сфере высшего образования на цифровой парадигме, выполняющей комплекс задач реализации стратегических целей российского высшего образования, соответствующей его идеологии и ценностям. Запуск механизма на базе такой модели требует специальных (требующих разработки, а не копирования из теории и практики менеджмента и экономики) управленческих технологий. В числе применимых отмечено проектное управление трудом; внедрение цифровых информационно-коммуникационных технологий (далее – ДИКТ) во всю совокупность методов и процессов управления трудом; широкое использование международного рекрутинга для «освежения» кадров, широкое внедрение технологий KPI, а также рейтингов, как в оценке, так и в стимулировании труда, выстраивании траекторий горизонтального и вертикального карьерного роста профессорско-преподавательского состава. В то же время отмечено что, опора на цифровую парадигму не элиминирует все остальные подходы, в том числе и идеологию российского образования, обязанность соблюдения прав и свобод, в том числе и академических. В этом смысле цифровая парадигма формирует теоретическую базу цифровых платформ, на которых в системной совокупности применяются как традиционные, так и инновационные подходы.

Ключевые слова: высшее образование, управление трудом, профессорско-преподавательский состав, управление персоналом, научно-педагогические работники, стимулирование труда, организационные технологии

Tatiana E. Volskaya,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law, Institute of Business Career, Senior Research Officer, All-Russian Scientific Research Institute of Labor Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, volskaya@mipt.ru

LABOR MANAGEMENT IN THE UNIVERSITY: TRADITIONS, SPECIFICITY AND MODERN TECHNOLOGIES

Abstract. In the context of the development of the global information society, the necessity of basing the development of ways to improve labor management in the field of higher education on the digital paradigm is substantiated, which fulfills a set of tasks for the implementation of the strategic goals of Russian higher education, corresponding to its ideology and values. Launching a mechanism based on such a model requires special (requiring development, and not copying from the theory and practice of management and economics) management technologies. Among the applicable ones, we note the project management of labor; the introduction of DICT in the entire set of methods and processes of labor management; widespread use of international recruiting to “refresh” personnel, widespread introduction of KPI technologies, as well as ratings, both in assessing and stimulating labor, building trajectories of horizontal and vertical career growth for teaching staff. At the same time, reliance on the digital paradigm does not eliminate all other approaches, including the ideology of Russian education, the obligation to respect rights and freedoms, including academic ones. In this sense, the digital paradigm forms the theoretical basis of digital platforms on which both traditional and innovative approaches are applied in the system totality.

Keywords: higher education, labor management, teaching staff, personnel management, scientific and pedagogical workers, labor stimulation, organizational technologies

В современных экономических и педагогических исследованиях обосновывается актуальность проблематики управления трудом в сфере образования, что, в основном, связывается с трансформаций общества знаний, где особая роль отводится высшему образованию. В то же время, авторы, разрабатывающие проблематику общего образования, то же самое пишут и о высшем образовании. В этом смысле «особая» роль именно высшего образования, представляется не вполне актуализированной и, как минимум, нуждается в дополнительном обосновании.

В современной России, как отмечает П.А. Емец, широко используются «новые мотивационные механизмы, не зависящие от идеологии». На место старых, идеологизированных (как следует из логики цитируемого автора) подходов, приходят другие, идет процесс «апробирования всего спектра теорий мотивации, существующих в мировой экономике» [1, 56]. Возможно ли прямое перенесение способов мотиваций и управления трудом из экономики (теорий менеджмента) в научно-педагогическую сферу, отличную от производства и продаж и имеющую свою специфику?

Именно в вузе (здесь и далее используем устоявшееся понятие, хотя оно и отсутствует в действующем законодательстве) продуцируются и аккумулируются знания, которые затем передаются обучающимся, формируя интеллектуальный капитал будущих работников и закладывая, тем самым, перспективы общественного развития [2, 14]. То же самое можно сказать и о всех прочих ступенях образования, так как знания везде по своему «продуцируются», «аккумулируются», «передаются», «формируют» и «закладывают». В этом смысле важно, принимая во внимание общие концептуальные положения, выделить специфику именно высшего образования.

Вторым проблемным аспектом представляется актуализация темы. Нельзя не отметить текущие и перспективные существенные изменения условий функционирования системы высшего образования. Это разного рода (цифровые и социально-экономические) системы и механизмы оценки. Ранее мы указывали на то, что это системы оценок «профессорско-преподавательского состава» (далее – ППС) и «научно-педагогических работников» (далее – НПР), ставя в центр внимания KPI, а также необходимое (и достаточное) управленческое воздействие, которое необходимо осуществить, чтобы «существенным образом повлиять на трудовую деятельность работников вуза» [2, 16].

Сегодня к этому перечню следует добавить, что система высшего образования функционирует в условиях растущей конкуренции, стрессового развития национальной экономики, проявлений глобальных угроз (таких как пандемия COVID-19) и рисков, в усло-

виях противоречивого генезиса рынка труда, развитой институализированной коррупции, попыток реализации концепций академического капитализма с его российской спецификой. Всё это не может не влиять на кадры российских организаций высшего образования и их работу. Полагаем, что организационные и технически вспомогательные аспекты оценки имеют здесь именно вспомогательное значение.

В специальной литературе принято анализировать вопросы управления трудом трех категорий: «профессорско-преподавательский состав», «работники вуза» и «научно-педагогические работники», дифференциация которых чаще всего не проводится. Сразу отметим, что она вряд ли возможна по причине противоречивости ч.1 ст.50 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

В целом вопросы управления трудом в сфере высшего образования применительно к указанным категориям в современной теории управления рассматриваются аналогично сфере производства. Так, например, анализируя управление трудом в российском сельском хозяйстве, коллектив авторов критикует доминирование авторитарных моделей, которые противоречат росту сложности и информационной насыщенности современного производства, а также требований к квалификации работников. В свою очередь, как указывают авторы, высокий уровень их образования и квалификации стимулирует потребности, включая обеспечение творчества и независимости. Это в полной мере характерно и для системы высшего образования, где любая традиционная авторитарная модель будет продуцировать конфликты и снижать эффективность труда [3, 26]. Эти подходы характерны для последних десятилетий [4, 89].

В то же время, в них не прослеживается опора на отечественный, в частности, на советский опыт. Обратим внимание, что в СССР, кроме социалистического соревнования¹, для вузов не существовало специально разработанных систем, методов управления трудом. Формализованные оценки сводились к нескольким показателям, в основном, так называемой «остепенённости».

Вопрос оценки эффекта методов, которым стимулировалось соревнование в советских вузах, как и его самого, как справедливо отмечает Р.Ю. Зверев, остается открытым. До сих пор сложно сделать вывод

¹ Социалистическое соревнование было в большей степени методом стимулирования, чем управления трудом, в основу которого был положен известный и ранее применявшийся, в том числе и в рыночной экономике, принцип состязательности. На практике советские вузы, как и все социалистические предприятия и организации, а также их коллективы внутри – по подразделениям, формально соперничали между собой за достижение более высоких, чем это было предусмотрено планом, показателей.

о результативности психолого-пропагандистского воздействия на сознание и поведение соревнующихся преподавателей и студентов, об эффекте слётов ударников и прочих аналогичных мероприятий [5, 115].

Главное, что следует отметить, что без применения современных, в основном западных, чисто менеджерских, разработанных для бизнеса и управления персоналом и продажами, методов, советская наука, в том числе фундаментальная, имела впечатляющие успехи, а качество подготовки специалистов признавалось как в СССР, так и в социалистических и развивающихся странах

Оценивая советскую систему образования, как не идеальную, Г.А. Бордовский, отмечает, что она внесла «свой вклад» и в «застой» и в «перестройку», но, в то же время, как подчеркивает автор: «было в ней и нечто великое, обращение к которому может стать ключом к решению проблемы существенно-го улучшения современного российского образования». Автор считает, что это «опора на традиционные морально-нравственные ценности», системный и научно обоснованный подход к образованию, который бы разрабатывался «специалистами в сфере образования, а не «эффективными менеджерами» [6, 36].

Здесь поднята основная проблема совокупности концепций управления трудом, которые разрабатывались в основном прикладной теорией менеджмента и управления персоналом на базе опыта эффективных менеджеров, реализованного в продажах и на производстве. Теперь же этот опыт прямо распространяется на сферу высшего образования.

Обосновываются такие подходы существенным изменением квалификационных и специальных компетентностных требований, а также новыми технологиями оценки. Такой подход представляется спорным, так как высшее образование закладывает фундамент и методы поиска, развития и применения знаний. В этом смысле формализованные технологии оценки деятельности условного профессора никак не могут определять его компетенции. В этом случае получается, что не технологии для профессора (а значит и для образования и общества), а профессор (подгоняется) под технологии, которые теперь им управляют. В этой ситуации условный профессор нацеливает свою деятельность не на качество преподавания и научное творчество, а на достижение соответствия постоянно растущим и усложняющимся формальным показателям (индикаторам) систем его оценки и управления им как рабочей единицей производства.

Российская система высшего образования пока не в полной мере отвечает требованиям развития информационной экономики, однако это не означает, что основная причина в отставании методов и механизмов управления трудом в вузе.

Формально, такое управление ориентировано на обеспечение соответствия действующей системы вузовского труда целям образования. Принимая во внимание жесткий лимит ресурсов системы высшего образования, концепция и методы управления трудом в этой сфере должны обеспечить эффективность труда, в прямом, экономическом смысле этого понятия.

Для достижения указанной цели необходимы соответствующие организационные и социально-экономические технологии, которые, дадут возможность снизить затраты времени и труда на рутинные операции (применение ДИКТ), а также оптимизировать стимулирование и оплату труда, в том числе путем обеспечения оперативности и точности рейтингов.

В своё время ставились и решались задачи теоретического осмысления рассматриваемой проблематики, уточнения категориально-понятийного аппарата, а также производился расчет применения современных технологий в управлении трудом вузе. Время и ситуация, в том числе связанная со стрессовым развитием образования (переход на дистанционные методы в связи с пандемией, отмена научных форумов и др.), а также с проблемной реализацией курса на модернизацию и инновационное развитие российской экономики, требуют внесения корректив.

В современных условиях управление трудом в целом представляется одним из видов управленческой деятельности, осуществляемой в виде системного воздействия на факторы, процессы и элементы труда.

Принимая во внимание переход к информационной экономике, в которой знание приобретает статус не просто основного ресурса, а высшей ценности, формируется потребность в сочетании хорошо себя проявивших сегментов традиционных отечественных подходов с новыми, адаптированными к российской информационной и образовательной средам, требованиям Болонского процесса.

Таким образом, в российском вузе должна быть реализована модель управления трудом, ориентированная на учёт специфики интеллектуального и творческого характера труда, формирующего интеллектуальный капитал конкретного вуза и, опосредованно и частично, российский интеллектуальный капитал.

При этом, принимая во внимание международно-признанные ценности академической автономии², управление трудом может рассматриваться как управление и как самоуправление знаниями; актив-

² В соответствии с «Рекомендациями ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров» 1997 года, автономия вузов – это необходимая им степень самоуправления для эффективного принятия решений по своей учебной работе, управлению и иной деятельности, совместимым с требованиями законодательства и государства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина, стандартов, отчетности, финансов, уважения академических свобод (V.A.17).

ной вовлеченностью ППС в генерацию идей, инноваций, а также – коллективного специального и педагогического знания.

При этом внедрение социотехнических (антропотехнических) систем, а также дигитализация процессов управления трудом рассматриваются не как самоцель и не как основной, а как технически вспомогательный программно-аппаратный и методический комплекс, который не может подменять коллегиальные органы управления, коллегиальное обсуждение и принятие решений на всех уровнях вузовской иерархии.

Именно такой подход соответствует «Повестке дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 года», а также документах ЮНЕСКО, которые подчеркивают, что прогресс информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) обеспечивает широчайшие возможности для ликвидации «цифрового разрыва», развития инклюзивных обществ знания.

Обратим внимание, что все международные документы в этой сфере отдают безусловный приоритет не показателям ППС как наемных работников, традиционно применимым в бизнесе при расчетах прибыли, а соблюдению прав человека, обеспечению гендерного равенства, исключению дискриминации, а также расширению возможностей.

В этой связи любые системы управления трудом могут быть ориентированы на разработанные и утвержденные ЮНЕСКО (как агентства ООН) четыре фундаментальных составляющих современных инклюзивных обществ знания. Во-первых, это свободы самовыражения и поиска, хранения, распространения и интерпретации информации, равного качества обучения для всех, а также уважения к языковому и культурному разнообразию [7]. Именно с этих позиций следует рассматривать любые усовершенствования в сфере управления трудом.

Одним из таких направлений считаем формирование единого информационного пространства вуза, а также внедрения ДИКТ, что даст возможность заложить основу для обеспечения эффективности управления трудом сотрудников вуза.

Обсуждение этих вопросов идет вот уже два десятка лет [8, 19], при этом в последние годы предпринимались не вполне удачные на наш взгляд, попытки трансформации содержания и структуры этого понятия путем дробления «единого» на «информационное» и «образовательное» пространство вуза, что представлялось «новым путем модернизации образовательной системы» [9, 253]. На деле представляется оптимальной устоявшаяся формулировка «единая», которая предполагает включение нескольких сегментов, в том числе информационного, образовательного, научного и иных. При этом их конкретизация в самом понятии представляется необязательной. Не-

смотря на обилие работ по теме, общая концепция единого пространства представляется ещё «сырой». Причину мы видим в том, что большинство исследователей стремятся создать идеальную и завершённую модель, что вряд ли соответствует потребностям информационного общества с одной стороны и глобальным рискам, которые могут быть внезапными (как, например, пандемия) с другой. В этом смысле единая среда вуза не может иметь концептуально «жесткой» формы, она должна быть гибкой и самосовершенствующейся, способной мгновенно реагировать на вызовы без оглядки на то, соответствует такая реакция «жесткой» модели, или нет, руководствуясь лишь изложенными выше принципами. В этом смысле теоретическая, так и практическая разработка концепции единой среды пока все ещё отстает от требований времени.

В такую модель вполне вписывается Проект «5-100», в котором приняли участие несколько вузов. Его реализация позволила подтвердить, что проектные технологии, применяемые в сфере управления трудом обеспечивают результативность. Во-первых, в данном случае обеспечивается «таргетирование» приоритетов и перспектив развития образовательной организации, становится понятно на каком направлении сосредоточить интеллектуальные и материальные ресурсы. Во-вторых, поддерживается заданный статусом (рейтингом) вуза уровень квалификации его ППС. В-третьих, развивается сетевая структура управления трудом, с раной степенью автономии структурных подразделений. Кроме того, это позволяет стимулировать коллективный интеллект, работающий на общий результат, не утрачивая при этом индивидуальность и креативность в постановке и разрешении точечных задач.

Ранее нами были разработаны и обоснованы механизмы оценки и стимулирования сотрудников вуза на базе известных методик KPI, рейтингования, показаны возможности и преимущества применения информационно-аналитических систем, в том числе и в части преимуществ и проблемных мест отдельных технологий в формировании создания эффективной системы стимулирования труда в вузе, показано их различие, определены недостатки и трудности внедрения, связанные, в том числе со сложностью количественной оценки результатов творческого труда работников вуза [2].

В то же время, в зарубежной и отечественной практике доминируют наукометрические подходы, построенные на измерении и интерпретации научных публикаций, а если точнее – то публикационной активности их авторов, которая чем выше, тем выше рейтинг ученого. Столь простая корреляция вызывает не просто много вопросов, а активную критику, особенно в России [10]. Основной вопрос в том, на-

сколько корректно и адекватно измерение и применение влияния научных статей, а также академических журналов на политику и управление образованием и наукой, в том числе и в сфере управления научно-педагогическим трудом.

Критики не без оснований, утверждают, что чрезмерная зависимость от наукометрии создала систему извращенных стимулов, создающих среду публикации или гибели, которая приводит к низкокачественным исследованиям [12, 126].

Обратим внимание на позицию Дж. Лэйн, которая, предпринимая попытку понять «суть хорошей [эффективной] науки», считает это достижимым путем объединения заинтересованных сторон в деле формирования надежной и последовательной системы измерения всех видов деятельности, которые составляют «академическую производительность».

Согласимся с цитируемым автором в том, что измерение и оценка вузовской работы сегодня – состоявшийся факт научной жизни. Именно от этих показателей зависят решения о сроке пребывания в должности, равно как и рейтинги, влияющие на финансирование университетов.

В то же время, и здесь мы вновь вынуждены согласиться с Дж. Лэйн, действующие системы измерений не вполне адекватны. В частности автор с определенной долей скептицизма подходит к наиболее распространенным показателям, в частности, современному и «модному» индексу Хирша, равно как и к индексу цитирования, которому уже более шестидесяти лет, ссылаясь на П. Кэмпбелл, в том, что все эти индексы «имеют ограниченное применение» [13].

Действительно, их недостатки всем и хорошо известны. Прежде всего, это формирование предпочтений и даже определённой предвзятости, охват лишь нескольких аспектов работы ученых, смещение реальной (настоящей) и проверенной практикой науки и работ, явно дискредитирующих науку. Несмотря на очевидность недостатков на Западе, прежде всего, в США большинство финансовых институтов, государственных и частных, используют эти показатели для оценки эффективности деятельности научного персонала и в целом университетов и научных организаций, что не может не усугублять проблем, так как такое использование означает официальное признание этих методов [14].

Применяемые сегодня показатели весьма узки и не охватывают весь спектр видов деятельности, генерируют, поддерживают и репрезентуют научные идеи, сосредоточившись исключительно на так называемой публикационной активности, практически исключив популяризацию науки, налаживание её связей с обществом, которые могут быть разнообразны.

В современной теории систем хорошо известны опасности плохих показателей, поэтому наука, а

точнее наукометрия, лежащая в основе большинства моделей оценки научно-педагогического труда, должна извлекать уроки из опыта других областей, прежде всего, бизнеса. История менеджмента богата печальными примерами бонусов за явно непродуманные, а нередко и злонамеренные меры, которые привели, как о том свидетельствует, например, опыт последнего кризиса 2008-2020 годов, к негативным результатам для всего мира.

В науке абсолютизированные либо предвзятые показатели научно-педагогической деятельности, способны формировать предвзятость к кадрам, переходящую из сферы управления в сферу манипулирования.

Существует, как полагает Дж. Лэйн, огромный потенциал, чтобы добиться большего, то есть развить научное знание о научном измерении, на которое есть растущий глобальный спрос, включая спрос на показатели. Именно он, по мысли цитируемого автора, побудит заинтересованные стороны, прежде всего, это национальные финансовые учреждения и научно-исследовательские организации, а также издательства (как три основные стороны процесса) объединить свои усилия. В таком единстве они в состоянии будут формировать повестку дня, содействуя исследовательской активности, разрабатывая и используя надежные научные показатели: основанные не только на теории, но также и на релевантных данных, разработанные сообществом, имеющим реальные стимулы для их использования [15].

В российских исследованиях в большей степени описываются модели введения в университетах профессиональных стандартов с механизмами и технологиями повышения эффективности управления трудом работников. Прежде всего, это формирование модели его профессиональной деятельности, что, по сути, означает развитие идей Ф.У. Тэйлора, на базе совокупности выполняемых им стандартных трудовых функций и соответствующих квалификационных и иных требований. Также предпринимаются попытки систематизации методик оценки квалификации сотрудников вуза; реализации программ повышения квалификации в соответствии с требованиями профессионального стандарта; формирования системы стимулирования труда работников вуза с учетом уровня имеющихся квалификаций, компетентностной модели и индивидуальных траекторий развития; обосновано. Предполагается, что эта совокупность достаточна для обеспечения эффективности управления трудом в вуза.

Полагаем, что в условиях развития информационного общества, наиболее перспективна для разработки путей совершенствования управления трудом в сфере высшего образования дигитальная парадигма, соотношенная с задачами российского высшего образования.

Построение такой модели требует инновационных (для российских вузов, в мировой практике они могут быть известны) управленческих технологий. Это, прежде всего, проектное управление трудом; внедрение ДИКТ во всю совокупность методов и процессов управления трудом; широкое использование международного рекрутинга для «освежения» кадров, широкое внедрение технологий KPI, а также

рейтингов, как в оценке, так и в стимулировании труда, выстраивании траекторий горизонтального и вертикального карьерного роста ППС.

В то же время, дигитальная парадигма не исключает и не поглощает все остальные подходы, и в большинстве случаев, не является основной, а лишь цифровой платформой для применения совокупности как традиционных, так и новых методов и систем.

Список литературы

1. Емец П.А. Управление качеством преподавательского труда в вузах с помощью мотивационного механизма// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2007. № 4. С. 54-58.
2. Вольская Т.Е. Управление трудом работников вуза на основе современных организационных и социально-экономических технологий: автореф. ... дисс. канд. экон. наук. 08.00.05. М., 2020.
3. Фомин О.С., Бережный А.И., Егай В.В. Инновационные подходы в управлении трудом// Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 3. С. 24-27.
4. Белкина В.Н., Белкиной Н.А. Как управлять трудом. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. 304 с.
5. Зверев Р.Ю. Социалистическое соревнование в советском вузе на довоенном этапе развития СССР (1929-1941 годы): материальное и нематериальное стимулирование// Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 113-117.
6. Бордовский Г.А. Что же было лучшим в советской системе образования? // Высшее образование сегодня. 2018. № 1.
7. Рекомендация ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений 1997 г https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/normativeinstrument/wcms_493319.pdf.
8. Подковырова О.Н. Единое информационное пространство вуза: принципы, задачи, структура// Интеграция образования. 2000. № 4. С. 18-20.
9. Исмаилова Н.П. Единое информационное образовательное пространство вуза: новый путь модернизации образовательной системы// Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Вып. 7. № 1 (22). С. 250-254.
10. Публикуйся или умри? Как ученых заставляют гнаться за рейтингами// РИА Новости <https://ria.ru/20180206/1514033974.html>.
11. Недобросовестные публикации в научных журналах. Кому они нужны и как с ними бороться// ТАСС Наука. 24 ноября 2018 года. <https://nauka.tass.ru/lyudi-i-veschi/6816654>
12. Weingart, Peter Impact of bibliometrics upon the science system: Inadvertent consequences?// Scientometrics. 2005. № 62 (1). P. 117-131.
13. Campbell, P. Escape from the impact factor// Inter-Research Science Publisher (2008). <http://www.int-res.com/abstracts/esep/v8/n1/p5-7/>
14. Bruce Curtis The Performance-Based Research Fund: research assessment and funding in New Zealand// Globalisation, Societies and Education. 2008. Vol. 6. Issue 2. P. 179-194 <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14767720802061488>
15. Julia Lane Let's make science metrics more scientific// Nature. 2010. 24 March <https://www.nature.com/articles/464488a>

References

1. Emet P.A. Upravlenie kachestvom prepodavatel'skogo truda v vuzah s pomoshch'yu motivacionnogo mekhanizma// Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2007. № 4. S. 54-58.
2. Vol'skaya T.E. Upravlenie trudom rabotnikov vuzha na osnove sovremennyh organizacionnyh i social'no-ekonomicheskikh tekhnologij: avtoref. ... diss. kand. ekon. nauk. 08.00.05. M., 2020.
3. Fomin O.S., Berezhenyj A.I., Egaj V.V. Innovacionnye podhody v upravlenii trudom// Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2014. №3. S. 24-27.
4. Belkina V.N., Belkinoy N.A. Kak upravlyat' trudom. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2005. 304 s.
5. Zverev R.YU. Socialisticheskoe sorevnovanie v sovetskom vuze na dovoennom etape razvitiya SSSR (1929-1941 gg.): material'noe i nematerial'noe stimulirovanie// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 427. S. 113-117.
6. Bordovskij G.A. Chto zhe bylo luchshim v sovetskoj sisteme obrazovaniya? // Vysshee obrazovanie segodnya. 2018. № 1.
7. Rekomendaciya YUNESKO o statuse prepodavatel'skih kadrov vysshih uchebnyh zavedenij 1997 g https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/normativeinstrument/wcms_493319.pdf.
8. Podkovyrova O.N. Edinoe informacionnoe prostranstvo vuzha: principy, zadachi, struktura// Integraciya obrazovaniya. 2000. № 4. S. 18-20.

9. *Ismailova N.P.* Edinoe informacionnoe obrazovatel'noe prostranstvo vuza: novyj put' modernizacii obrazovatel'noj sistemy// Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2018. Vyp. 7. № 1 (22). S. 250-254.
10. Publikuj'sya ili umri? Kak uchenyh zastavlyayut gnat'sya za rejtingami// RIA Novosti <https://ria.ru/20180206/1514033974.html>.
11. Nedobrosovestnye publikacii v nauchnyh zhurnalakh. Komu oni nuzhny i kak s nimi borot'sya// TASS Nauka. 24 noyabrya 2018 goda. <https://nauka.tass.ru/lyudi-i-veschi/6816654>
12. *Weingart, Peter* Impact of bibliometrics upon the science system: Inadvertent consequences?// Scientometrics. 2005. № 62 (1). P. 117-131.
13. *Campbell, P.* Escape from the impact factor// Inter-Research Science Publisher (2008). <http://www.int-res.com/abstracts/esep/v8/n1/p5-7/>
14. *Bruce Curtis* The Performance-Based Research Fund: research assessment and funding in New Zealand// Globalisation, Societies and Education. 2008. Vol. 6. Issue 2. P. 179-194 <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14767720802061488>
15. *Julia Lane* Let's make science metrics more scientific// Nature. 2010. 24 March <https://www.nature.com/articles/464488a>

Горин Денис Станиславович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Управления инновациями,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
gorinds@mail.ru

Долженков Сергей Сергеевич,

магистрант, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
dolzhenkov@mirea.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ НА ОСНОВЕ CALS-ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Рассмотрены основные научно-методические подходы к применению CALS-технологий в промышленном производстве. Представлена Концептуальная модель CALS, систематизированы базовые принципы технологии CALS, определены Базовые технологии управления данными и Базовые технологии управления процессами в рассматриваемой системе. Показана необходимость использования CALS с позиции повышения качества производимой продукции. Определены основные модули производственной системы, построенной на использовании CALS-технологий. Обоснована необходимость дальнейшего научного поиска и определения теоретико-методологических основ для широкого применения CALS-технологий на различных предприятиях в условиях построения и развития цифровой экономики с целью повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

Ключевые слова: технология, CALS, базовые принципы, качество, конкурентоспособность

Denis S. Gorin,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Innovation Management,
MIREA – Russian Technological University, Moscow,
gorinds@mail.ru

Sergey S. Dolzhenkov,

Master's student, MIREA - Russian Technological University, Moscow,
dolzhenkov@mirea.ru

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PRODUCT QUALITY ASSURANCE BASED ON CALS TECHNOLOGIES

Abstract. This article discusses the main scientific and methodological approaches to the application of CALS technologies in industrial production. The conceptual model of CALS is presented, the basic principles of the CALS technology are systematized, the Basic technologies of data management and Basic technologies of process control in the system under consideration are determined. The necessity of using CALS from the standpoint of improving the quality of manufactured products is shown. The main modules of the production system based on the use of CALS technologies have been determined. The need for further scientific research and definition of theoretical and methodological foundations for the widespread use of CALS technologies at various enterprises in the context of building and developing a digital economy in order to increase the competitiveness of domestic products is substantiated.

Keywords: technology, CALS, basic principles, quality, competitiveness

В современных условиях глобализации и повышения конкуренции в различных отраслях промышленного производства одним из важнейших показателей конкурентоспособности продукции выступает ее качество. Цифровизация экономики, широкое использование информационных технологий (далее – ИТ) в промышленном производстве и его ав-

томатизация выводят решение проблемы повышения качества продукции на совершенно новый методологический и практический уровень.

Именно применение ИТ на промышленном предприятии позволяет не только существенно повысить производительность труда на производстве за счет оптимизации использования ресур-

сов, но и изменить качество технологических процессов, что позволяет значительно сократить сроки разработки и постановки на производственные линии новых изделий, а также обеспечить высокое качество новых изделий. Это особенно важно в производстве сложной наукоемкой продукции, прежде всего, космической техники и военно-технической продукции, где качество имеет принципиальное значение с позиции обеспечения жестких требований и минимизации каких-либо отклонений в изделии или детали, что может оказать существенное влияние на работу всего агрегата, устройства или механизма.

Вместе с тем, сегодня большое количество продукции, в том числе и наукоемкой, производится в тесной кооперации различных промышленных предприятий, так как крайне сложно в современных условиях обеспечить технологический цикл в рамках одного локального производства. В связи с этим возникает проблема стыковки между собой технологий и циклов производства продукции, выполняемых как в рамках одного предприятия, так и на разных предприятиях, с позиции максимальной интеграции бизнес-процессов и минимизации ресурсных затрат, прежде всего, временных.

Одним из решений этой проблемы выступает идея объединения различных ИТ в единый комплекс как в рамках одного предприятия, так и группы предприятий, то есть создание «виртуального» предприятия, характеризующегося наличием интегрированной информационной среды (далее – ИИС), которая осуществляет поддержку выпускаемого изделия на всех этапах его жизненного цикла (далее – ЖЦИ).

Именно эта идея и легла в основу технологии непрерывной информационной поддержки поставок и жизненного цикла (англ., Continuous Acquisition and Life cycle Support, далее – CALS). Разработка данного подхода, направленного на повышение эффективности управленческих процессов и сокращения затрат при производстве продукции военного-технического назначения, принадлежит специалистам военного ведомства США. На сегодняшний день CALS оформилось в отдельное направление в области ИТ, которое нашло свое нормативное закрепление в разработанных международных стандартах ISO серии 10303. На национальном уровне в различных государствах мира также принимаются стандарты, идентичные подходам ISO в области CALS-технологий.

Сегодня CALS активно используется западными производителями военной и гражданской продукции. Существуют и отдельные примеры применения CALS в отечественной практике производства сложной наукоемкой продукции, но пока в России CALS применяется значительно реже и в меньших

масштабах, чем в развитых западных экономиках. CALS является перспективной технологией, которая может быть использована не только для промышленного производства наукоемкой и технически сложной продукции, но и для различных масштабных процессов, где необходим оперативный обмен информацией между различными контрагентами. Поэтому значение CALS в цифровой экономике будет только возрастать, а детальное рассмотрение научно-методических основ обеспечения качества продукции на основе CALS-технологий выглядит не только актуальным, но и необходимым.

Концептуальная модель CALS включает в себя:

- ИИС – ядро системы, связующее между собой все компоненты и «обволакивающее» весь ЖЦИ;
- Базовые принципы CALS;
- Базовые технологии управления данными;
- Базовые технологии управления процессами (см. Рисунок 1).

К базовым принципам CALS необходимо отнести следующие (см. Рисунок 2).

Базовые технологии управления процессами в концепции CALS представлены на Рисунке 3.

К числу Базовых технологий управления данными в концепции CALS необходимо отнести те технологии, которые содержат данные о продукции (изделии), выполняемых процессах, ресурсах, требуемых для выполнения процессов, и среде.

Основным концептуальным подходом CALS-технологий выступает то, что в ИИС существуют единые подходы к представлению, хранению и обмену информацией между различными участниками системы. Эта информация, которая сформировалась на определенном этапе ЖЦИ и однажды попала в систему, из нее больше не исчезает. Это позволяет не только сохранить первичную информацию, но и в дальнейшем ее корректировать, дорабатывать, расширять и самое главное – использовать любому участнику системы разработки и производства. В итоге это приводит к сокращению временных, трудовых и финансовых затрат на модификацию и создание новых изделий на базе уже разработанных, а с позиции качества позволяет детализировать проблемные участки и добиться позитивных изменений без коррекции остальных этапов ЖЦИ.

CALS включает в себя как средства графического проектирования, информационного обеспечения и их управления, так и системы управления всей деятельностью предприятия или группы компаний. Все эти средства и системы должны быть интегрированы и представляют единое целое на базе ИИС. Важным выглядит то, что CALS исключает дублирование ввода данных, предполагает исключение бумажных технологий, хранение и обмен информацией в электронном виде между всеми участниками деятельности.

С позиции обеспечения качества продукции и повышения ее конкурентоспособности использование CALS-технологий несет ряд существенных преимуществ (см. Рисунок 4).

Анализ различных подходов [1-3, 5] к построению промышленной системы, основанной на CALS-

технологиях, с позиции обеспечения высокого качества продукции и конкурентоспособности предприятия, позволяет систематизировать и обозначить основные модули подобной системы (см. Рисунок 5).

Необходимо признать, что сегодня CALS-технологии находят активное использование в ави-

Рисунок 1. Концептуальная модель CALS

Рисунок 2. Базовые принципы CALS

Рисунок 3. Базовые технологии управления процессами в концепции CALS

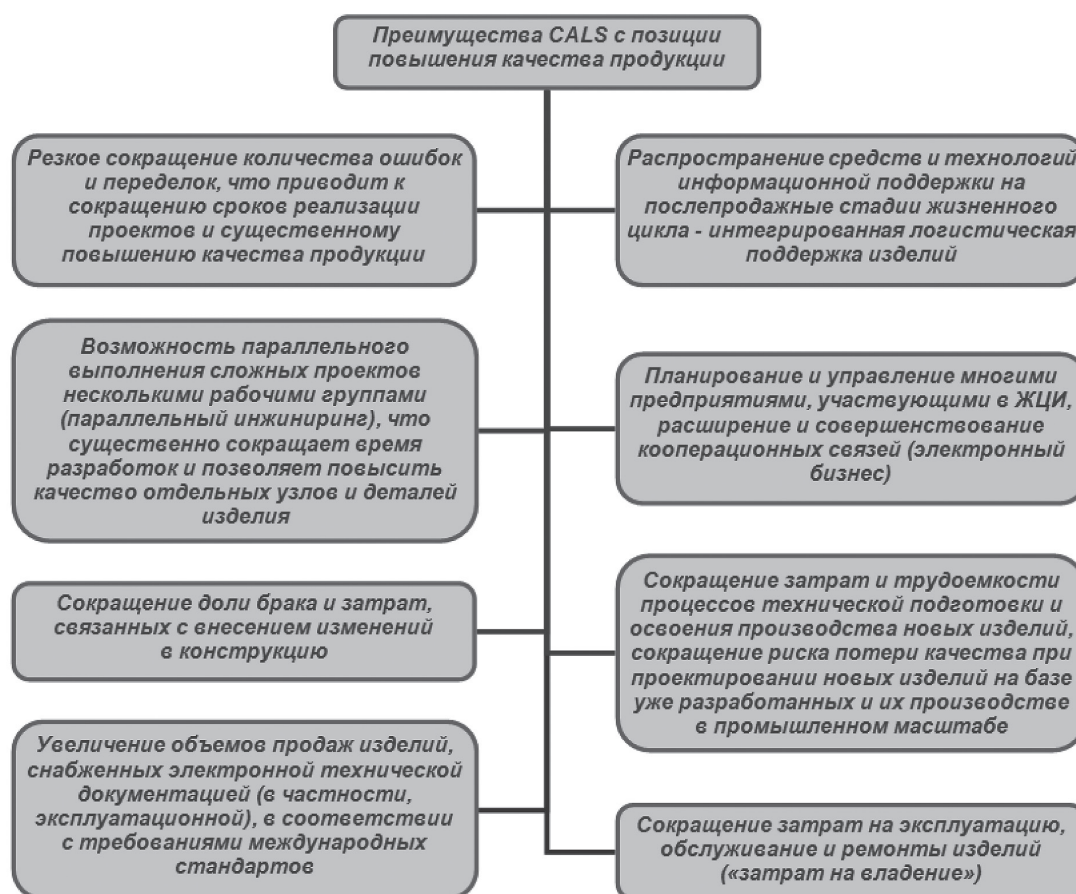

Рисунок 4. Преимущества применения CALS-технологий для повышения качества продукции и ее конкурентоспособности

аэрокосмической отрасли России и военно-промышленном комплексе [4]. Вместе с тем применение технологий CALS в гражданском производстве не должно ограничиваться только авиационной и космической техникой. Цифровизация экономики требует принятия новых решений и новых подходов, когда качество продукции становится крайне важным не только для наукоемких производств, где ошибки обходятся значительными затратами и потерями, но и для широкого спектра производителей товаров и услуг, особенно с позиции глобализации и повышения конку-

ренции не только на мировом рынке, но и на национальном.

Таким образом, технологии CALS на сегодняшний день позволяют не только совершенствовать систему управления предприятием или холдингом, но также добиться повышения качества производимой продукции, и ее конкурентоспособности на мировом рынке. Сказанное определяет необходимость дальнейшего поиска теоретико-методологических основ для формирования оптимальной модели применения CALS-технологий на раз-

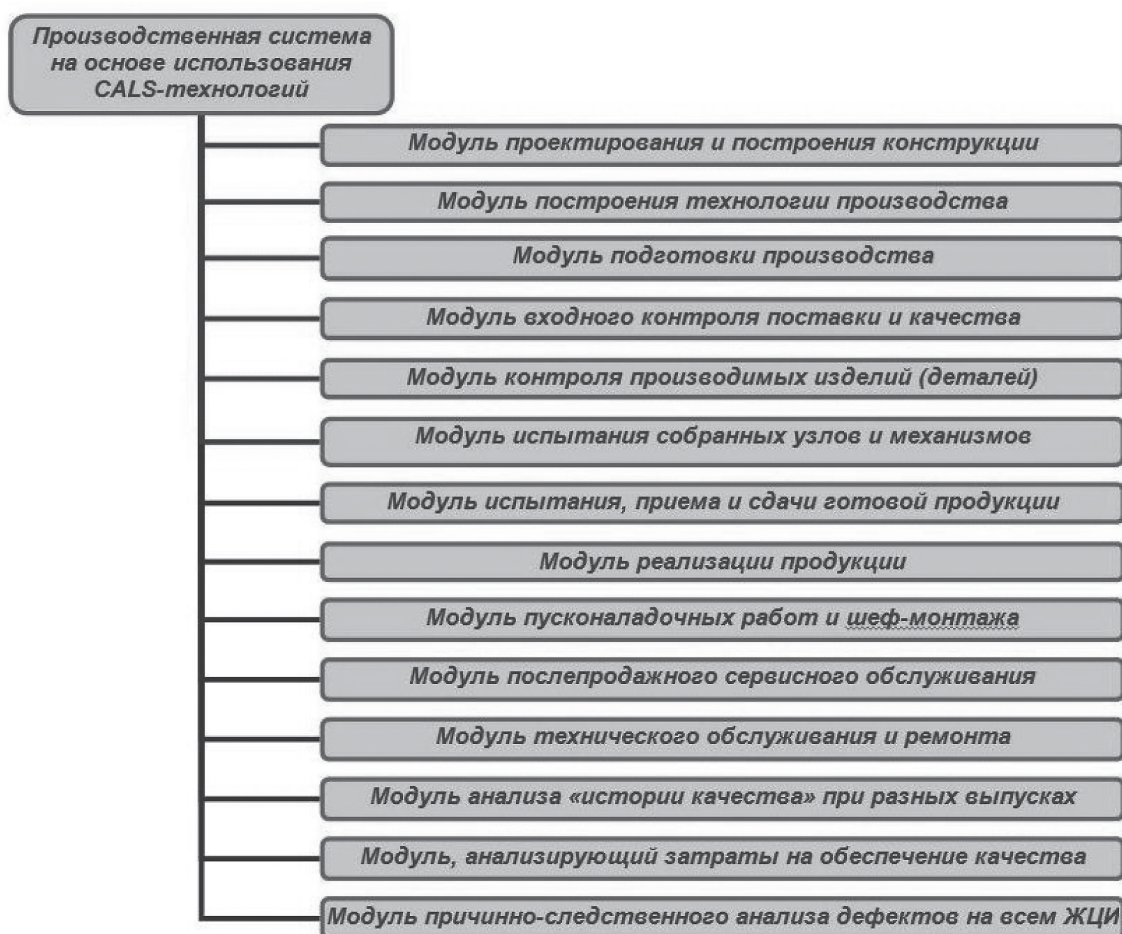

Рисунок 5. Основные модули производственной системы, построенной на применении CALS-технологий

личных предприятиях в разных отраслях производства, в том числе и при их кооперации, в условиях построения и развития цифровой экономики. При этом необходимо исходить из того, что использование CALS-технологий в полной мере отвечает приоритетным направлениям развития экономики зна-

ний, а нынешняя ситуация существующих санкций и ограничений со стороны ряда западных государств, требует самостоятельного производства высококачественных наукоемких изделий не только для внутренних нужд, но и для успешной конкурентной борьбы на мировом рынке.

Список литературы

1. Миротин Л.Б. Инженерная логистика: логистически-ориентированное управление жизненным циклом продукции: учебник / Л.Б. Миротин, И.Н. Омельченко, А.А. Колобов. М.: Горячая линия-Телеком, 2017. 644 с.
2. Овчинников С.А. Разработка системы менеджмента качества на основе автоматизированных систем управления и CALS-технологий: дис....канд. техн. наук. М., 2012. 180 с.
3. Пестрецов С.И. CALS-технологии в машиностроении: основы работы в CAD/CAE-системах: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2015. 104 с.
4. Российская энциклопедия CALS. Авиационно-космическое машиностроение / под ред. А.Г. Братухина. М.: ОАО НИЦ АСК, 2008. 149 с.
5. Скворцов А.В. Автоматизация управления жизненным циклом продукции: учебник / А.Г. Схиртладзе, Д.А. Чмырь. М.: Издательский центр «Академия», 2018. 320 с.

References

1. Mirotin L.B., Omelchenko I.N., Kolobov A.A. Engineering logistics: logistics-oriented product lifecycle management: textbook. Moscow: Hotline-Telecom, 2017. 644 p.
2. Ovchinnikov S.A. Development of a quality management system based on automated control systems and CALS-technologies: dissertation of a candidate of technical sciences. Moscow, 2012. 180 p.

3. *Pestretsov S.I.* CALS technologies in mechanical engineering: the basics of working in CAD / CAE systems: a tutorial. Tambov: Publishing house of GOU VPO TSTU, 2015. 104 p.
4. Russian encyclopedia CALS. Aerospace engineering. Ed. A.G. Bratukhin. Moscow: JSC NITs ASK, 2008. 149 p.
5. *Skvortsov A.V., Skhirtladze A.G., Chmyr D.A.* Automation of product lifecycle management: a textbook. Moscow: Publishing Center «Academy», 2018. 320 p.

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра коммуникационных технологий и цифрового образования Московского государственного лингвистического университета, Москва,
Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
tstarshinova@mail.ru

Шалаев Максим Сергеевич,

слушатель Академии управления МВД России, заместитель начальника УКДСС МВД России в СКФО ГУ МВД России по СКФО, полковник полиции, город Грозный,
a161ks126rus@yandex.ru

БЮРОКРАТИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. На основе результатов конкретного социологического исследования рассматриваются этимология категории «бюрократия», негативные (бюрократия) и позитивные стороны системы управления государственной службы. Анализируются и обосновываются сильные и слабые стороны системы государственной службы России в контексте категории «бюрократия», представляется социально-психологический портрет явления «бюрократия». Вскрываются внутренние и внешние причины дисфункций в организациях государственной службы. Представляются факторы опасности революционного разрушения бюрократии. Утверждается, что в настоящее время необходима не столько профилактика бюрократии, сколько повышение уровня ее позитивной эффективности. Показывается, что бюрократия имеет прочные объективные и традиционные основания. Фактором развития бюрократии является авторитет управленцев, основанный на личных социально-психологических качествах. Представляются результаты эмпирического исследования бюрократии в системе государственной службы репрезентативной базе.

Ключевые слова: закон, управление, МВД РФ, социальный институт, администрация, гражданское общество, консолидация, организационное оружие, бюрократия, система государственной службы, государственный служащий, научная школа, социально-психологический портрет, феномен, дисфункции, профилактика, эффективность, традиции, авторитет, кадры, качество, воспитание, оппонент, конфликтоген, социальный механизм

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Communication Technologies and Digital Education, Moscow State linguistic University, Moscow,
Gostevan@inbox.ru,

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public relations, Institute of Business Career, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

Maxim S. Shalaev,

student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, deputy head of the UKDSS of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the North Caucasus Federal District, police colonel, Grozny,
a161ks126rus@yandex.ru

BUREAUCRACY IN THE PUBLIC SERVICE: SOCIAL AND MANAGERIAL VIEW

Abstract. The article, based on the results of a specific sociological study, examined the etymology of the category "bureaucracy," the negative (bureaucracy) and the positive aspects of the public service management system; analyzing, substantiating the strengths and weaknesses of the Russian public service system in the context of the "bureaucracy" category; a socio-psychological portrait of the "bureaucracy" was presented. The internal and external causes of dis-functions in public service organizations

are revealed. The dangers of the revolutionary destruction of the bureaucracy were presented. It is argued that at present it is necessary not so much to prevent bureaucracy as to increase its level of positive effectiveness. Bureaucracy was shown to have solid objective and traditional grounds. A factor in the development of bureaucracy was the authority of managers, based on personal socio-psychological qualities. The results of an empirical study of bureaucracy in the public service system were presented on a representative basis.

Keywords: law, administration, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, social institution, administration, civil society, consolidation, organizational weapons, bureaucracy, public service system, public servant, scientific school, social and psychological portrait, phenomenon, dysfunction, prevention, effectiveness, tradition, authority, personnel, quality, education, opponent, conflict, social fur-bottom

Управление – это природный и общественный феномен, который изучают все естественные и гуманитарные науки. Это «живая система», поэтому она рождается, стареет, болеет и имеет пороки, самостоятельно регулируется, адаптируется к изменяющимся условиям, всегда использует самые современные научно-технические достижения. «Болезнь и пороки» управления в одних научных школах (см. ниже) принято именовать бюрократией, в других – дисфункцией.

Государственная служба – профессиональная деятельность в штате аппарата государственного управления, регламентированная Федеральным законом № 58-ФЗ [4]. Бюрократия же – необходимое условие эффективной деятельности структур государственной службы. Это строго регламентированный процесс администрирования работы вертикали власти. Ее задача точно, быстро, экономно, прилежно, качественно, результативно, оптимально, полезно, действительно, прибыльно реализовать решения властных структур.

В этой сфере работают люди, которые имеют психологическую направленность на управленческую (лидерскую) деятельность, отличаются комплексом положительных качеств: общественная активность, широта знаний, быстрота мышления, рассудительность, смелость и другие. Априори, находясь во властной сфере, они имеют преимущественный доступ к материальным и иным благам общества, на более качественном уровне удовлетворяют свои потребности, что вызывает зависть, претензии, недовольство, протесты тех, кто трудится в других социальных сферах, где создаются общественные продукты. Поэтому эта категория людей всегда находится в поле внимания населения, в ней иногда справедливо (иногда несправедливо) видят причины своих проблем, а управление называют бюрократией.

Актуальность темы исследования заключается в том, что негативные процессы в управлении (бюрократия) создает как тактические проблемы в формировании здоровой социально-психологической обстановки в коллективах, так и стратегические, об-

условливая дисфункции структур управления, что является угрозой национальной безопасности государства. Так, объектами ведущейся гибридной войны давно стали общественная психология и институты управления, в том числе государственной службы.

Комплексно воздействуя силами (средствами) физического, ментального и морального измерения структура управления оппонента «стратегически парализуется». Это военно-гуманитарное средство сегодня называется «организационным оружием», которым оппонент выводится из строя после самостоятельной дезорганизации, но не уничтожается физически. Так достигаются значительные политический, экономический и другие эффекты (выгоды) с минимальными военными и материальными затратами (см. пример развала СССР). Автор этой теории Д. Уорден полагал, что необходимо представлять противника в виде системы из пяти колец, где центральное звено и область связей между элементами отображают наиболее уязвимую часть системы (см. Рисунок 1).

Очевидно, что места (см. на Рисунке 1 – связи) нанесения ударов противника этим оружием совпадают со сферой интенсивной деятельности управленческих (бюрократических) структур. Как видно в менее безопасном состоянии находятся элементы, приближенные к внешнему кольцу (воинские подразделения). Каждая из составляющих имеет «центр/центры тяжести», своеобразные «опоры», «связи». Выведение их из строя приводит к разрушению системы. Степень воздействий на подсистему зависит от ее отдаленности от внутреннего кольца. То есть, например, воздействия на население страны становятся приоритетнее (эффективнее, результативнее), чем на воинские формирования [14, с.102]. Поэтому управление давно стало объектом научного внимания ученых всех без исключения специальностей. В этом причина повышенного внимания зарубежных оппонентов к институтам гражданского общества России, к созданию теорий бюрократизма, борьбы с коррупцией, насаждения в нашу среду своих технологий формирования демократического управления.

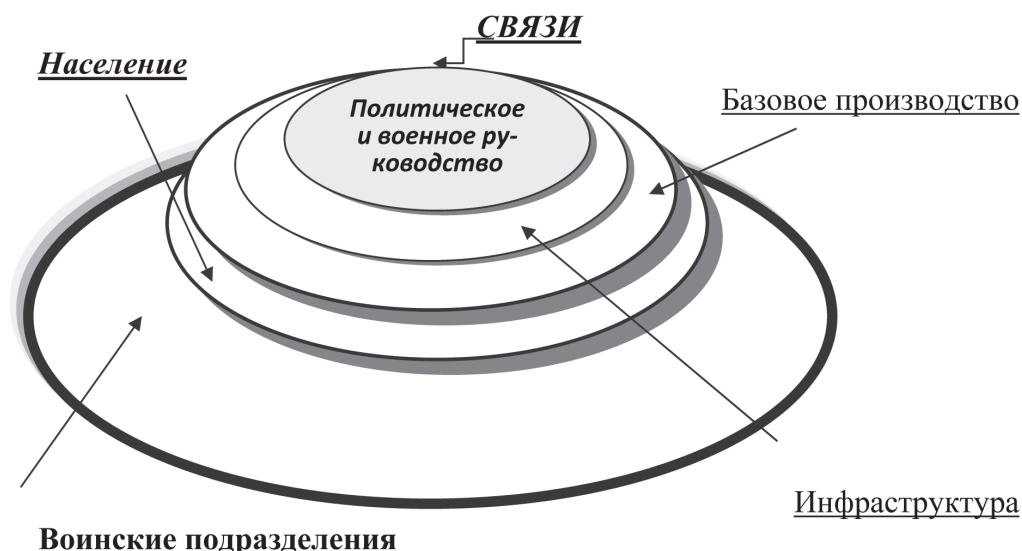

Рисунок 1. Кольца Д. Уордена

Априори, бюрократия – конфликтоген системы управления, представляющий собой структурный, функциональный идеальный и материальный элемент общественных действий, взаимодействий, отношений в непрерывной управленческой сфере, хранящий наследственную информацию об общественных катаклизмах в институте управления и путях их профилактики, выполняющий сигнальную функцию о неблагополучии общественного организма, сдерживающую разрушительные управленческие тенденции, активизирующийся при снижении уровня качества управления и, следовательно, ослабления всего общественного организма.

Для обоснования актуальности темы уместен и другой сравнительно-сопоставительный факт. Как известно, законы природы, мышления, общества... идентичны в своем действии. В этой связи уместно утверждение о том, что в обществе связи и отношения в какой-то мере сходны с физическими (природными), как бы не утверждали обратное зарубежные и некоторые российские ученые, проживавшие и писавшие свои труды в странах, враждебных России.

Например, бюрократия образно выполняет функции управления также, как и обнаруженный в 2012 году бозон Хиггса в «веществе» (см. Рисунок 2). В ядре бозон создает собственное поле, с помощью которого, во-первых, он удерживает от столкновения все элементарные частицы; во-вторых, придает им массу (см. Рисунок 3). Если бозон разрушить, то материя потеряет вес, будут образовываться «черная дыра», куда «улетает» материя.

Бозон – информационная система, которая своим полем указывает каждому фермиону (вещество состоит из 12 фундаментальных элементарных частиц-фермионов) его место в ядре атома.

Объяснение (интерпретация) этого тезиса для общества таково: строго формализованное управление (бюрократия) снижает уровень конфликтности в обществе, придает моральный вес организациям, которые становятся центрами консолидации системы обеспечения, например, правопорядка или консолидации власти и населения, указывает каждому общественному институту, организации, группе людей, личности их место (значение) в системе государственных отношений и др.

Всякое революционное разрушение бюрократии (бозона) чревато образованием общественных черных дыр (кризисы, смуты, революции, перестройки, перезагрузки), где уничтожаются люди, культура, экономика, перестают существовать государства, исчезают цивилизации и др. Достаточно сказать, что в трудах К. Маркса, которые стали теоретическим обоснованием разрушения капиталистической общественно-экономической формации и, априори, современных цветных революций, феномену «бюрократия» уделено пристальное внимание, дается ему негативная оценка и показываются пути ее уничтожения [19, с. 271]. Следствием реализации марксистской теории в России случились геополитические потрясения 1917 и 1991 годов, в ходе которых страна потеряла миллионы человеческих жизней, территорию, равную Западной Европе. Территория России в 1866 году – 23 700 000 кв. км (1/5 часть суши планеты Земля); в 1914 – 21 799 825 кв. км, в 1945 – 22 420 200 кв. км (1/6 часть), в 1991 – 17 125 000 (1/8 часть). Утрачено – 6 575 000 кв. км. Площадь зарубежной Европы (без СНГ) – 5,1 млн кв. км. С СНГ – 10 млн кв. км.

В этой связи феномен бюрократии в системе государственной службы подлежит тщательному, системному, позитивистскому (!) изучению с целью по-

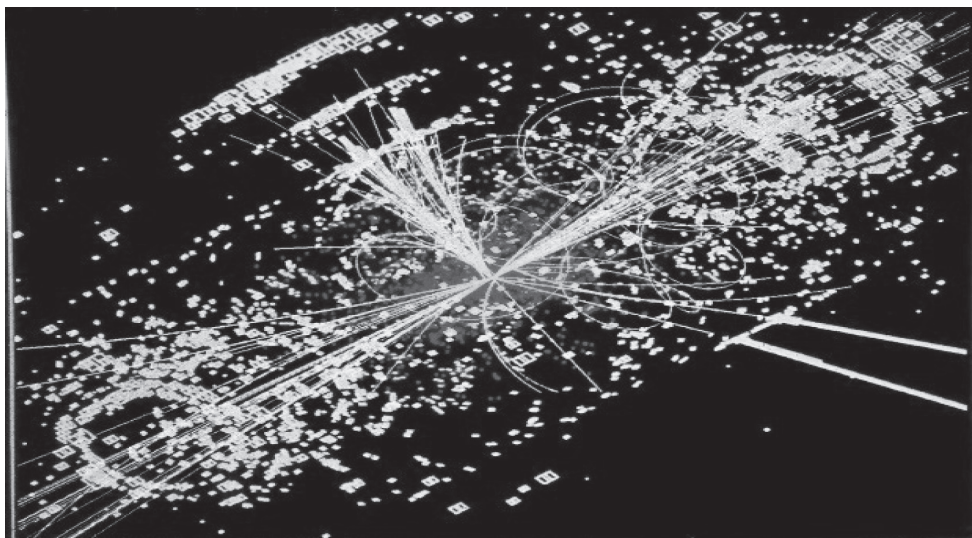

Рисунок 2. Бозон Хиггса

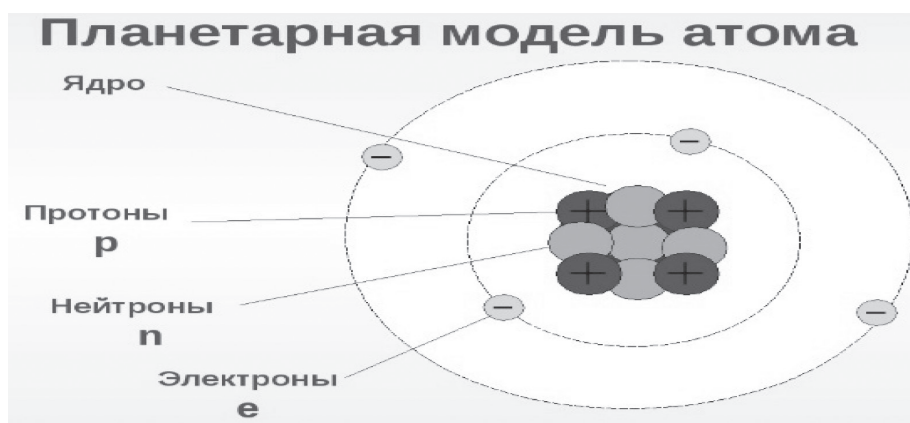

Рисунок 3. Физическая структура вещества (атома)

иска в нем, как и в любом другом общественном явлении, позитивных и негативных показателей.

Технология исследования включала комплекс методов, сил, средств и специальных процедур. В изучении проблемы функционирования бюрократии в системе государственной службы для обеспечения обоснованности и достоверности выводов, точности результатов исследования применялись теоретические (анализ, индукция, дедукция, синтез, моделирование) и эмпирические методы (наблюдение, экспертный опрос, контент-анализ, вторичный анализ научных исследований, содержательный анализ документов, интернет-опрос респондентов). В работе использован комплексный подход с технологиями системного, структурно-функционального анализа. Полученные результаты для установления связей, зависимостей между исследуемыми процессами и явлениями обрабатывались математическими и статистическими способами. Исследование проведено на постоянно действующей с 2019 года эмпирической базе районных отделений полиции и муниципалитетов г. Грозного и Москвы, пяти производственных

предприятий, трех вузов МВД РФ, трех общественных организаций. Генеральная совокупность около 250 000 человек. Выборка – 398 чел. Ошибка выборки – 5%. Эксперты – 216 чел. (руководители и сотрудники ОВД, руководители производственных организаций, сотрудники муниципальных органов управления, профессорско-преподавательский состав вузов, слушатели Академии управления МВД РФ, члены общественных организаций).

Обсуждение проблемы. Априори, вся гуманитарная научно-исследовательская деятельность обязательно включает управленческую и, следовательно, бюрократическую тематику. Лингвистическая этимология «бюрократии» такова: «бюро» – французское название помещения (офиса, учреждения, конторы) предназначенное для размещения различных служб (машинописи, экскурсий, прогноза погоды, находок, найма и др.), а «кратос» – греческое название власти. Дословный перевод – «контора власти». Это иностранное название элемента системы формального управления соответствует русскому словосочетанию «организационная структура, предназначенная

для выполнения (реализации содержания) приказа». Очевидно, что выполнить приказ (указ, директиву, распоряжение, закон) власти невозможно без создание вертикали структур, должностных лиц, управленческих команд, формализованных документов и алгоритмов деятельности. Безусловно, этот общественно-управленческий феномен – вечный спутник человеческой организации. Он существовал, существует и будет существовать, всегда подвергаясь критике тех, кто не допущен к административному управлению. Это естественный закон всякого развития. Безусловно, без системного общественного контроля, формальное управление снижает эффективность деятельности также, как любой физический механизм без технического обслуживания. Но несправедливо, контрпродуктивно, неверно утверждение о том, что бюрократия – это только порок управления, так как она сама и есть управление. Общество так устроено, что в нем нет только негативных явлений. Все негативное обуславливает вокруг себя необходимость созидательной деятельности, становится причиной теоретических разработок, создания специализированных структур и, как следствие, развития.

Результаты содержательного анализа отечественной научной литературы показывают, что централизация и излишняя формализация управления (бюрократия) в России стала проблемой многих общественных институтов и сфер человеческой деятельности: развития гражданского общества как фактора оптимизации социального контроля над деятельностью государства в условиях глобализации [14]; совершенствования государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации [23]; эффективности социального контроля деятельности административной организации вуза [21]; управления информационно-психологической защитой социальной организации как фактора обеспечения безопасности личности [24]; развития творческого потенциала постоянного состава высшего учебного заведения [15]; системы социального управления учреждениями культуры [14]; общественных механизмов управления организационными конфликтами [10]; управления производственной организацией [24]; управления организациями средств массовой информации [14]; применения информационных технологий в социальном управлении малыми производственными группами [24]; контроля качества обучения в высших учебных заведениях [21]; профилактики коррупции в системе высшего образования [12]; сохранения и развития российских традиций в системе социального управления высшим образованием [21], психологии эффективного труда в социальной сфере [10], незаконной миграции как причины совершения преступлений иностранными

гражданами, попадающими под действие административного надзора [13], общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции [17], имиджа руководителя ОВД [18], внешней образовательной миграции [20], организации управления органом внутренних дел Российской Федерации [22] и другие.

Как и в случаях научной оценки любых общественных явлениях, есть исследователи, которые видят и логично обосновывают необходимость, полезность бюрократии, есть и противоположные суждения, что является объективным фактом, так как системы управления находятся в постоянном развитии, следовательно, они несвободны от множества противоречий. Так, одни ученые, практики доказывают, что повышение уровня эффективности государственной власти всегда сопровождается развитием бюрократии [9, 15, 20]. Без ресурсов (людских, материально-технических и иных) не бывает эффективного управления. Всякая централизация активизирует взаимодействия, укрепляет отношения между людьми, что приводит к институционализации систем управления, где без наделения руководителя широкими должностными полномочиями обойтись затруднительно. А широта полномочий всегда приводит к формализации, регламентации деятельности, то есть к бюрократии. Безусловно, как это бывает в природе, яд в малых дозах – лекарство, в больших – смерть; симметрия – атрибут красоты, а все красивое – ядовитое. Поэтому чрезмерная регламентация управленческой деятельности часто создает излишние, необязательные социально-психологические проблемы в обществе, организации, внутреннем мире человека: отрицательное мнение об управлении, подавленное настроение, разорванные или потенциально конфликтные отношения, склонность к возрождению старых традиций и отрицание новых. Именно поэтому в исследовательских стратах существуют научные школы, в которых много сторонников противоположной концепции, видящих в бюрократии только разрушительные процессы. И этот факт не остается за пределами внимания сил и средств гибридной войны, использующих эти концепции для дискредитации систем управления оппонентов. На этом, априори, основывается теория организационного оружия, цель которого опорочить систему управления противника, показав ее бюрократической, антинародной, антидемократической, неэффективной, бесполезной, экономически затратной (обузой общества), коррупционной, тем самым добиваясь морально-психологическое отчуждения ее от народа и разрушения органов управления, разрыву отношений в звене власть – население. И это явление в современных условиях ведения гибридной войны, где применяются средства, основанные на инновационных гуманитарных знаниях (см. выше – «организационное оружие») очень опасно для государства.

В этой связи, как показывает анализ научной литературы [9, 16, 25], необходима не столько профилактика бюрократии, сколько повышение уровня ее эффективности, то есть качества, результативности, оптимальности, достаточности, прилежности, полезности, экономичности, действенности, прибыльности. Известно, что качество – это свойство «вещи», нет качества – нет «вещи», нет качества – нет эффективности управления (бюрократии). Следовательно, эффективная бюрократия – качественное управление. «Нечто (бюрократия!) есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» (Гегель). «Существуют не качества, а вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами» (Ф. Энгельс). Вероятно, в этом многообразии качеств состоит причина недоверия (отторжения) в общественном сознании бюрократии как феномену управления. В системе управления каждый элемент (объект, структура) находится в бесконечных связях с другими, поэтому он обладает бесчисленным множеством свойств (качеств), идентифицированных с элементами отношений. Так в системе, состоящей из 15 элементов, идентифицируются 225 свойств отношений, а из 25 – 625 и так далее. Кроме того, каждое качество (свойство) вещи (в данном случае бюрократии) измеряется по показателям, уходящим в бесконечность. Поэтому качество бюрократии (эффективность управления) не должно измеряться и оцениваться лишь по ситуативным показателям, которые обнаруживаются в кризисных управленческих состояниях. Например, если в обществе повысился уровень социально-психологической напряженности, который обуславливается не менее чем 84 причинами (см. организацию федеральных органов исполнительной власти), то судить о бюрократии как негативном феномене управления, например, системы МВД РФ нельзя.

Содержательный анализ научных трудов показывает, что в отечественной исследовательской практике, очевидно, под подавляющим влиянием (доминантой) марксистско-ленинской теории, работ, где бы бюрократия представлялась как эффективный управленческий механизм реализации многочисленных функций государства, относительно мало. Некоторые исследователи [14, 18, 22] утверждают, что причиной стагнации, кризиса и даже распада всех империй является чрезмерная бюрократия, которая формируется, развивается там, где население неграмотное, неорганизованное в институты гражданского общества. Причем зарубежные и отечественные исследователи в качестве негативного примера приводят систему управления дореволюционной и советской России, что является недостоверным фактом. Априори, многие факты, статистика различных сфер жизни России после революции 1917 года были сфальсифицирова-

ны с целью показа заслуг новой власти, в числе которых, кстати, было много людей, не имевших достаточного образования, например, университетского. Сохранившиеся документы позволяют опровергнуть миф о том, что «население в Царской России в 1897 году на 79% было безграмотным». По данным военного ведомства России в этот год среди призывников грамотных было около 40% [10, с. 416]. В отечественной науке умалчивается и такой факт – в 1908 году в России был принят закон об организации системы всеобщего бесплатного обучения населения. С этого временного рубежа в стране ежегодно открывалось около 10 000 школ. К началу войны (1914 год) в стране было 50 000 земских школ с 80 000 учителями и 3 000 000 (!!!) учеников, в земствах было открыто 12 627 публичных библиотек [25, с. 205]. Кроме того, в 1918 году планировалось ввести обязательное бесплатное среднее образование. [20, с. 14]. Накануне войны в России было более ста вузов со 150 000 студентов (во Франции тогда же – около 40 000 студентов)» [14, с. 109]. Многие учебные заведения в то время создавались министерствами или ведомствами (военным, промышленно-торговым, духовным и др.). Очевидно, что эти достижения были бы невозможными без эффективного (качественного, результативного, передового, не «бюрократического») стратегического государственного управления.

Такие же фальсификации можно услышать и о достижениях науки, управления, производства в СССР, когда представители власти заявляют, что в этом «геополитическом центре мира», ничего не производилось кроме галош.

Результаты содержательного анализа трудов с тематикой «бюрократии» показывают, что это управленческое явление имеет прочные объективные и традиционные основания. Как в живой и неживой природе все элементы строго структурированы (см. таблицу Менделеева, устройство атома, иерархию и распределения «обязанностей» в муравейнике, пчелином рое и других), так и человеческое общество не может существовать без разделения труда, без управленческой иерархии, без формализации деятельности. И чем глубже разделение труда, тем эффективнее, жизнеспособнее организация.

Наблюдения общественной практики показывают, что там, где трудно и опасно, ограничивается демократия, управление становится «бюрократическим». Например, Русская Православная Церковь, где организация управления по структуре и формализации ничем не отличается от военной, до сих пор контролирует многие территории, на которые она однажды пришла, а государство, «засомневавшееся» в силе бюрократии их сдало оппонентам.

В научных трудах можно встретить разные суждения о сущности бюрократии. Так, одни ученые

[10, 12, 14] утверждают, что бюрократию необходимо определять, как особую подсистему управления, выполняемую специальным руководящим аппаратом, который располагается над обществом в целом. Хотя «расположение аппарата над обществом», который, априори, является его частью, не очень понятно. Вероятно, в таком случае необходимо уточнение, либо пересмотр определения категории «общество».

Как негативную характеристику бюрократии часть авторов считают то, что аппарат бюрократии формируется по принципам иерархии. Каждый член бюрократической вертикали знает область и границы своего функционирования и не выходит за них. Более того, он не стремится за них выйти, так как это противоречит правилам властной вертикали [24, с. 16]. Так, например, в статье 8 Закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» сотрудники делятся на младший, средний, старший и высший начальствующие составы [2]. Аналогичную ситуацию можно обнаружить в любой бюрократической структуре. Очевидно, что эти авторы своеобразно понимают законы систем, основные законы существования, функционирования, состояния, развития общества, его управления, поэтому завуалированно предлагают дезорганизовать институт управления, чего в своих трудах не допускал даже теоретик анархизма М.А. Бакунин, на чьих идеях создан специфический бюрократизм США (читай: управление, построенное снизу-вверх).

Не является пороком управления (негативным признаком бюрократии) и такой показатель как «скрытость». Система управления должна быть тщательно защищена, так как является первоочередной целью уничтожения, дезорганизации. В этой связи говорить о таком негативном признаке бюрократии, как «скрытость» следует обоснованно, системно, с дополнительным прилагательным «излишняя». Известно к чему привела андроповская идеология «гласности», «перестройки», реализованные в СССР партийной группировкой во главе с М.С. Горбачевым.

Конечно, есть опасность в том, что отсутствие своевременной, актуальной, объективной, точной, достоверной информации не способствует укреплению отношений власти и населения страны, снижает уровень доверия к организациям государственной службы [24, с. 7]. Но Закон РФ «О государственной тайне» (ст. 7) содержит перечень сведений [5], не подлежащих отнесению к государственной тайне и засекречиванию, который позволяет инициативным (активным) гражданам реализовать права и свободы человека и гражданина, закрепленные в главе второй Конституции Российской Федерации.

Результаты наблюдения управленческой практики показывают, что большое значение в становлении бюрократии имеет авторитет управленцев, основанный на личных социально-психологических каче-

ствах и их управленческих статусах [10, с. 175]. Например, традиция, убеждение, мировоззрение, ритуал – это и есть показатели бюрократизма, так как они трудно поддаются изменениям в агрессивной внешней среде.

Некоторые авторы [14, 16, 20] связывают существование деструктивных элементов в системе управления (бюрократии) с потребностью людей в карьерном росте, что объективно в иерархической системе. К сожалению, конкуренция, стремление продвинуться на вышестоящую должность не всегда реализуется открыто. В этом процессе задействуются и негативные факторы, силы, средства: превышение должностных полномочий, коррупция, интриги, подмена законности целесообразностью и другое.

Безусловно, есть авторы, которые считают бюрократию «рационально-легальным типом власти» [10, 15, 21], отмечая ее положительные элементы: контролируемое выполнение служебных обязанностей; назначение на должность, а не выборность; наличие развитых профессиональных, культурных компетенций; работа по контракту; профессиональная квалификация, полученная в системе образования (диплом); оплата труда из бюджета государства; подчинение служебной дисциплине и контролю» [23]. Часть исследователей предлагают не только популистские, но и деловые, обоснованные рекомендации (меры) власти для нивелирования отрицательных сторон деятельности бюрократии в системе государственной службы: принятие законов, ограничивающих коррупционную составляющую контроля чиновников предпринимательства (бизнеса) [12]; сокращение штата государственных и муниципальных служащих; введение измеряемых показателей оценки эффективности организаций государственной службы; совершенствование контроля деятельности организаций государственной службы институтами гражданского общества [14]; развитие общественных механизмов стимулирования сотрудников государственной службы [17]; создание условий для повышения уровня авторитета (имиджа) [18]; развитие технологий информационно-аналитического обеспечения системы управления [24] и другие.

Есть исследователи, оптимистично настроенные на перспективу профилактики бюрократии, которые связывают этот факт с развитием информационных технологий и роботизации управленческой работы. Смысл их утверждения – уровень бюрократизации в государственной службе будет снижаться, так как нивелируются социально-психологические проблемы в отношениях начальник – подчиненный, госслужащий – клиент, бюрократ – гражданин. Практика показывает, что госслужба уже освободилась от большого количества людских кадров, на замену которым пришел искусственный интеллект.

Есть исследователи, которые настроены скептически в отношении решения данной проблемы. Их аргумент – «административная реформа дебюрократизации, проводимая самой бюрократией – нонсенс» [12, 16].

Результаты эмпирического исследования.

Структурированное, формализованное управление (бюрократия) – это основа централизованного, авторитарного управления, которое всегда было присуще цивилизациям: Римской, Византийской, Российской и другим.

Как видно (см. Рисунок 4) около 52 % экспертов безальтернативно считают, что бюрократия – это общественное благо. Вероятно, эти люди сохранили память о катастрофе страны в конце XX века, которая была обусловлена перестройкой, борьбой с «бюрократией», «партократией». Очевидно и то, что эксперты, считающие бюрократию пороком (46%), адепты марксистско-ленинской теории управления.

Отрицательные черты бюрократия приобретает тогда, когда система управления перегружается сложнейшими для разрешения задачами, когда психофизиологический ресурс управленцев перестает своевременно, точно, качественно оценивать социально-психологические условия, когда руководители организаций вынуждены соблюдать форму, принося в жертву существо дел. Именно значительная перегруженность работой управленца вынуждает его совершать такие действия, которые укрепляют сторонников негативного управления (см. Рисунок 5).

Как показали результаты исследования, эта проблема еще или не осознается в системе государственной службы, или затмевается более сложными (см. Рисунок 6).

Как видно на рисунке, более 55% экспертов основной проблемой государственной службы считают отбор и подготовку кадров, а бюрократизм для них неактуален. Если же учитывать то, что причиной

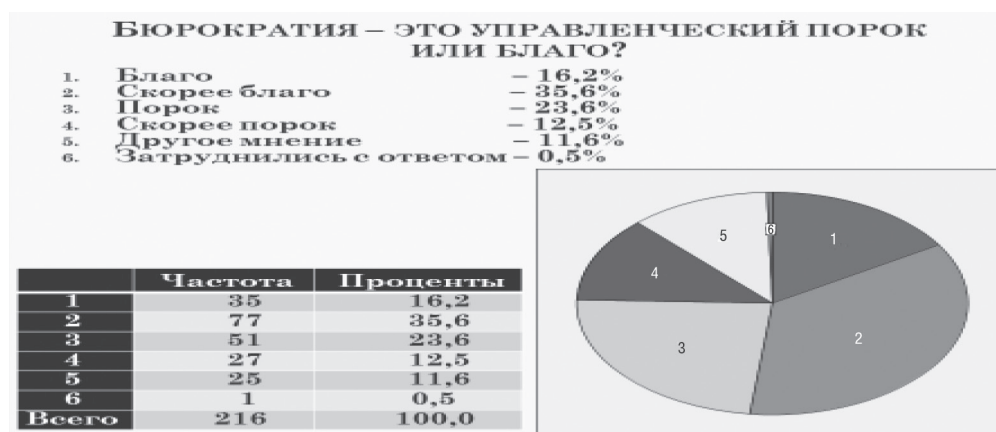

Рисунок 4. Мнение экспертов о социальной значимости бюрократии

Рисунок 5. Мнение респондентов о показателях понятия «бюрократия»

НАЗОВИТЕ ГЛАВНУЮ ПРОБЛЕМУ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

1. Коррупция	- 25,9%
2. Отбор и подготовка кадров	- 55,1%
3. Стимулирование деятельности кадров	- 12,5%
4. Воспитанность кадров	- 4,2%
5. Затрудняюсь с ответом	- 2,3%

	Частота	Проценты
1	56	25,9
2	119	55,1
3	27	12,5
4	9	4,2
5	5	2,3
Всего	216	100,0

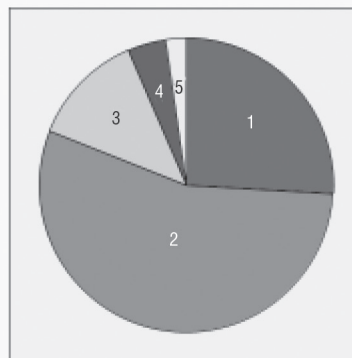

Рисунок 6. Мнение экспертов о проблемах системы государственной службы

бюрократии является низкий уровень развития компетенций, то можно интерпретировать эти данные на изучаемую проблему.

Низкий уровень подготовленности кадров, коррупция, неудовлетворенность стимулированием работы, безусловно, способствуют развитию социально-психологических отношений между представителями управленческого состава организаций государственной службы, которые институализируются и отчуждаются от основной массы населения, превращаясь в особые привилегированные социальные группы. Это общественное явление объективно и закономерно. Так устроена естественная живая природа. Разрушение бюрократии, как сказано выше, всегда чревато социальными катаклизмами: революциями, бунтами, распадами цивилизаций, гибели организаций и др. Поэтому необходимо не разрушать, а контролировать, воздействовать, «лечить» этот управленческий феномен средствами децентрализация, воспитания кадров, развитием самоуправления. Причинами бюрократии, как показали результаты исследования, являются многочисленные общественные потребности, за комфортное удовлетворение которых идет борьба людей.

Как известно, все важные потребности по основному закону общественного управления разрешаются специально созданными структурами управления. В России – это федеральные органы исполнительной власти. То есть в любых из 84 российских министерств, служб, агентствах объективно должны быть элементы дисфункций, которые приводят к необходимости формального реагирования. В этой связи системными причинами дисфункций управления

(бюрократизма) необходимо считать экономические, политические, правовые, правоохранительные, демографические и иные потребности (см. название федеральных органов исполнительной власти).

Частными же причинами могут быть: командный принцип формирования систем управления, который основывается на общности интересов, знакомстве, родственных связях; неэффективный профессионально-психологический отбор и расстановка кадров; нерациональная организация аппарата государственной службы, которая заключается в существовании структур, параллельно выполняющих сходные функции; ограничения деятельности сил и средств общественного контроля и другие.

Результаты исследования показали, что управленцы-бюрократы могут быть добросовестными альтруистами и злонамеренными, корыстными мизантропами (см. Рисунок 7). Последние наиболее опасны. Они обособливаются, прикрываясь силой организации, становятся нелюдимыми, враждебными людям.

Первые искренне верят во всеислие правил (законники) и возможность на их основе все предусмотреть и отрегулировать. Они формально уважают и даже чтят общие интересы, но потребности каждого человека в отдельности не учитывают. Такой бюрократизм становится положительным, если он основывается на патриотизме, то есть на «высшей государственной добродетели, на душе государственной силы» [Бакунин].

Вторых волнует только личный успех, ради достижения которого они готовы идти на все неодобряемые обществом деяния. Результаты исследования показали, что управленцы-бюрократы могут быть до-

НАЗОВИТЕ ОСНОВНУЮ ПРИЧИНУ БЮРОКРАТИЗМА В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

1. Командный принцип формирования службы – 32,4%
2. Дублирование функций – 26,4%
3. Низкий уровень общественного контроля – 34,7%
4. Нерациональная организация аппарата – 6,5%

	Частота	Проценты
1	70	32,4
2	57	26,4
3	75	34,7
4	14	6,5
Всего	216	100,0

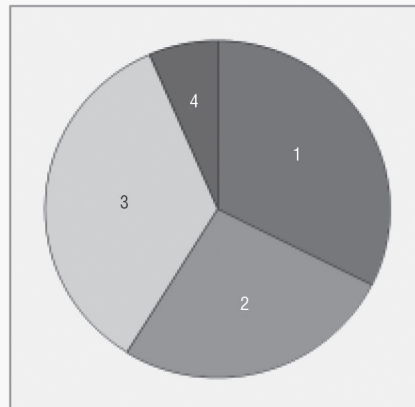

Рисунок 7. Причины бюрократизма в государственной службе

бросовестными альтруистами и злонамеренными, корыстными мизантропами.

Как видно на рисунке, 41% респондентов характеризуют управленцев системы государственной службы как корыстных мизантропов, что объясняет популярность термина «бюрократия». Но ... большая часть опрошенных характеризует этих личностей как особо ответственных (11,3%); добросовестных (23,9%); прилежных (6,8%), с особой психологической направленностью на конкретный труд (16,8%), которую, вероятно, респонденты интерпретируют как «общественная ущербность» (см. рисунок 8).

Бюрократия – это конфликтоген в системе управления государственной службы. Чрезмерная формализация деятельности систем управления, руководителя всегда приводит не только к отказу подчиненных от поиска путей повышения уровня эффективности своей деятельности, проявления творчества в работе, но и к саботажам, демаршам, забастовкам, к терроризму и экстремизму.

Результаты наблюдения общественной практики показывают, что бюрократия в системе управления основывается на деятельности конкретных личностей. Работая по правилам «что не запрещено законом, то разрешено», «от инструкции ни на шаг» и др., они, обладая психологическими комплексами отрицательных свойств (направленность на подчинение окружающих любыми способами; как правило, холерический темперамент; агрессивный (злобный) характер, низкий уровень развития способностей), образований (знания, умения, навыки, привычки, убеждение, мировоззрение), состояний (преобладание страха, фрустрации, паники, гнетущее ощущение собственной ущербности и др.), процессов (мышле-

ния, познания, анализа, ощущений и др.), не могут в соревновательной коллективной среде реализовать свои моральные (уважение, карьера, почет, любовь противоположного пола) и материальные (деньги, имущество) потребности.

Бюрократы – это потенциальные коррупционеры. Вероятно, для профилактики этого вида экономических преступлений правоохранительным органам необходимо вести учет таких личностей на основе проведения регулярных социологических опросов в организациях, создать целенаправленную систему контроля их деятельности. Наблюдения практики, репрезентативный анализ социально-психологических исследований доказывают, что человек, совершающий умышленное преступление, обладает особым складом сознания, что обуславливает его противоправную активность, он никогда не будет пассивным наблюдателем, когда есть возможность легкой наживы, карьеры, получение лидерских полномочий. Очевидно, что такие люди в конечном итоге будут претендовать на лидерство и в политической борьбе. В этой связи, власть, общество, целенаправленно не занимающиеся этой общественной стратой (бюрократы), рискует, как показывают уроки нашей истории, получить высоко подготовленных, обученных и сплоченных в организации оппонентов. Даже отстраненные от должностей, арестованные, осужденные, отправленные в организации ФСИН РФ они будут представлять опасность для институтов гражданской службы. Социальная практика, свидетельствует, что именно в тюрьмах, ссылках создавались, обучались, формировались, воспитывались, овладевали умениями ведения политической борьбы революционеры, будущие бюрократы. Например, известно, что персональный

Рисунок 8. Показатели характеристики управленца-бюрократа системы государственной службы

состав руководства Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) полностью состоял из людей, ранее бывших противниками власти, затем содержащихся в тюрьмах и местах ссылки. Таким был В.И. Ленин, написавший в Шушенском за три года более 30-ти работ, в том числе «Развитие капитализма в России»; И.В. Сталин, которого арестовывали шесть раз. В ссылках и тюрьмах он получил знания марксистской революционной теории и опыт создания организаций революционеров. За революционную деятельность четыре раза подвергались арестам и ссылкам Всесоюзный староста М.И. Калинин и Нарком по внутренним делам А.И. Рыков; дважды - Нарком народного просвещения А.В. Луначарский; пять раз - Ф.Э. Дзержинский; восемь раз арестовывался, провёл в тюрьме около 5 лет, в том числе два года в одиночной камере (Кресты), 2 раза был в ссылке Нарком земледелия – В.П. Милютин; восемь арестов, шесть побегов и 6 лет тюрьмы на счету у Наркома по делам торговли и промышленности В.П. Ногина, несколько арестов и лишение свободы у Наркома финансов И.И. Скворцова (Степанова), Наркома по иностранным делам – Л.Д. Бронштейна (Троцкого), Наркома юстиции – Г.И. Оппокова (Ломова), Наркома по делам продовольствия – И.А. Теодоровича, Наркома почт и телеграфов – Н.П. Авилова (Глебова) и других руководителей Советской России.

Бюрократические дисфункции системы государственной службы активизируют такие общественные процессы, как пассивность населения в управлении, заключающаяся в отказе участвовать в выборах органов власти, в разработке решений и др.; миграция (эмиграция) населения; текучесть кадров в организациях; авторитарный стиль руководства; высокий уровень конфликтности; большое

количество протестных и иных мероприятий (иски в суд, жалобы); коррупция; чрезмерная закрытость информации для персонала; утрата позитивных, созидательных традиций; преобладающие астеническое (отрицательное) коллективное настроение и другие (см. Рисунок 9).

Результаты исследования показывали на ошибочное мнение по поводу скорого упразднения бюрократии за счет роботизации информационных сообщений (коммуникаций). Использование электронных средств позволяет лишь совершенствовать, например, формы и интенсивность передачи информации. Здесь аналогия простая: в свое время двигатель внутреннего сгорания заменил лошадь, но ... не колесо. Надежды, утверждения части исследователей о том, что замена человека в системе гражданской службы (биологических субъектов управления) роботами (объектами искусственного интеллекта) приведет к значительному снижению уровня бюрократии несостоятельны. Опрос показал, что 46,8 % респондентов убеждены, что новыми средствами проблему не разрешить. (см. Рисунок 10).

Средства искусственного интеллекта (роботы) становятся и будут оставаться средствами управления, программы для которых разрабатывается человеком. Практика показывает, что с развитием средств искусственного интеллекта количество дисфункций в системах управления (в том числе преступлений) не уменьшилось. Рост количественного уровня обмана (деликта) населения с применением искусственного интеллекта сегодня можно наблюдать в финансовой сфере (снятие денег с карт и счетов и др.), в системе торгового обслуживания (заправка автомобилей топливом, обсчет на кассах в торговой сети и др.) и ... в любой другой сфере деятельности.

Рисунок 9. Мнение респондентов о вреде бюрократии для системы государственной службы

Рисунок 10. Мнение респондентов о перспективах средств искусственного интеллекта в профилактике бюрократических явлений в системе государственной службы

Очевидно, что центр борьбы с бюрократией в настоящее время перемещается в сферу воспитания кадров системы гражданской службы, основанного на гуманитарных знаниях, которое трудно формализовать, программировать, роботизировать.

Результаты исследования показывают, что качественно такая работа проводится в организациях МВД РФ. Успешно реализуются мероприятия Государственной программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [1], требования федеральных законов Российской Федерации «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3], «О системе государственной службы Российской Федерации» [4]. В подразделениях МВД РФ организован постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции» [6], ведется си-

стемная работа с кадрами [7], регламентирован порядок работы с гражданами, права и свободы которых были нарушены сотрудником полиции» [8] и другое.

Заключение. Бюрократия, как и множество других значимых социально-политических феноменов, может иметь как негативные, так и позитивные аспекты. Априори, современное состояние и перспективы дальнейшего развития института гражданской службы указывают на то, что бюрократия неизбежна в человеческой деятельности. Это обусловлено тем, что между правовыми предписаниями и конкретной реализацией права в жизни должна работать высокотехнологичная система подбора, отбора, обучения и воспитания кадров. В настоящее время в оценках исследователей феномена бюрократии в системах управления нет единого мнения. Одни ее оценивают позитив-

но, другие негативно, что соответствует диалектического закону развития (единство и борьба противоположностей). Управление – это аксиома естественной и социальной природы, поэтому государство не может обойтись без бюрократического аппарата. Следовательно, данный феномен требует продолжения поиска путей его совершенствования, с целью снижения уровня дисфункций, которые неизбежны в функционировании любой социальной системы.

Практические рекомендации

I. В области административно-организационной работы.

Научно-исследовательским организациям, вузам разработать и предложить проекты методических рекомендаций структурам системы государственной службы России:

- о профилактике бюрократии в деятельности государственных служащих;
- о формировании социального рейтинга государственных служащих;
- о технологиях профилактики бюрократии в условиях реализации в системе управления средств искусственного интеллекта;
- о показателях формирования антибюрократического рейтинга персонала системы государственной службы.

II. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Научно-исследовательским организациям, вузам организовать изучение проблем бюрократии в системе государственной службы России по направлениям:

- теория и практика бюрократии в системе государственной службы России;
- социально-психологические условия профилактики бюрократии в системе государственной службы России;
- социально-психологический портрет чиновника-бюрократа в системе государственной службы России;
- бюрократия как конфликтоген системы государственной службы;
- политическая консолидация населения в условиях бюрократизации системы государственной службы России;
- анархизм М.А. Бакунина как теория профилактики бюрократизма;
- социально-политический механизм управления эффективностью бюрократического аппарата;
- современные механизмы воздействия гражданского общества на систему государственной службы.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Дата обращения 12.01.2021 г.
2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 02.08.2019). Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета, № 6435, 23 июля 2014 г.
4. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О системе государственной службы Российской Федерации» Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 09.03.2021) «О государственной тайне» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/
6. Приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Дата обращения 12.01.2021 г.
7. Приказ МВД России от 31 марта 2015 года № 385 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921312/> Дата обращения 12.01.2021 г.
8. Приказ МВД РФ от 15 августа 2012 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» // <https://base.garant.ru/70222544/> / Дата обращения 12.01.2021 г.
9. Бакунин М.А. Государственность и анархия / М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М., «Правда», 1989.
10. Бокарева В.Б., Лаптев Л.Г., Гостев А.Н. Психология эффективного труда в социальной сфере: монография. Москва: Объединенная редакция; Ярославль, Филигрань. 2019. 629 с.
11. Большая советская энциклопедия [в 51 т.] [Текст] / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М.: Большая совет. энцикл., 1952. – Т. 12. – С. 416.
12. Борисова Е.А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2013. – 27 с.
13. Ветрова О.А., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2 (59). С. 23-31.

14. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография. М.: Изд-во СГУ, 2011. – 193 с.
15. Иванова О.А., Гостев А.Н. Российские образовательные организации: традиции инновационной деятельности // Вестник экономика, права и социологии. 2018. № 2. С. 164-169.
16. Кабахов С.Ю. Государственная служба: основные этапы развития как науки и профессии от Древнего мира до начала XX века. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 165.
17. Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32.
18. Кукулина Е.Ю., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Имидж руководителя ОВД: социолого-герменевтический аспект // Вестник Академии права и управления, № 1 (63), 2021. С. 15-25.
19. Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 271.
20. Петрова О.В., Ветрова О.А., Гостев А.Н. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации // Вестник «Вестник Уфимского юридического института МВД России, № 6 (58), 2020. С. 25-32.
21. Серикова В.П. Российские традиции в системе социального управления высшим образованием: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2017. – 23 с.
22. Челухов Е.В., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Организации управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.
23. Черных В.А. Совершенствование государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – 26 с.
24. Чистяков Д.В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 25 с.
25. Vernadsky, G. A history of Russia [Text] – New York: The New Home Library, 1944. – P. 205.

Reference

1. State program of the Russian Federation: "Ensuring general order and countering crime" // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Date of circulation 12.01.2021
2. Federal Law of 30.11.2011 № 342-FZ «On Service in Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (ed. from 02.08.2019). Access from the right. - The legal system «Consultant Plus».
3. Federal Law of the Russian Federation of July 21, 2014 № 212-FZ "On the Basics of Public Control in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, № 6435, July 23, 2014.
4. Federal Law of 27.05.2003 № 58-FZ (ed. From 23.05.2016) "On the system of public service of the Russian Federation" Access from the right. - The legal system Consultant Plus».
5. Law of the Russian Federation dated 21.07.1993 № 5485-1 (ed. From 09.03.2021) "On State Secrets" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/.
6. Order № 777 of 1 December 2016 of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the organization of ongoing monitoring of public opinion on police activities // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Circulation Date 12.01.2021.
7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 385 dated March 31, 2015 "On approval of the procedure for organizing training for filling posts in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921312/> Date of rotation of 12.01.2021.
8. Order № 795 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 15 August 2012 "On the procedure for making statements to a citizen whose rights and freedoms have been violated by a police officer" // <https://base.garant.ru/70222544/> Date of application 12.01.2021.
9. Bakunin M.A. Statehood and anarchy / M.A. Bakunin. Philosophy. Sociology. Politics. M., "Truth," 1989.
10. Bokareva V.B., Laptev L.G., Gostev A.N. Psychology of effective labor in the social sphere: monograph. Moscow: Joint Edition; Yaroslavl, Filigran. 2019. 629 pages.
11. Great Soviet Encyclopedia [in 51 vols.] [Text] /ch. Ed. B. A. Vvedensky. - 2nd ed. - M.: Great advice. encyclical, 1952. – T. 12. – Page 416.
12. Borisova E.A. Corruption in the higher education system: prospects for social control (regional aspect): autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. – M, 2013. – 27 pages.
13. Vetrova O.A., Demchenko T.S., Gostev A.N. Recurrent crime of foreign citizens in Russia: social and legal characteristics // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 2 (59). Page 23-31.
14. Demchenko T.S., Gostev A.N. Civil society: control over the activity of the state: monograph. M.: Publishing House of SSU, 2011. – 193 pages.
15. Ivanova O.A., Gostev A.N. Russian educational organizations: traditions of innovation // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2018. № 2. Page 164-169.

16. *Kabashov S.Yu.* State Service: the main stages of development as a science and profession from the Ancient World to the beginning of the 20th century. M.: INFRA-M, 2016. Page 165.
17. *Kadyrov R.Kh., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Public mechanisms of standing-mulling of police officers//Bulletin of the Academy of Law and Management, № 4 (61), 2020. C. 25-32.
18. *Kuklina E.Yu., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Image of the head of the Department of Internal Affairs: co-ziol-hermeneutic aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 1 (63), 2021. Page 15-25.
19. *Marx K.* To criticism of the Hegel philosophy of law//K. Marx and F. Engels. Soch. - 2nd ed. T. 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 1955. Page 271.
20. *Petrova O.V., Vetrova O.A., Gostev A.N.* External educational migraine: problems, practice of intercultural communication//Bulletin "Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, № 6 (58), 2020. Page 25-32.
21. *Serikova V.P.* Russian traditions in the system of social management of higher education: autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. – M, 2017. – 23 pages.
22. *Cheplukhov E.V., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Organization of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation: sociological aspect//Bulletin of the Akade-Ministry of Law and Management. 2020. № 3 (60). Page 75-85.
23. *Chernykh V.A.* Improvement of the state administration of training and human mobilization resources in the interests of ensuring the military security of the Russian Federation: autoref. dis.... candidate polite. sciences. – M, 2003. – 26 pages.
24. *Chistyakov D.V.* Office of Information and Psychological Protection of a Social Organization as a Factor in Ensuring Personal Security: Autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. – M, 2007. – 25 pages.
25. *Vernadsky, G.* A history of Russia [Text] – New York: The New Home Library, 1944. – P. 205.

Делия Виктор Павлович,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Туризма,
Московский государственный университет спорта и туризма, Москва,
deliav52@icloud.com

Кульгачев Иван Петрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
kulg-ivan@yandex.ru

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: РЕАНИМАЦИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА И ЕЁ СОСТОЯНИЕ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (2000-2021 ГОДЫ)

Аннотация. Проводится ретроспективный анализ развития сферы туризма Московской области. На основе статистических данных показаны динамика и состояние экономических показателей сферы туризма региона по индикаторам: туристические потоки, количество коллективных средств размещения и численность размещенных в них лиц, объема платных услуг, оказываемых населению, в сфере туризма в сравнении с общероссийскими показателями. Рассмотрено влияния фактора пандемии коронавируса на состояние деятельности предприятий туристской индустрии Московской области и выявлены возможности для развития туризма в низкий сезон и туров выходного дня.

Ключевые слова: сфера туризма, объем платных услуг в сфере туризма, внутренние, въездные и выездные туристические потоки, статистическая информация, доходы от международного туризма

Viktor P. Delia,

Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Tourism, Moscow State University
of Sports and Tourism, Moscow,
deliav52@icloud.com

Ivan P. Kulgachev,

Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality, Tourism and Sports,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
kulg-ivan@yandex.ru

MOSCOW REGION: REANIMATION OF THE SPHERE OF TOURISM AND ITS STATE IN THE ERA OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC (2000-2021)

Abstract. A retrospective analysis of the development of the tourism sector of the Moscow region is carried out. On the basis of statistical data, the dynamics and state of the economic indicators of the tourism sector of the region are shown by indicators: tourist flows, the number of collective accommodation facilities and the number of persons placed in them, the volume of paid services provided to the population in the tourism sector in comparison with all-Russian indicators. The influence of the coronavirus pandemic factor on the state of activity of the tourism industry enterprises of the Moscow region is considered and opportunities for the development of tourism in the low season and weekend tours are identified.

Keywords: the sphere of tourism, the volume of paid services in the field of tourism, domestic, inbound and outbound tourist flows, statistical information, income from international tourism

Актуальность исследования становления и развития сферы туризма Московской области обусловлена рядом особенностей, которыми обладает регион. Подмосковье «обволакивает» со всех сторон столицу России, в которой проживает более 12 миллионов человек. В течении всего года жители города

Москвы и особенно в «низкий туристический сезон» проводят свой досуг не только на дачных участках, но и в санаториях, оздоровительных лагерях, на объектах туристического показа, озерах и в лесах Подмосковья. В свою очередь определенная часть более чем 7,7 миллионного населения жителей Московской

области не только устремляется на работу в столицу государства, но и обеспечивают жизнедеятельность предприятий сферы туризма региона, а также и сами жители Подмоскovie восстанавливают свои духовные и физические силы, используя возможности своей туристической дестинации. Таким образом, Московская область имеет возможность оказывать услуги в сфере туризма каждому седьмому жителю страны без учета визитеров из других регионов России. Вместе с тем, востребованность коллективных средств размещения, туристских объектов, культурных центров и других объектов индустрии гостеприимства Подмоскovie могла быть значительно выше при условии создания современных объектов сферы туризма, что позволило бы сформировать мотивацию посещения рассматриваемой туристической дестинации.

Цель исследования. Выявить динамику развития сферы туризма в Московской области и провести сравнительный анализ темпов её развития с среднестатистическими по стране и отдельными регионами России.

Методы исследования. В рамках исследования были использованы методы экономико-статистического, факторного и ретроспективного анализа, экспертных оценок, анализа официальной статистической информации и научных источников по состоянию сферы туризма в России и Московской области.

Результаты исследования и их обсуждение. До 2000 года при анализе состояния сферы туризма как по Российской Федерации так и по Московской области можно было оперировать официальными статистическими данными Госкомстата (с 2004 года – Росстат) по показателям: численности санаторно-курортных организаций и организаций отдыха; детских оздоровительных учреждений (лагерей); гостиничных предприятий; объемами пассажирооборота внутреннего водного транспорта на туристских и экскурсионно-прогулочных линиях, туристско-экскурсионным и санаторно-оздоровительным услугам, оказанным населению. Период 90-х годов XX столетия характеризовался резким сокращением в Российской Федерации числа санаториев и домов отдыха с лечением (с 7431 в 1990 году до 4525 в 1998 году), детских оздоровитель-

ных лагерей (с 46,1 тыс. в 1990 году до 44,3 в 1999 году), гостиниц (с 6804 в 1992 году до 4224 в 1999 году) [7] как в целом по России, так и по Московской области, а также активным «шопинг-туризмом» в Турцию, Китай, Грецию и другие зарубежные страны.

Ретроспективный взгляд в недалекое прошлое убедительно свидетельствует, что начало 2000-х годов в политической и экономической жизни Российской Федерации является периодом восстановления государственности, укрепления позиций центральной федеральной власти. В этот период начался реальный рост валового внутреннего продукта страны (см. Таблицу 1) и, как следствие, подъем материального благосостояния россиян, что позволило им активно осваивать не только российские туристические дестинации, но в большей степени мировые туристические центры. В связи с изложенным, следует полагать, что и реанимация сферы туризма в целом по стране, так и Московской области началась с начала 2000-х годов.

Московскую область относят к числу наиболее благополучных регионов России в экономическом аспекте. Доходы населения этого региона не только значительно превышают среднестатистические показатели доходов граждан России, но и позволяют проводить свой отдых вне мест постоянного своего проживания, совершать путешествия. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата организаций и среднедушевые доходы населения Московской области по данным государственного органа власти в сфере статистики превышает среднероссийские показатели на от 21,3 % до 32,1 % (2010 год: среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Московской области – 25 417,4 руб. соответственно по России – 20 952,2 руб.; 2-й квартал 2021 года: среднедушевые доходы населения Московской области – 50 055 руб. соответственно по России – 37 866 руб.). В целом, наблюдается более высокий рост доходов населения Московской области нежели по России при ретроспективном анализе.

Объемы туристического спроса, как показывает анализ, росли одновременно с экономическими возможностями граждан как Московской области, так и в целом по России (см. Таблицу 2).

Таблица 1.

ВВП России и ВРП Московской области

	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год
Российская Федерация (в трлн руб. – текущие цены)	7,305	21,610	46,309	83,233	110,046	106,607
Российская Федерация (в млрд долл. США по ППС)	1 539,6	2 322,4	3038,7	3 526,2	4 175,0	4 096,5
ВВП России на душу населения по ППС (в долл. США)	6 825	11 822	20 490	24 085	29 189	28 220
Московская область (в трлн руб. – текущие цены)/ доля в ВВП страны в %	0,177/2,42	0,708/3,28	1,833 /4,07	3,181/3,82	5,128/4,66	4,551/4,27

Источник: Госкомстат / Росстат [7]

Таблица 2.

Отдельные экономические показатели сферы туризма России и Московской области

	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год
Число КСР (ед.):						
- Россия;	9 100	9 269	12 585	20 135	28 302	-
- Московская область		299	342	574	713	730
Численность размещенных лиц в КСР (тыс. чел.):						
- Россия;	-	28 411	34 746	49 264	76 042	47 382
- Московская область	-	1 843	2 136	3 895	5 025	3 017
Число турфирм (ед.):						
- Россия;	-	5 079	9 133	11 893	12 690	12 463
- Московская область	-	176	461	600	548	596
Численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры по России (тыс. чел.):						
- всего по России;	-	1696,5	1741,3	2628,2	4373,1	4 126,8
- Московская область	-	142,6	63,6	83,3	117,9	-
Численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в зарубежные туры (тыс. чел.):						
- Россия;	-	2 699,8	6 462,9	5 261,0	7 452,7	6 462,6
- Московская область	-	9,5	104,6	231,9	180,5	-

Источник: данные Росстата [7]

Следует отметить, что Росстат на своем официальном сайте относит такие виды платных услуг, оказываемых населению, по таким показателям, как туристские услуги (с 2017 года – «услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги»), услуги гостиниц и аналогичных средств размещения (с 2017 года – «услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья» и «услуги специализированных КСР» – с 2018 года) и санаторно-оздоровительные услуги (с 2017 года – «услуги санаторно-курортных организаций») к «платным услугам населению в сфере туризма» [7].

Представленные статистические данные (см. Таблицу 3) показывают, что Московская область значительно уступает по объемам платных услуг, оказываемых населению в сфере туризма, таким регионам как Краснодарский и Ставропольский края и столице России. Следует отметить, что не растут в Московской области показатели по объемам платных санаторно-оздоровительных услуг (2010 год – 7,220 млрд руб.; 2019 год – 7,673 млрд руб.; 2020 год – 5,403 млрд руб.; 8 мес. 2021 года – 5,842 млрд руб.), крайне медленно по сравнению с другими регионами растут «услуги гостиниц и аналогичных средств размещения» (2010 год – 4,469 млрд руб.; 2015 год – 7,526 млрд руб.; 2019 год – 9,571 млрд руб.; 2020 год – 8,804 млрд руб.; 8 мес. 2021 года – 8,138 млрд руб.) [7]. Учитывая, что статистические данные по ранее названным показателям приводятся в текущих ценах, то при их пересчете с учетом инфляции, они, безусловно, будут иными. В полной мере не используются возможности организации туров выходного дня в регионе, что могло бы

стать дополнительными доходами предприятий индустрии гостеприимства региона особенно в низкий сезон. Как и по всем регионам России не ведется подсчет количества внутренних туристов и экскурсантов в Московской области, что не позволяет в полной мере оценить состояние развития сферы туризма в регионе и принимать экономически целесообразные решения. До настоящего времени область не имеет стратегии развития туризма. Принятая Стратегия туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, готовящейся национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» к этому обязывают одну из самых привлекательных туристических дестинаций России иметь свою Стратегию развития туризма.

Несмотря на значительные отставания по ряду экономических показателей от других регионов эксперты / организаторы «Национального туристского рейтинга» по итогам 2020 года на первое место в России определили Московскую область (см. Таблицу 4). Объяснения простые: это один из густонаселенных и наиболее благополучных в экономическом развитии регион страны, имеющий мировые памятники культуры (6000 объектов культурного наследия; два объекта ЮНЕСКО: Свято-Троице-Сергиева Лавра, Приокско-Террасный государственный природный биосферный заповедник им. М.А. Заблочного; Ново-иерусалимский монастырь, Дмитровский Кремль и др.), спортивные объекты и один из наиболее высоких уровней доходов населения по стране. Также, если в условиях пандемии коронавируса объем платных туристских услуг, оказанных населению в сфере туризма по итогам 2020 года в Москве, упал на 39,4

Таблица 3.

Объем платных услуг, оказанных населению в сфере туризма, в России и отдельных её регионах (млн руб.)

№ п/п	Регион России /год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год
Объем платных услуг, оказанных населению, в сфере туризма					
	Российская Федерация	254 506,104	457 756,964	718 115,388	473 743,269
1	Краснодарский край	23 548,559	56 888,118	124 355,262	131 442,584
2	г. Москва	51 709,937	67 229, 335	79 667,911	48 296, 936
3	Ставропольский край	9 847,868	20 696,973	48 730,5443	31 081,744
4	Московская область	12 930, 680	22 274,308	39 179,929	28 047,524
5	Республика Крым	-	18 141,003	23 363,793	20 547,644
6	Санкт-Петербург	18 054, 466	25 306,542	39 205,4016	14 975,029
7	Республика Татарстан	5 165,159	11 222,601	17 202,017	12 200,951

Источник: Федеральная служба государственной статистики [7]

% (минус 31,371 млрд руб.), Санкт-Петербурге на 61,8 % (минус 24,230 млрд руб.), то Московская область по ряду показателей в сфере туризма выглядела немного лучше своих соседей.

Фактор пандемии коронавируса вскрыл существенную зависимость предприятий туристской индустрии практически всех регионов страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Свердловской области) от организации международного (въездной и выездной туризм) туризма [1, 2, 3, 4, 5]. Это же тенденция отчетливо прослеживается и по Московской области. Объем платных услуг в сфере туризма, оказанных населению, в 2020 году в сравнении с 2019 годом уменьшился на 11,132 млрд руб. (см. Таблицу 3). Доходы коллективных средств размещения в этом же периоде времени снизились на 42,03 % (2019 год – 37,250 млрд руб.; 2020 год – 21,595 млрд руб.). Количество размещенных иностранных граждан в коллективных средствах размещения региона упало более чем в 4,5 раза (2019 год – 498 592 визитера, 2020 год – 110 491 визитера; I квартал 2019 года – 95 812 визитера; I квартал 2021 года – 33 910 визитеров) [7]. Это ещё раз подчеркивает необходимость поддержки развития внутреннего туризма, который благодаря принятым мерам со стороны федеральной власти [6] по экспертным оценкам снизил свои показатели на одну треть.

Заключение. По итогам проведенного исследования можно сделать следующие обобщения.

Реанимация сферы туризма в Московской области, как и восстановление экономики всей страны, начинает отсчет с начала 2000-х годов. Вырос валовой региональный продукт со 176,694 млрд руб. в 2000 году до 4,551 трлн руб. в 2020 году (5,128 трлн руб. в 2021 году). Увеличилась доля валового регионального продукта с 2,42% в 2000 году до 4,27% в валовом внутреннем продукте страны (при опреде-

ленных допущениях). С 2020 года регион активно наращивает свои показатели и в индустрии гостеприимства. Для этого он имеет богатое культурно-историческое прошлое, огромный пласт потребителей туристского продукта (20-ти миллионное население Москвы и Московской области), высокие доходы населения в сравнении со среднероссийскими показателями.

Несмотря на лидирующее положение в Национальном туристическом рейтинге по итогам 2020 года Московская область недостаточно полномерно использует имеющиеся возможности региона для дальнейшего развития сферы. Не растут показатели санаторно-оздоровительных услуг. Отсутствует информация о предоставляемых экскурсионных услугах туристическими дестинациями муниципальных образований Московской области. Имеют место существенные разночтения подсчета динамики туристических потоков с официальной статистической информацией, что не позволяет адекватно отражать состояние развития сферы туризма в регионе и принимать соответствующие управленческие решения. Туристической дестинации необходимо иметь объекты туристического показа, формирующие мотивацию посещения как российских граждан, так и визитеров зарубежных стран. Ещё совсем недавно бродил по Московской области «призрак тематического парка Россия», а ныне набирает силу тематический парк «Патриот».

Ранее действующие программы развития Московской области в сфере туризма оказали позитивное воздействие на развитие индустрии гостеприимства в регионе. В то же время по каким основным направлениям будет развиваться в Подмосковье сегодня туризм, регион ещё не определился. Принятая Стратегия туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, готовящейся национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» к этому обя-

Таблица 4.

Топ-10 регионов России в Национальном туристском рейтинге

Регионы России/место в рейтинге	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Москва	3	1	2	1	1	2
Санкт-Петербург	2	2	5	4	2	3
Московская область	5	5	3	3	3	1
Краснодарский край	1	3	1	2	4	4
Республика Крым	4	4	4	5	5	5
Алтайский край	10	7	7	6	6	6
Приморский край	14	10	9	8	7	7
Республика Татарстан	13	8	14	12	8	8
Республика Башкортостан	20	12	11	10	9	9
Свердловская область	24	17	10	7	10	10

зывают одной из самых привлекательных туристических дестинаций России иметь свою Стратегию развития туризма и/или региональную целевую программу.

Фактор «COVID-19» привел к снижению движения въездных, выездных и внутренних туристических потоков, что способствовало возникновению экономических и социальных проблем в сфере туризма и индустрии гостеприимства Московской области. В то же время шаги предпринятые федеральными и реги-

ональными структурами власти позволили избежать обвала рынка туристических услуг.

Обладая огромными культурно-историческими и экономическими ресурсами, учитывая фактор низкого сезона в туризме (с октября по май включительно) и наличие двадцатимиллионного населения московского региона с высокими доходами Московская область имеет все возможности стать центром международного и российского внутреннего туризма.

Список литературы

1. Джанджугазова Е.А. Современный туристский рынок в период перемен. // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. Т. 8. № 1. С. 1-15.
2. Ильина, Е.Л., Латкин, А.Н. Шок будущего: тренды в сфере туризма и путешествий после COVID-19 / В сборнике: Актуальные проблемы развития туризма. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Издательство: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)». 2021. С. 56-60.
3. Леонидова Е.Г. Проблемы туризма как фактора развития региона в контексте влияния пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. С. 624-637.
4. Рысаева М.А., Кабиров И.С. Перезапуск российского туризма – коллапс по имени COVID-19 // Вестник Национальной академии туризма. 2020. № 3 (55). С. 20-23.
5. Сысоева Е.Ю., Стадник Е.Г., Сумина Т.Е., Татарова С.Ю., Кульгачев Ю.И. Функциональное состояние студентов в условиях самоизоляции // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 7 (185). С. 378-384.
6. Ростуризм назвал срок приема заявок на субсидии для туроператоров по въездному туризму. – URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73362/> <https://tass.ru/ekonomika/8188241> (Дата обращения 08.10.2021).
7. Сайт Росстата. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (дата обращения 10.10.2021).

References

1. Dzhandzhugazova Ye.A. Sovremennyy turistskiy rynek v period peremen. // Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye. 2021. T. 8. № 1. p. 1-15.
2. Il'ina, Ye.L., Latkin, A.N. Shok budushchego: trendy v sfere turizma i puteshestviy posle COVID-19 / V sbornike: Aktual'nyye problemy razvitiya turizma. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – M.: Izdatel'stvo: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya «Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet fizicheskoy kul'tury, sporta, molodozhi i turizma (GTSOLIFK)». 2021. p. 56-60.
3. Leonidova Ye.G. Problemy turizma kak faktora razvitiya regiona v kontekste vliyaniya pandemii COVID-19 // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2020. T. 14. № 3. p. 624-637.
4. Rysayeva M.A., Kabirov I.S. Perezapusk rossiyskogo turizma – kollaps po imeni COVID-19 // Vestnik Natsional'noy akademii turizma. 2020. № 3 (55). p. 20-23.

5. Sysoyeva Ye.Yu., Stadnik Ye.G., Simina T.Ye., Tatarova S.Yu., Kul'gachev Yu.I. Funktsional'noye sostoyaniye studentov v usloviyakh samoizolyatsii // Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2020. № 7 (185). p. 378-384.
6. Rosturizm nazval srok priyema zayavok na subsidii dlya tuoperatorov po v"yezdnomu turizmu. – URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73362/> <https://tass.ru/ekonomika/8188241> (Data obrashcheniya 08.10.2021).
7. Sayt Rosstata. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (data obrashcheniya 10.10.2021).

Дробот Елена Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, ответственный редактор, Первое экономическое издательство, Москва,
elenadrobot@mail.ru

Колесников Виктор Викторович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы
и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
wwkolesnikoff@mail.ru

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (филиал), город Липецк, профессор кафедры
Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
excellennzz@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: АФРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Аннотация. С началом пандемии COVID-19 Африка, как и многие страны мира, столкнулась с кризисом в области здравоохранения и экономики, который всего за несколько месяцев поставил под угрозу благосостояние миллионов людей, остановив достижение Целей устойчивого развития. В этих условиях особое значение приобретает государственно-частное партнерство, способное оказать положительный экономический эффект на развитие стран африканского континента, как в период пандемии, так и в постпандемический период. В статье авторами проведен анализ инновационных проектов, реализуемых в странах Африки в формате государственно-частного партнерства, в т.ч. с применением цифровых технологий. Сделан вывод о том, что в постпандемический период партнерские отношения будут необходимы для обеспечения быстрой и безопасной вакцинации на континенте. Кроме того, потребуются устойчивый диалог между бизнесом и правительствами африканских стран по вопросам повышения устойчивости малого и среднего бизнеса и стартапов в Африке.

Ключевые слова: Африканская континентальная зона свободной торговли, восстановление бизнеса, государственно-частное партнерство, инновации, пандемия, цели устойчивого развития

Elena V. Drobot,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Executive Editor, First Economic Publishing House, Moscow,
elenadrobot@mail.ru

Viktor V. Kolesnikov,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management,
Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
wwkolesnikoff@mail.ru

Ivan N. Makarov,

Doctor of Economic Sciences, Docent, Research Officer, Professor of the Financial University
under the Government of the Russian Federation (branch), Lipetsk, Professor at the Department
of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
excellennzz@gmail.com

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC: AFRICAN EXPERIENCE

Abstract. With the onset of the COVID-19 pandemic, Africa, like many countries around the world, is facing a health and economic crisis that has put the well-being of millions of people at risk in just a few months, halting the achievement of the Sustainable Development Goals. In these conditions, public-private partnerships are of particular importance, because it can have a positive economic effect on the development of the African countries, both during the pandemic and in the post-pandemic period. Innovative projects implemented in African countries in the format of public-private partnership, including

those ones with digital technologies, were analyzed. It is concluded that in the post-pandemic period, partnerships will be necessary to ensure rapid and safe vaccination on the continent. In addition, a sustained dialogue between business and African governments will be required to improve the sustainability of small and medium-sized businesses and start-ups in Africa.

Keywords: African Continental Free Trade Area, business recovery, public-private partnership, innovation, pandemic, sustainable development goals

В последние десятилетия страны Африки все более активно участвуют в международной кооперации на пути достижения Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) [3, с. 3109–3120]. Однако кризис, обусловленный пандемией COVID-19, не только нарушил глобальные цепочки поставок [1, с. 961–980], но и поставил под вопрос возможности достижения ЦУР для Африки в целом. Правительства африканских стран предприняли серьезные меры для смягчения негативных последствий пандемии для населения и экономики [8, с. 53–56], но добиться устойчивого восстановления будет все же нелегко. Жизненно важное значение для стран африканского континента имеет поддержка со стороны международного сообщества, в т.ч. в части облегчения долгового бремени, финансирования и развитие экономического потенциала. В этих непростых условиях возрастает роль и значение государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) для реализации совместных инициатив правительств и бизнеса в странах Африки.

С началом пандемии COVID-19 Африка борется с беспрецедентным кризисом в области здравоохранения и экономики, который всего за несколько месяцев поставил под угрозу благосостояние миллионов людей.

Пандемия COVID-19 принесла огромный экономический ущерб как развитым, так и развивающимся

странам. В 2020 году в мире обанкротилось каждое пятое микро-, малое или среднее предприятие (далее – МСП) [10]. Учитывая, что в Африке эта категория бизнеса обеспечивает почти 80% занятости молодежи [8, с. 53–56], ситуация может превратиться в катастрофическую. По оценкам, в 2020 году в результате последствий пандемии около 40 млн человек в Африке оказались в состоянии крайней нищеты [11]. По сути, произошел резкий возврат назад, до уровня 1980-х годов.

С макроэкономической точки зрения пандемия привела к снижению уровня прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в Африке. А это, в свою очередь, серьезно ограничивает доступ к капиталу, препятствуя росту предприятий и делая африканскую экономику неконкурентоспособной. Как следствие, сокращается налоговая база, снижаются поступления в бюджет. В результате дефицит финансирования составил 345 млрд долл. [5]. И в данных условиях правительства стран, находящихся в столь тяжелом положении, уже не задумываются о создании «благоприятной среды для инноваций, инвестиций и индустриализации» [8, с. 53–56]. По оценкам МВФ, на восстановление африканской экономики потребуется 1,2 трлн долл. [5].

Если проанализировать число предприятий прекративших работу по странам и континентам в связи с пандемией, то можно увидеть, что в странах

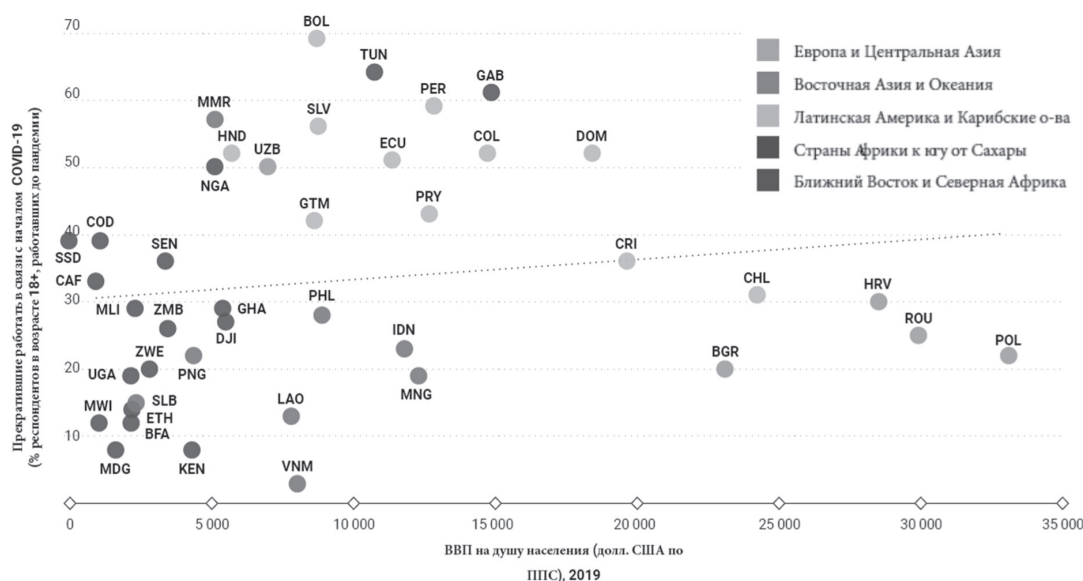

Рисунок 1. Потеря рабочих мест с начала пандемии по регионам мира [12]

(Примечание: названия стран на графике представлены в соответствии с кодом ISO 3166-1 alpha-3)

Африки к югу от Сахары, имеющих очень низкие доходы на душу населения, число прекративших работу предприятий в связи с пандемией намного ниже, чем, например, в странах Латинской Америки, Азии и Европы, за исключением Восточной Азии и стран бассейна Тихого океана (см. Рисунок 1). Связано это прежде всего с тем, что в странах Африки к югу от Сахары очень развит неформальный сектор экономики, а также отсутствуют серьезные социальные программы поддержки на случай чрезвычайных ситуаций.

Анализ численности занятых по секторам экономики и созданной добавленной стоимости, позволяет сделать следующие выводы. Во всех трех секторах – сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг – значение созданной добавленной стоимости не имеет сильной корреляции с занятостью. Если рассмотреть страны Африки к югу от Сахары, то можно отметить, что, как правило, доля населения, занятого в сельском хозяйстве, здесь выше по сравнению с остальными странами мира, однако добавленная стоимость в этом секторе колеблется от 1,6% ВВП (Джибути) до 54,5% ВВП (Сьерра-Леоне). Аналогично в регионе занято меньше людей в промышленности и сфере услуг, но доля добавленной стоимости, созданной в этих отраслях, сильно варьируется в зависимости от страны (см. Рисунок 2).

Для того чтобы африканская экономика пережила эти потрясения, представители государственно-го и частного сектора должны работать в тесном кон-

такте. Важным представляется обеспечение защиты достижений последних десятилетий в области развития экономики африканских стран.

Перспективы развития стран континента будут серьезным образом связаны с Африканской континентальной зоны свободной торговли (African Continental Free Trade Area, AfCFTA), в рамках которой африканский бизнес может получить доступ к потребительскому рынку, оцениваемому в 1,2 млрд долл., а также около 4 трлн долл. частных сделок и B2B продаж [6].

Технологии и партнерство – это, по сути, ключ к восстановлению экономики. Представляется, что технологии и инновации будут основными движущими силами любой стратегии восстановления в постпандемический период, а также основой долгосрочного устойчивого экономического роста.

В условиях пандемии уже возросла важность электронной торговли, организации удаленной работы и виртуальных встреч.

Бизнес смог достаточно быстро приспособиться к меняющемуся бизнес-климату, внедряя технологии, направленные на повышение конкуренции, производительности на уровне фирмы и на максимизацию прибыли. В странах Африки хотя и существуют инфраструктурные «узкие места» для внедрения технологий, например, такие как высокая цена доступа в Интернет, но они компенсируются открывающимися возможностями в результате внедрения «мобильных» инструментов и услуг.

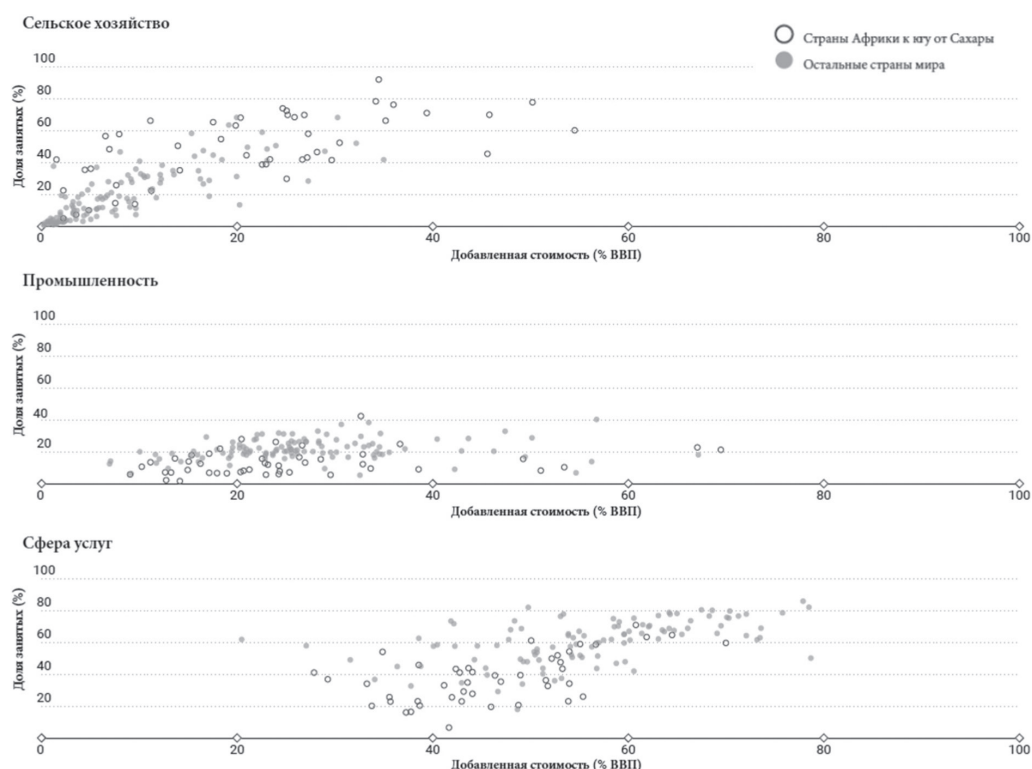

Рисунок 2. Структура экономики стран Африки к югу от Сахары [13]

Кроме того, технологические инновации создают условия для развития новых партнерских отношений, в т.ч. в формате государственно-частного партнерства.

Интерес представляет инициатива AfroChampions («Афрочемпионы»). AfroChampions – это государственно-частное партнерство, призванное мобилизовать ресурсы и институты стран Африки для стимулирования экономической интеграции в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли. Для продвижения инициативы AfroChampions была создана некоммерческая организация the AfroChampions Organization, которая расположена в Аккре (Гана). Эта организация работает с различными партнерами – компаниями, финансовыми учреждениями, правительствами – в Африке и за ее пределами. Инициатива AfroChampions ориентирована на поддержку бизнеса в Африке в таких секторах, как банковское дело, телекоммуникации, агробизнес, энергетика и транспорт. В марте 2020 года представители частного сектора под руководством AfroChampions с приняли участие в создании государственно-частного фонда – Фонда реагирования COVID-19 Африканского союза. Источниками финансирования этого Фонда стали не только добровольные взносы корпораций и пожертвования, но и впервые в истории Африканского союза – краудсорсинг.

Еще одним успешным примером реализации проекта ГЧП в Африке является PanaBIOS – консорциум государственных и частных региональных учреждений, созданный для обеспечения безопасности воздушных перевозок, возобновляемых после снятия жестких ограничений, введенных в связи с пандемией COVID-19. Проект PanaBIOS был разработан в сотрудничестве с Инициативой открытых коридоров Африканского союза (the AU Open Corridors Initiative). Африканский Центр по контролю и профилактике заболеваний (the Africa Centres for Disease Control and Prevention, or Africa CDC), специализированное техническое учреждение Африканского союза, созданное для поддержки инициатив государств-членов в области общественного здравоохранения и укрепления потенциала их учреждений общественного здравоохранения по выявлению, профилактике, контролю и быстрому и эффективному реагированию на угрозы заболеваний, привлек PanaBIOS и группу компаний Esonet, регионального телекоммуникационного гиганта, к созданию новой цифровой платформы для создания и продвижения безопасных коридоров для путешествий. В рамках таких коридоров предусмотрена проверка цифровых сертификатов тестов на COVID-19 и сертификатов о вакцинации от COVID-19. Также были созданы приложения для отслеживания трансграничных контактов. Все технологии были созданы в Африке.

Еще одной успешной инновационной разработкой, реализованной в формате ГЧП, стало создание и запуск новой цифровой платформы AfCFTA (www.afcfta.app). Приложение AfCFTA дает возможность расширить доступ к рынкам африканских стран и позволяет обмениваться данными. Приложение создано по инициативе Секретариата Африканской континентальной зоны свободной торговли. Правительство каждой африканской страны предоставляет оцифрованные данные о состоянии трансграничной торговли. Кроме того, участники инициативы AfroChampions совместно с правительствами стран Африки работают над содействием упрощения процедур торговых операций для МСП.

Какие еще правительственные инициативы совместно с частным сектором были реализованы в странах Африки в период пандемии? Например, в Гане в рамках совместно проекта национального правительства и частного сектора была реализована инициатива по превращению простаивающих запасов алкоголя в дезинфицирующие средства [7]. Текстильные компании, оказавшиеся в кризисном положении в связи с перебоями в глобальных цепочках поставок, в таких странах, как Кения, Уганда и Гана, были переориентированы на производство и поставку крайне необходимых средств индивидуальной защиты в больницы [9].

Пандемия показала, что при правильной организации работы и институциональной поддержке, политики стран могут быстро создать предпосылки и механизмы для широкого распространения новаторства и реализации последующих действий по внедрению новаций, чтобы победить вирус и помочь бизнесу пережить разрушительные последствия кризиса.

Примечательно, что увеличение интереса государственного сектора к развитию бизнеса является существенной предпосылкой успеха. В рассмотренных выше примерах частный сектор проявил инициативу, но без поддержки государственного сектора, правительств стран, региональных органов, которые обеспечивают межправительственную и межрегиональную координацию, эти проекты не были бы успешны.

Инновационные государственно-частные партнерства уже достигли определенных успехов в обеспечении поддержки экономики стран Африки.

Но что будет с этими проектами ГЧП в Африке в постпандемический период? На наш взгляд, во-первых, такие партнерские отношения потребуются для того, чтобы быстро обеспечить безопасную вакцинацию по всей Африке, и консорциум PanaBIOS, например, уже готов принять участие в этом проекте.

Во-вторых, необходим устойчивый диалог между бизнесом и правительствами африканских стран по вопросам повышения постпандемической устойчивости МСП и стартапов в Африке. Правительства должны

предвидеть необходимость изменения и расширения экономических стимулов после этапа смягчения последствий кризиса, связанного с COVID-19. Политика беспроцентных кредитов МСП, отсрочка уплаты налогов, гранты и субсидии, а также мораторий на погашение долгов, среди прочего, должны быть включены в политику и стратегии частного сектора после COVID-19, чтобы обеспечить адекватное восстановление бизнеса и создать благоприятные условия для появления новых предприятий [2, с. 981–998].

Ключевой областью изменений является проведение стимулирующей политики в соответствии

с политикой в области изменения климата и охраны окружающей среды [4, с. 663–682], а также стимулирование бизнеса к созданию «зеленых» рабочих мест и «зеленых» отраслей. Это прогрессивный подход к построению устойчивой экономики, которая поможет преодолеть экономическое неравенство, усилившиеся в условиях пандемии.

Государственно-частное партнерство существовало всегда. Однако именно пандемия показала, почему ГЧП является важнейшим механизмом повышения постпандемической устойчивости и возрождения континента.

Список литературы

1. Костин К.Б., Хомченко Е.А. Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 961–980. – doi: 10.18334/eo.10.4.111372
2. Осама Али Маер, Мун Д.В., Фатма Джиха Ответные меры на пандемию COVID-19: экономика и здравоохранение экономически развитых и развивающихся стран // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 981–998. – doi: 10.18334/eo.10.4.111083.
3. Павлов В.В., Сапунцов А.Л. Расширение участия стран Африки в международной промышленной кооперации // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Том 10. – № 12. – С. 3109–3120. – doi: 10.18334/err.10.12.111506.
4. Торкановский Е.П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 663–682. – doi: 10.18334/eo.10.3.110600
5. Abebe Aemro Selassie. Sub-Saharan Africa's Difficult Road to Recovery // International Monetary Fund, October 22, 2020.
6. A Business Guide to the African Continental Free Trade Area Agreement. – Geneva: International Trade Center, 2018.
7. Duah D.P.L., Sauer J. Ghanaian Beverage Company Kasapreko Shifts Production to Hand Sanitizer // PSI, April 29, 2020.
8. Edem Adzogenu. A marriage of more than convenience: How COVID-19 can bring public & private sectors together in Africa // FORESIGHT AFRICA 2021. – BROOKINGS, 2021. – P. 53–56. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/01/foresightafrica2021_chapter4.pdf (Date of access: 23.04.2021).
9. Moyo M.-J., Tania Lozansky T. Working with Africa's Apparel Makers to Produce Personal Protective Equipment // World Bank, May 19, 2020.
10. SME Competitiveness Outlook 2020: COVID-19: The Great Lockdown and Its Impact on Small Businesses. – Geneva: International Trade Center, 2020.
11. World Bank Confirms Economic Downturn in Sub-Saharan Africa, Outlines Key Policies Needed for Recovery // World Bank, October 8, 2020.
12. World Bank, COVID-19 High-Frequency Monitoring Dashboard, beta. Accessed on December 7, 2020.
13. World Development Indicators // World Bank Group, accessed December 3, 2020.

References

1. Kostin, K.B., Khomchenko, E.A. (2020) Impact of the COVID-19 pandemic on the global economy. Journal of international economic affairs, 10(4), 961–980. doi: 10.18334/eo.10.4.111372 (in Russian).
2. Osama, AliMaer, Mun, D.V., & Fatma, Dzhikha (2020) Responding to the COVID-19 pandemic: economics and health of economically developed and developing countries. Journal of international economic affairs, 10(4), 981–998. doi: 10.18334/eo.10.4.111083 (in Russian).
3. Pavlov, V.V., Sapuntsov, A.L. (2020) Participation of African countries in the international industrial cooperation. Journal of Economics, Entrepreneurship and Law, 10(12), 3109–3120. doi: 10.18334/epp.10.12.111506 (in Russian).
4. Torkanovskiy, E.P. (2020) Autarky 2.0: The global environmental agenda, the COVID-19 pandemic, and the new normal. Journal of international economic affairs, 10(3), 663–682. doi: 10.18334/eo.10.3.110600 (in Russian).
5. Abebe Aemro Selassie. Sub-Saharan Africa's Difficult Road to Recovery // International Monetary Fund, October 22, 2020.
6. A Business Guide to the African Continental Free Trade Area Agreement. – Geneva: International Trade Center, 2018.
7. Duah D.P.L., Sauer J. Ghanaian Beverage Company Kasapreko Shifts Production to Hand Sanitizer // PSI, April 29, 2020.
8. Edem Adzogenu. A marriage of more than convenience: How COVID-19 can bring public & private sectors together in Africa // FORESIGHT AFRICA 2021. – BROOKINGS, 2021. – P. 53–56. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/01/foresightafrica2021_chapter4.pdf (Date of access: 23.04.2021).

9. *Moyo M.-J., Tania Lozansky T. Working with Africa's Apparel Makers to Produce Personal Protective Equipment // World Bank, May 19, 2020.*
10. *SME Competitiveness Outlook 2020: COVID-19: The Great Lockdown and Its Impact on Small Businesses. – Geneva: International Trade Center, 2020.*
11. *World Bank Confirms Economic Downturn in Sub-Saharan Africa, Outlines Key Policies Needed for Recovery // World Bank, October 8, 2020.*
12. *World Bank, COVID-19 High-Frequency Monitoring Dashboard, beta. Accessed on December 7, 2020.*
13. *World Development Indicators // World Bank Group, accessed December 3, 2020.*

Третьякова Лариса Александровна,

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания,
профессор кафедры Менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, город Белгород,
lora_tretyakova@mail.ru

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления
и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва,
lisovaekaterina78@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЛЯ АНАЛИЗА УРОВНЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Описаны основные принципы анализа регионального социально-экономического и социального развития. Отмечается, что в большинство предлагаемых методик заложен алгоритм подсчета интегрального показателя на основе частных индикаторов. Выделяется тенденция доминирования социальной компоненты в описании регионального развития. Предлагается использование статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» в качестве основного источника индикаторов социальной направленности. Описаны основные этапы определения интегрального показателя социального регионального развития. Предложена классификация индикаторов социальной направленности. Авторы дают описание индикаторов каждой из групп предложенной классификации. Делаются выводы о возможности использования описанных индикаторов для подсчета и дальнейшего анализа интегрального показателя социального развития региона.

Ключевые слова: социальное региональное развитие, индикаторы социальной направленности, уровень социального развития регионов, «весовые» коэффициенты индикаторов, интегральный показатель социального развития региона, алгоритм подсчета интегрального показателя

Larisa A. Tretyakova,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Professor at the Department of Management and Marketing, Belgorod state national research University, Belgorod,
lora_tretyakova@mail.ru

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of State and municipal administration
and constitutional law, Institute of business career, Moscow,
lisovaekaterina78@gmail.com

THE USE OF SOCIAL ORIENTATION INDICATORS FOR THE ANALYSIS OF THE REGIONAL DEVELOPMENT LEVEL

Abstract. The article describes the basic principles of the analysis of regional socio-economic and social development. It is noted that most of the proposed methods include an algorithm for calculating the integral indicator based on private indicators. The tendency of the dominance of the social component in the description of regional development is highlighted. It is proposed to use the statistical collection «Regions of Russia, socio-economic indicators» as the main source of social indicators. The main stages of determining the integral indicator of social regional development are described. The classification of indicators of social orientation is proposed. The author gives a description of the indicators of each of the groups of the proposed classification. Conclusions are drawn about the possibility of using the described indicators for calculating and further analyzing the integral indicator of the social development of the region.

Keywords: social regional development, indicators of social orientation, the level of social development of regions, "weight" coefficients of indicators, integral indicator of social development of the region, the algorithm for calculating the integral indicator

Региональное развитие в социально-экономическом и чисто социальном аспектах достаточно давно является предметом исследования большого количества авторов. При этом практически все данные работы носят количественный характер и ставят своей целью связать уровень регионального развития с какой-либо числовой характеристикой [1,2,3].

Предлагаемые методики, как правило, определяют значение агрегированного показателя, реализуя предложенный алгоритм его подсчета на основе использования частных индикаторов.

Данная ситуация сложилась при анализе как уровня социально-экономического регионального развития, так и чисто социального. При этом уровень социального развития региона также принято отражать некоторым набором числовых индикаторов с возможностью последующего компаративного анализа.

Необходимо также заметить, что в настоящий момент времени наблюдается тенденция доминирования социальной компоненты над экономической в процессе описания уровня социально-экономического развития регионов [4,5,6]. Такой подход требует выделения и дальнейшей классификации показателей чисто социальной направленности для описания процессов, протекающих в социальной сфере.

Наиболее комплексным и всеобъемлющим документом, содержащим данные индикаторы, на сегодня является сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» [7]. Данный документ ежегодно издается Федеральной службой государственной статистики.

К примеру, сборник за 2020 год содержит 22 блока тематической информации, которые включают в себя порядка четырехсот различных показателей. Около двухсот из них можно отнести к социальной сфере регионов.

В такой ситуации количественный анализ всех представленных в сборнике индикаторов для получения интегрального показателя уровня социально-экономического развития регионов видится весьма трудоемким, а,

может быть, и технически неосуществимым. Поэтому все исследования в данной области [8,9,10] фактически состоят из ряда последовательных этапов, изображенных на Рисунке 1.

Остановимся подробнее на индикаторах социальной направленности, представленных в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели».

На наш взгляд, все представленные показатели можно разделить на четыре основные группы. Классификация данных показателей показана в Таблице 1.

Предлагаемая классификация представляется весьма значимой при постановке задачи о нахождении интегрального показателя социального развития регионов, поскольку принадлежность конкретного показателя к той или иной группе фактически определяет его вклад в данный индикатор.

Числовые значения показателей групп 1 и 2 можно непосредственно использовать для расчетов, показатели группы 3 представляется возможным включать в расчеты только после определенной формализации и придания им компаративного характера, показатели группы 4 можно применять только во вспомогательных расчетах.

Обращаясь непосредственно к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели», можно заметить, что основные индикаторы уровня социального регионального развития представлены в следующих блоках:

- население;
- занятость и безработица;
- уровень жизни населения;
- образование;
- здравоохранение;
- культура, отдых и туризм;
- земельные ресурсы и охрана окружающей природной среды;
- строительство;
- торговля и услуги населению;
- транспорт;
- информационные и коммуникационные технологии;

Таблица 1.

Классификация показателей социальной направленности

Номер группы	Характеристика показателей
Группа 1	Очевидные показатели, прямо пропорциональные уровню социального развития региона.
Группа 2	Очевидные показатели, обратно пропорциональные уровню социального развития региона.
Группа 3	Неочевидные показатели, влияние которых на уровень социального развития региона не является очевидным, может носить двоякий характер.
Группа 4	Информативные показатели, непосредственно не связанные с уровнем социального развития региона, которые могут использоваться в формулах для расчета других показателей.

Рисунок 1. Обобщенная последовательность действий при определении интегрального уровня социального развития региона

- наука и инновации;
- цены и тарифы.

Касательно количества индикаторов каждой из групп, представленных в Таблице 1, можно заметить следующее:

- индикаторы первой группы наиболее многочисленны и содержатся в каждом из описанных блоков;
- индикаторы второй группы уступают в числе индикаторам второй группы и содержатся в большинстве блоков показателей;
- индикаторы третьей группы уступают в числе индикаторам, как первой, так и второй групп и содержатся в небольшом количестве описанных блоков;
- индикаторы четвертой группы также достаточно многочисленны и содержатся в каждом из описанных блоков.

Как было отмечено выше, практически все методики, определяющие интегральный уровень социального регионального развития, основаны на экспертном выборе, как индикаторов социальной направленности, так и их «весовых» коэффициентов. Такая ситуация не позволяет говорить о едином, универсальном подходе к оценке уровня развития регионов РФ.

Однако при анализе федеральных документов в этой области необходимо выделить приказ Министерства экономического развития РФ №132 от 23 марта 2017 года «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» [11].

Приложение №1 к указанному приказу определяет примерный перечень показателей, рекомендуемых для использования в области «Развитие человеческого капитала и социальной сферы».

Фактически Министерство экономического развития рекомендует более тридцати индикаторов, комплексно оценивающих состояние социальной сферы в регионе. Вполне возможна постановка задачи по обработке данных индикаторов и дальнейшему определению интегрального показателя уровня социального регионального развития.

На наш взгляд, данные показатели подлежат классификации, в соответствии с которой возможно выделить пять основных групп:

- «Социальная среда»;
- «Уровень жизни»;
- «Жилищные условия»;

- «Медицина, образование и наука»;
- «Культура, отдых, спорт и туризм».

Данная классификация позволяет дифференцировать составляющие социальной сферы региона и в дальнейшем дает возможность более детального

компаративного анализа индикаторов социальной направленности и интегральных показателей, полученных на их основе.

Составы индикаторов каждой из групп показаны в Таблицах №№ 2-6.

Таблица 2.

Состав индикаторов группы «Социальная среда»

Название группы	Индикаторы, входящие в состав группы
Социальная среда	ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)
	общий коэффициент рождаемости на 1000 человек
	индексы физического объема платных услуг населению (%)
	обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях (% человек на 100 мест)
	среднегодовая численность занятых в экономике (в % к общей численности населения)
	общий коэффициент смертности на 1000 человек
	уровень безработицы (%)

Таблица 3.

Состав индикаторов группы «Уровень жизни»

Название группы	Индикаторы, входящие в состав группы
Уровень жизни	реальные среднедушевые доходы (тыс. руб.)
	реальная начисленная заработная плата работников организаций (тыс. руб.)
	реальные среднедушевые расходы (тыс. руб.)
	отношение величины прожиточного минимума к среднедушевым доходам населения
	численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % к общей численности населения)

Таблица 4.

Состав индикаторов группы «Жилищные условия»

Название группы	Индикаторы, входящие в состав группы
Жилищные условия	удельный вес благоустроенного жилья (%)
	движение жилищного фонда (%)
	общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя (кв. м.)
	тариф на отопление (руб./1 кв. м. жилой площади)
	тариф на поставку холодной воды (руб./1 кв. м. жилой площади)
	тариф на водоотведение (руб./1 кв. м. жилой площади)

Таблица 5.

Состав индикаторов группы «Медицина, образование и наука»

Название группы	Индикаторы, входящие в состав группы
Медицина, образование и наука	отношение средней заработной платы среднего медицинского персонала к средней заработной плате по субъекту РФ
	доля обучающихся в государственных общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, в общей численности обучающихся в организациях
	отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате по субъекту РФ

	отношение средней заработной платы педагогических работников дошкольных образовательных учреждений к средней заработной плате по субъекту РФ
	отношение средней заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования к средней заработной плате по субъекту РФ
	отношение средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего образования к средней заработной плате по субъекту РФ
	отношение средней заработной платы научных сотрудников к средней заработной плате по субъекту РФ
	относительный удельный вес численности детей, получающих услуги дополнительного образования, в общей численности детей в возрасте от 5 до 18 лет

Таблица 6.

Состав индикаторов группы «Культура, отдых, спорт и туризм»

Название группы	Индикаторы, входящие в состав группы
Культура, отдых, спорт и туризм	численность зрителей театров
	число посещений музеев
	отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по субъекту РФ
	доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности населения, %
	количество спортивных сооружений на 1 000 человек населения

Более подробный анализ количественных индикаторов уровня регионального социального развития, позволяет сделать следующие выводы:

- социально направленные индикаторы регионального развития, публикуемые ежегодно в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели», представлены в достаточно большом количестве;
- качественный состав индикаторов уровня социального развития регионов весьма разнороден и затрагивает практически все составляющие социальной сферы;
- попытка обработки всех представленных в сборнике индикаторов с целью нахождения инте-

грального показателя уровня регионального социального развития представляется мало осуществимой в силу их большого количества;

- к задачам экспертного выбора необходимо отнести определение конкретного набора социально направленных индикаторов и придание им «весовых» коэффициентов для возможности нахождения интегрального показателя регионального социального развития;
- наиболее значимые индикаторы уровня регионального социального развития, по всей видимости, находятся в разделах сборника «Уровень жизни населения», а также «Занятость и безработица».

Список литературы

1. Новикова Н.Е. Демографические показатели как индикаторы регионального развития / Н.Е. Новикова, М.П. Мельникова // Московский экономический журнал. - 2017. - № 2. - С. 40-45.
2. Корнийко Ю.В. Ключевые показатели эффективности регионального инновационного развития / Ю.В. Корнийко, И.А. Степанов, М.А. Щербакова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. - 2019. - № 3 (121). - С. 14-19.
3. Лисова Е.В. Жилищные условия населения как показатель уровня социального развития региона / Е.В. Лисова // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. - 2021. - Т. 20. - № 1. - С. 172-177.
4. Садыков Р.М. Ключевые тенденции и траектории социального развития российских регионов / Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова // Научно-методический электронный журнал Концепт. - 2019. - № 3. - С. 126-132.
5. Галлямов Р.Р. Социальное развитие регионов в контексте социализации экономики: эволюционные этапы исследования и основные теоретические подходы в отечественной науке / Р.Р. Галлямов // Экономика и предпринимательство. - 2017. - № 8-2 (85). - С. 355-358.
6. Зубаревич Н.В. Роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии регионов России / Н.В. Зубаревич, А.Я. Бурдяк, Р.Р. Хасанова, Н.В. Мкртчян // Социальное развитие и демография регионов России: осенние тренды 2018 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС). - 2019. - Т. 26. - № 2. - С. 76-90.
7. Регионы России (социально-экономические показатели) [Электронный ресурс] / Росстат России. - Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.

8. *Артемова О.В.* Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов / О.В. Артемова, Н.М. Логачева // Региональная экономика: теория и практика. - 2011. - № 20. - С. 12-17.
9. *Губанова Е.С.* Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона / Е.С. Губанова, В.С. Клец // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2019. - Т. 12. - № 5. - С. 44-57.
10. *Лисова Е.В.* Социальное развитие федеральных округов Российской Федерации / Е.В. Лисова // Управленческий учет. - 2021. - № 6 (3). - С. 809-814.
11. Приказ Министерства экономического развития РФ от 23.03.2017 № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации».

References

1. *Novikova N.E.* Demographic indicators as indicators of regional development / N.Ye. Novikova, M.P. Melnikova // Moscow Economic Journal. - 2017. - № 2. - P. 40-45.
2. *Korniyko Yu.V.* Key indicators of the effectiveness of regional innovative development / Yu.V. Korniyko, I.A. Stepanov, M.A. Shcherbakova // Management of economic systems: electronic scientific journal. - 2019. - No. 3 (121). - S. 14-19.
3. *Lisova E.V.* Housing conditions of the population as an indicator of the level of social development of the region / E.V. Lisova // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. - 2021. - Т. 20. - No. 1. - S. 172-177.
4. *Sadykov R.M.* Key tendencies and trajectories of social development of Russian regions / R.M. Sadykov, N.L. Bolshakova // Scientific and methodological electronic journal Concept. - 2019. - No. 3. - P. 126-132.
5. *Gallyamov R.R.* Social development of regions in the context of socialization of the economy: evolutionary stages of research and basic theoretical approaches in domestic science / R.R. Gallyamov // Economics and Entrepreneurship. - 2017. - No. 8-2 (85). - S. 355-358.
6. *Zubarevich N.V.* The role of human capital in the socio-economic development of regions of Russia / N.V. Zubarevich, A. Ya. Burdyak, R.R. Khasanova, N.V. Mkrtchyan // Social development and demography of Russian regions: autumn trends in 2018 (based on the results of regular monitoring by INSAP RANEPa). - 2019. - Т. 26. - No. 2. - S. 76-90.
7. Regions of Russia (socio-economic indicators) [Electronic resource] / Rosstat of Russia. - Access mode: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
8. *Artemova O.V.* Methodological approaches to assessing the level of development of the social infrastructure of the regions / O.V. Artemova, N.M. Logacheva // Regional economy: theory and practice. - 2011. - No. 20. - S. 12-17.
9. *Gubanova E.S.* Overcoming socio-economic inequality as a condition for sustainable balanced spatial development of the region / E.S. Gubanova, V.S. Tick // Economic and social changes: facts, trends, forecast. - 2019. - Т. 12. - No. 5. - S. 44-57.
10. *Lisova E.V.* Social development of federal districts of the Russian Federation / E.V. Lisova // Management accounting. - 2021. - No. 6 (3). - S. 809-814.
11. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of 23.03.2017 No. 132 "On Approval of Methodological Recommendations for the Development and Adjustment of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Constituent Entity of the Russian Federation and the Action Plan for its Implementation".

Лунева Елена Андреевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права,
Институт деловой карьеры, Москва,
eavalu2008@mail.ru

ПРИМЕНИМОСТЬ ЯПОНСКИХ СВЕЧЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Аннотация. Делается попытка применения техники построения японских свечей для прогнозирования макроэкономических категорий. В качестве примеров использованы квартальные показатели валового внутреннего продукта в долларовом выражении и количество выданных ипотечных кредитов. Полученные комбинации свечей соответствуют дальнейшим изменениям данных, что указывает на жизнеспособность предложения автора.

Ключевые слова: японские свечи, тренд, макроэкономические показатели, прогнозирование, технический анализ

Elena A. Luneva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law,
Institute of Business Career, Moscow,
eavalu2008@mail.ru

APPLICABILITY OF JAPANESE CANDLESTICKS FOR FORECASTING MACROECONOMIC CATEGORIES

Abstract. An attempt is made to apply the technique of constructing Japanese candlesticks for forecasting macroeconomic categories. The quarterly indicators of gross domestic product in dollar terms and the number of mortgage loans issued are used as examples. The resulting combinations of candles correspond to further changes in the data, which indicates the viability of the author's proposal.

Keywords: Japanese candlesticks, trend, macroeconomic indicators, forecasting, technical analysis

Профессиональные участники рынка ценных бумаг для выявления трендов и принятия решения о покупке или продаже актива (ценных бумаг или валюты) активно применяют технический анализ, особую популярность из вариантов которого приобрели так называемые японские свечи, разработанные ещё в 18 веке Хомма Мунэхиса – торговцем рисом. Свечи могут быть построены как с учётом объёмов продаж, так и только по данным цены (открытия и закрытия) и её колебаний – экстремумов в рамках периода или торговой сессии [2, с.37]. Если тело свечи белое, это указывает на то, что цена закрытия выше цены открытия, а если чёрное – то наоборот. И чем длиннее тело свечи, тем больше разница между ценой открытия и ценой закрытия [4, с.52]. Тени свечи показывают экстремумы внутри сессии. Длинная верхняя тень указывает на «бычий» рынок, длинная нижняя – на «медвежий». Три базовых принципа технического анализа:

- цена включает в себя достаточную информацию;
- цена движется в трендах;
- история повторяется.

Именно первый постулат выгодно отличает технический анализ от фундаментального – громоздкого и неочевидного, потому как во-первых, сложно проанализировать исчерпывающий объём влияющих факторов и, во-вторых, сложно определить влияние именно конкретного фактора при учёте его коррелированности с другими факторами, в результате отбрасываются для анализа наиболее известные и наглядные факторы. Другими словами, фундаментальный анализ сопряжён с высоким значением ошибки аппроксимации [1, с.69]. При прогнозировании профессиональные участники рынка применяют либо только технический анализ, либо технический анализ дополненный фундаментальным, но никто из них не предпочтёт фундаментальный анализ техническому.

Японские свечи, по сути своего метода, являются универсальными и сфера их возможного применения не ограничивается стоимостными категориями. Удивляет, что ещё никто не применял их для оценки тенденции, прогнозирования макроэкономических категорий. Перенести этот метод в плоскость макроэкономических показателей, например валово-

вого внутреннего продукта (далее – ВВП) в долларовом выражении, реальных доходов населения, доли малого среднего бизнеса по обороту или количеству зарегистрированных единиц и др. довольно просто:

- определим хронологический шаг, включающий в себя не менее шести значений (например, год в разрезе месячных значений, квартал в разрезе недельных значений, месяц в разрезе ежедневных значений и т.п.);
- используем величину соответствующую начальному значению в рамках хронологического шага вместо цены открытия;
- используем величину соответствующую конечному значению в рамках хронологического шага вместо цены закрытия;
- используем максимальное значение в рамках хронологического шага как максимум;
- используем минимальное значение в рамках хронологического шага как минимум.

В качестве примера возьмём данные ВВП России, выраженные в долларовом значении (для нивелирования инфляционного воздействия) поквартально с хронологическим шагом в два года (см. Таблицу 1) и в три года (см. Таблицу 2).

По сути экстремумы внутри выбранных хронологических шагов отражают устремления значений в ту или иную сторону. Так, если внутри периода значения резко колебались в сторону увеличения, то в следующем периоде со значительной долей вероятности показатель (на начало периода) возрастёт, и наоборот. То есть в отличие от графика получаем в некотором отношении более наглядные сигналы к росту или падению.

В том случае, если бы значения внутри хронологического шага имели единообразную направленность, то есть каждое начало и окончание совпадало с экстремумом (минимумом или максимумом) то, японские свечи не имели бы преимуществ по сравнению с вариантами представления данных в виде графика или гистограммы, однако, как видно из таблиц, внутри хронологических шагов имеются значительные колебания.

Вспоминая остальные два принципа технического анализа – движение в трендах и повторение истории – можно заключить, что они вполне соответствуют сущности макроэкономических категорий, в частности ВВП. Подавляющая часть экономистов разделяет уверенность циклического развития экономи-

Таблица 1.

ВВП РФ поквартально в двухгодовых интервалах, млрд долл. США [Данные Росстат]

Хронологический шаг, гг.	Начало	Максимум	Минимум	Конец
1999-2001	54,813	73,043	53,165	72,04
2001-2003	84,192	102,164	73,424	102,164
2003-2005	119,45	177,209	119,45	176,991
2005-2007	204,737	304,012	204,049	304,012
2007-2009	357,683	438,47	232,941	293,3
2009-2011	353,526	517,563	331,314	517,563
2011-2013	503,054	610,768	506,034	534,592
2013-2015	592,932	611,446	285,527	346,023
2015-2017	345,357	386,553	244,531	367,313
2017-2019	410,846	437,297	395,608	420,372
2019-2021	438,867	474,681	331,911	353,072

Таблица 2.

ВВП РФ поквартально в трёхгодовых интервалах, млрд долл. США [Данные Росстат]

Хронологический шаг, гг.	Начало	Максимум	Минимум	Конец
2000-2002	53,165	95,071	53,165	95,065
2003-2005	89,969	216,177	89,969	216,177
2006-2008	204,049	438,47	204,049	376,689
2009-2011	232,941	537,128	232,941	537,128
2012-2014	508,806	611,446	398,46	398,46
2015-2017	246,975	369,763	220,078	393,568
2018-2020	356,047	394,981	298,72	376,333

ки, что и есть движение в трендах и повторение истории. Постоянный рост цен осложняет анализ трендов значений показателя, не относящегося к денежной массе или валютному курсу, поэтому ВВП рассматривается в твёрдой валюте (долларах США).

В результате получаем следующие графики с двухгодовым и трёхгодовым шагом (см. Рисунки 1 и 2 соответственно).

Конечно, представленная комбинация фигур имеет некоторые недостатки с точки зрения адекватного отображения. В частности, это связано с изменением методики расчёта ВВП в конце 2011 года: валовой продукт увеличили в связи с изменением оценки жилищных услуг, в результате чего показатель возрос более чем на триллион рублей, что составило около 9%. И тем не менее полученные графики могут выступать как материал анализа с достаточной долей достоверности.

Две верхние фигуры Рисунка 1 соответствуют «медвежьему» поглощению – дальнейшему снижению

тренда, затем, действительно, ВВП на начало периода падает. Верхняя фигура с чёрным телом Рисунка 2 – соответствует фигуре «падающая звезда», сигнализирующей о резком развороте тренда, что и подтверждается следующей фигурой, верхняя часть которой находится на уровне нижней части предыдущей. «Молот» – последняя фигура Рисунка 2 – указывает на небольшое оживление, что и произошло в 2021 году.

Таким образом, показана возможность прогнозирования макроэкономического показателя в разные периоды, то есть можно заключить, что механика анализа японских свечей применима для краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного анализа.

Японские свечи вполне могут быть применимы и для анализа тенденций показателей в нестоимостном выражении, например, для анализа количества ипотечных кредитов, выданных физическим лицам. Для общей картины на Рисунке 3 приведены помесичные значения количества выданных ипотек в виде графика.

ВВП РФ поквартально в двухгодовых интервалах, млрд.долл. США

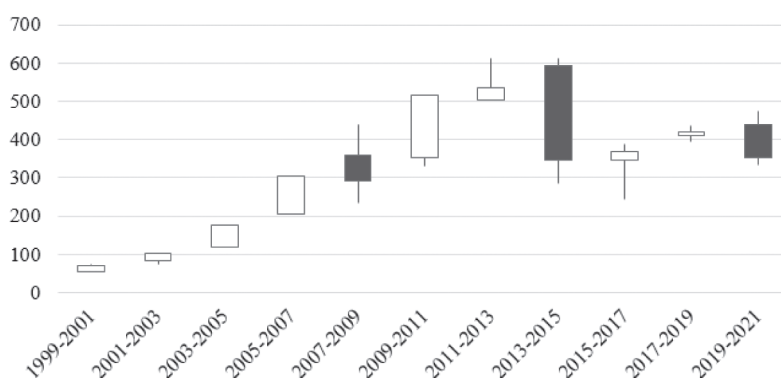

Рисунок 1. ВВП РФ поквартально в двухгодовых интервалах, млрд долл. США
[Построено по данным Росстат]

ВВП РФ поквартально в трёхгодовых интервалах, млрд.долл. США

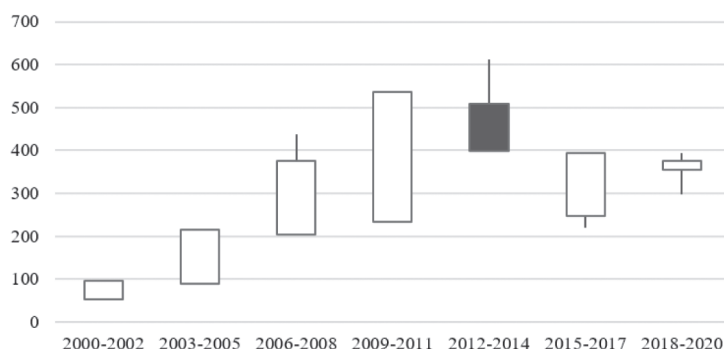

Рисунок 2. ВВП РФ поквартально в трёхгодовых интервалах, млрд долл. США
[Построено по данным Росстат]

Рисунок 3. Количество ипотечных кредитов, выданных физическим лицам – резидентам РФ [Данные ЦБ РФ]

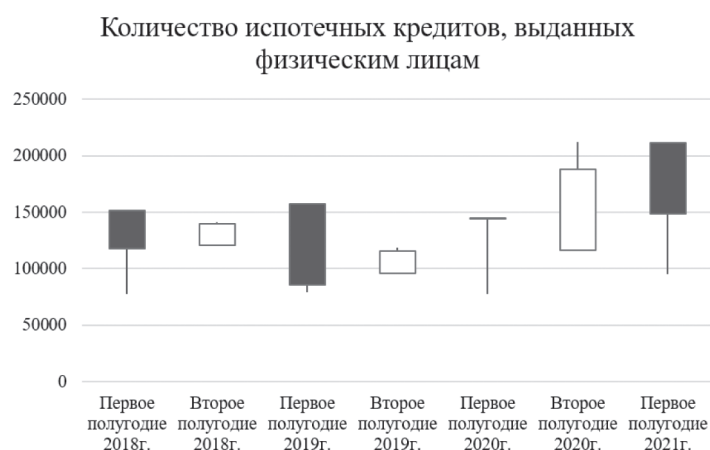

Рисунок 4. Количество ипотечных кредитов, выданных физическим лицам – резидентам РФ, представленное в форме японских свечей с хронологическим шагом в 6 месяцев [Построено по данным ЦБ РФ]

Для наглядности добавлена линия тренда. В итоге экономист интерпретирует график как тенденцию к росту выданных ипотек с резкими скачками в начале года (январе).

Далее, следуя предложенному способу переложения значений в область японских свечей, построим соответствующий рисунок, выделив полугодия в качестве хронологического шага (см. Рисунок 4).

Первые три фигуры при некотором допущении соответствуют «бычьему бутерброду» и указывают на тенденцию роста (что и происходит). Четыре последние фигуры, включая «стрекозу» (т-образную фигуру)

можно интерпретировать как «завеса из тёмных облаков», что приводит к выводу, что количество выданных ипотек снизится во втором полугодии 2021 года. Таким образом, выводы по Рисункам 3 и 4 расходятся, а потому японские свечи не повторяют, а дополняют анализ трендов.

Разумеется интерпретация фигур должна быть переосмыслена исходя из выбранного хронологического шага, а может быть и самого показателя, но суть останется. Таким образом, в статье автором в полной мере обосновывается возможность применения японских свечей для прогноза макроэкономических категорий.

Список литературы

1. Лунева, Е.А. Способы оценки экономического развития регионов / Е.А. Лунева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 8. – С.68-75.

2. Найман Э. Малая энциклопедия трейдера, 18-ое изд. - Альпина Паблишер, 2021. - 458 с.
3. Сведения о рынке ипотечного жилищного кредитования в России № 6 (14), июнь 2021 г. Центральный банк Российской Федерации, 2021. – 59с.
4. Толкачёв, И.С., Котов, А.С. Разработка и тестирование эффективной методики применения технического анализа на российском рынке /И.С. Толкачёв // Инновации и инвестиции, №5, 2020. – С.52-57.
5. Федеральная служба государственной статистики: национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/accounts>

References

1. Luneva, E.A. Methods for assessing the economic development of regions / E.A. Lunev // Actual problems of humanitarian and natural sciences. - 2011. - № 8. - S.68-75.
2. Naiman E. Small Encyclopedia of the trader, 18th ed. - Alpina Publisher, 2021. - 458 p.
3. Information about the mortgage lending market in Russia No. 6 (14), June 2021 Central Bank of the Russian Federation, 2021. - 59C.
4. Tolkachev, I.S., Kotov, A.S. Development and testing of an effective technique for applying technical analysis in the Russian market / I.C. Tolkachev // Innovation and Investments, No. 5, 2020. - S.52-57.
5. Federal State Statistics Service: National Accounts. <https://rosstat.gov.ru/accounts>.

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
mgsusalikhov@yandex.ru

ПАНДЕМИЯ И «РЕНЕССАНС» ЭТАТИЗМА КАК УГРОЗА УСТОЙЧИВОМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Аннотация. Статья посвящена доказательству того, что в условиях пандемии, а также усиливающегося влияния неэкономических факторов на хозяйственное развитие и связанной с этим актуализацией функций государства, значение индивидуальной спонтанной активности, как онтологического источника новых знаний, неуклонно возрастает. Показано, что усиливающаяся этатизация может привести к росту общей неустойчивости социально-экономического развития, если личность и, следовательно, гражданское общество будут «растворены» в «новом» государстве. Методология исследования основывается на контент-анализе качественных оценок возрастания роли государства в современных условиях. Наряду с этим, используется принцип двойственности, особенно в контексте анализа взаимосвязи индивида и государства, а также эвристический потенциал диалектики единичного и общего. Научная новизна заключается, во-первых, в обосновании положения о том, что в условиях активизации роли неэкономических факторов хозяйственной динамики, включая пандемию коронавируса, «ренессанс» этатизма, призванный обеспечить прогрессивное развитие общества и экономики, должен быть не альтернативой индивидуализму, а функцией его нового качества. В связи с этим, во-вторых, обосновано, что ключевая задача государства должна заключаться в обеспечении устойчивости индивидуалистического концепта в целом и конкретных индивидов как онтологического источника неявного знания и, следовательно, масштабных и радикальных инноваций. В этом случае, в-третьих, «деспотическое» (в рамках экстрактивных институтов) либо «скованное» (в рамках инклюзивных институтов) государство трансформируется в предпринимательское государство, ответственное перед индивидом и гражданским обществом. Научно-практическое значение статьи заключается в возможности использования ее положений и выводов в решении системной задачи качественного обновления функций государства в сфере обеспечения устойчивого социально-экономического развития личности, социума и экономики.

Ключевые слова: пандемия, «ренессанс» этатизма, устойчивое развитие, политэкономический анализ, индивид и индивидуалистический концепт, спонтанный порядок, предпринимательское государство

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Theory of region studies,
Moscow state linguistic University, Moscow,
mgsusalikhov@yandex.ru

THE PANDEMIC AND THE «RENAISSANCE» OF STATISM AS A THREAT TO SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to proving that in the conditions of a pandemic, as well as the increasing influence of non-economic factors on economic development and the associated actualization of state functions, the importance of individual spontaneous activity as an ontological source of new knowledge is steadily increasing. It is shown that the strengthening the role of the state can lead to an increase in the general instability of socio-economic development, if the individual and, consequently, civil society are «dissolved» in the «new» state. The research methodology is based on the content analysis of qualitative assessments of the increasing role of the state in modern conditions. Along with this, the principle of duality is used, especially in the context of the analysis of the relationship between the individual and the state, as well as the heuristic potential of the dialectic of the individual and the general. The scientific novelty lies, firstly, in the substantiation of the position that in the conditions of the activation of the role of non-economic factors of economic dynamics, including the coronavirus pandemic, the «renaissance» of statism, designed to ensure the progressive development of society and the economy, should

not be an alternative to individualism, but a function of its new quality. In this regard, secondly, it is proved that the key task of the state should be to ensure the stability of the individualistic concept as a whole and specific individual as an ontological source of implicit knowledge and, consequently, large-scale and radical innovations. In this case, thirdly, the «despotic» (within extractive institutions) or «constrained» (within inclusive institutions) state is transformed into an entrepreneurial state responsible to the individual and civil society. The scientific and practical significance of the article lies in the possibility of using its provisions and conclusions in solving the systemic problem of qualitative renewal of the functions of the state in the field of ensuring sustainable socio-economic development of the individual, society and economy.

Keywords: pandemic, «renaissance» of statism, sustainable development, political economic analysis, individual and individualistic concept, spontaneous order, entrepreneurial state

Пандемия коронавируса, наряду с негативным влиянием на мировое и региональное хозяйственное развитие, стала важнейшим системным обстоятельством, обусловившим возникновение качественно нового понимания и последующей интерпретации роли и значения *неэкономических факторов социально-экономического развития*. Более того, исходя из масштабного и, по сути, продолжающегося пандемического локдауна [5, 6, 11, 12], оказывающего понижательное воздействие, как на совокупный спрос, так и на совокупное предложение, резонно отнюдь не гипотетически констатировать, что в современных условиях мировое и национальные хозяйства вступают в качественно новый этап своего функционирования, когда неэкономические факторы начинают играть более существенную роль в динамике воспроизводства благ, чем факторы, в традиционном смысле, собственно экономические (управленческие, институциональные, когнитивные, технологические, инвестиционные и др.) [1, 3, 8, 9].

При этом продолжающаяся пандемия, наряду с традиционными и новыми вызовами и угрозами для устойчивого социально-экономического развития стран и регионов мира, *требует релевантной политэкономической рефлексии*, непосредственно связанной с новым пониманием роли и значения индивидуалистического концепта, а также всего общественного сектора хозяйства при соответствующем обновлении элементов существующей (для каждой страны) политэкономической модели развития. В рамках данной рефлексии должны измениться и существующие представления о системном обеспечении устойчивости социально-экономической динамики [15, 16].

В свете сказанного резонно возникает вопрос (первая проблема), означает ли императив нового качества роли государства в современной экономике определенное либо полное «свертывание» спонтанной активности индивидов, как естественной основы рационалистического индивидуализма и имманентности «жесткого ядра» как такового методологического индивидуализма, или новая роль государства будет осуществляться в рамках индивидуалистического «статус-кво»? В связи с этим (вторая проблема),

изменится ли политэкономический статус собственно индивидуалистического концепта (хотя бы на уровне «защитного пояса» неоклассической методологии) в условиях естественного усиления экономического и политического этатизма, или у данного концепта нет эндогенных механизмов для релевантной саморефлексии и качественных преобразований? Таким образом, суть проблемы, как системного интеграла, заключается в том, что «пандемический ренессанс этатизма» представляет собой реальную угрозу свертывания как такового индивидуалистического концепта в общей и пока еще потенциально эффективной политэкономической модели, что может привести в принципе к ликвидации гражданских оснований хозяйственного развития. Отсюда *угроза индивидуализму, исходящая от усиливающегося государства-Левиафана, автоматически означает нарастание угрозы как таковому устойчивому социально-экономическому развитию*.

Строго следуя требованиям индивидуалистического концепта в политэкономическом анализе [19, 20], а также ключевому функционалу устойчивого развития (обеспечение достойной жизни), в статье *гипотетически предполагается*, что при обоснованном усилении роли государства («ренессанс этатизма») может произойти отказ либо частичный «отход» от общей индивидуалистической парадигмы социально-экономического развития, что приведет к системной деструкции инновационной системы любого субъекта хозяйственной деятельности. Возможно, приемлемым вариантом может стать *новое равновесие* между индивидом и государством, однако не в рамках диалектики «части и целого», а в системе взаимосвязи «единичного и общего», где индивид не «растворяется» в государстве, а формирует и контролирует его деятельность. Отсюда и *цель статьи* заключается в обосновании положения о том, что индивидуалистический концепт по-прежнему остается несущей конструкцией современной политической экономии прогрессивного развития, а также системным функционалом, абсорбирующим перспективные формы и механизмы устойчивой и созидательной социально-экономической динамики человеческой цивилизации в текущем тысячелетии.

Методология исследования. Очевидно, что тенденция актуализации неэкономических факторов хозяйственного развития, в форме различных глобальных и региональных вызовов и угроз, сформировалась отнюдь «не вчера», и пандемия коронавируса (при этом пока не просматриваются сроки выхода из «пандемической ловушки») стала лишь *критическим обстоятельством*, детерминирующим «сдвиг» ментальной и ценностно-смысловой парадигмы общего восприятия и осмысления происходящих изменений. К тому же известно, что критическая масса накопленных кризисных явлений в мире, включает в себе реальный потенциал системной деструкции хозяйственных оснований не только в странах догоняющего, но и лидирующего развития [13]. Речь идет, прежде всего, об устойчивой и глобальной тенденции «вековой стагнации», множестве «ловушек» (ликвидной, бедности, неравенства, монопольной, институциональной, потребительской и др.), бесспорно нарастающей деструкции человеческого и природного капитала и др. [8, 10].

Отсюда методологический ракурс исследования основывается на междисциплинарном контент-анализе релевантной литературы, прежде всего, в контексте выявления форм взаимосвязи индивидуального и общественного, а также личностного и государственного в системе решаемых задач устойчивого социально-экономического развития. При этом важнейшим элементом методологической аксиоматики здесь является именно *взаимосвязь отмеченных феноменов*, а не их «черно-белое», хотя и весьма латентное противопоставление по принципу «или индивид, или государство». В связи с этим, критически важно сохранять (не упустить в процессе поиска «быстрых» решений) политэкономическую зависимость государства (правового) от индивида как «аттрактора» высокоэффективной социально-экономической системы. Научно-практический смысл такой зависимости прост и понятен: актуализация роли и значения государства не может не быть функцией соответствующей актуализации роли и значения индивида, ибо правовое государство всегда является «продуктом согласия» именно индивидов. Все другие варианты не имеют ничего общего ни с действительной демократией, ни с реальными механизмами обеспечения устойчивого развития [4].

Далее, в рамках широко используемой исследователями *дисциплинарной матрицы экономической двойственности*, тем не менее, такие дихотомии, как «рынок и государство», «индивид и государство» требуют именно сегодня (возможно, как никогда ранее) более пристального внимания, особенно в странах догоняющего развития с режимами авторитарной, по сути, внеправовой власти. Такая постановка вопроса весьма актуализируется не только нали-

чием традиционного политэкономического дискурса между «рыночниками» и «государственниками», но и, как отмечалось, нарастанием новой волны обсуждений при существенном расширении предметного поля дискуссий вокруг *индивидуалистического концепта в принципе*. В данном контексте особое место занимает проблематика обеспечения устойчивого социально-экономического развития и становления достойной жизни домохозяйств, поскольку чрезмерная «увлеченность» централизованными решениями, основанная на ментальной модели этатизма (особенно это относится к отечественному социуму), может привести к «новому огосударствлению», рационализация которого вполне может иметь своим обоснованием пандемию и ряд других экономических и неэкономических факторов.

Результаты исследования как приглашение к дискуссии. Как отмечалось, в связи с пандемией и общей активизацией неэкономических факторов хозяйственного развития, исследователи фиксируют необходимость существенной активизации государства в экономике, резонно полагая, что в реальной и грядущей ситуации «невидимая рука» конкурентного рынка (экономический либерализм) должна либо уступить место, либо быть дополнена «видимой рукой» государства (экономический этатизм). При этом возникает еще одна, но уже «рукотворная» методологическая угроза исключительно дихотомического, по сути, «черно-белого», а не «живого и дисперсного» восприятия мира экономических явлений по принципу: либо приоритет конкурентного рынка с имманентным ему индивидуалистическим либерализмом, либо государство с присущими ему (именно в условиях «черно-белого» политэкономического восприятия экономики) патерналистскими интенциями, иждивенческими настроениями и популистскими моделями социально-экономического «благополучия».

В метафизическом смысле индивидуалистический концепт означает принятие спонтанного порядка в интенциях, решениях и действиях каждого индивида как центрального звена в современном политэкономическом анализе. Этот концепт весьма предметно исследован в релевантной литературе [4, 20], но проблема заключается в поиске «точечных», именно модифицированных форм его проявления в реальной социально-экономической практике. Однако обращение к феномену индивидуалистического спонтанного порядка, как неиссякаемому источнику неявного знания и творчески-трудовой энергии собственников человеческого капитала, сегодня имеет не только прикладное, но и аксиологическое, собственно методологическое значение. Дело в том, что актуализация роли государства в условиях общего нарастания сложности, при одновременной акселерации факторного значения неэкономических форм

в хозяйственном развитии, обязывает, как минимум, акцентированно конкретизировать общую логику современного политэкономического анализа.

Известно, что предметом политической экономии является общественный сектор экономики, и современный подход к методологии политэкономического анализа *не может не быть междисциплинарным*, включающим, как минимум, следующие важнейшие элементы. Во-первых, ценностно-смысловые императивы, определяющие направленность спонтанного порядка и качество креативно-интеллектуальной экологии каждого индивида, или его творчески-трудового предназначения (это – важнейший исходный аксиологический аспект политэкономического анализа устойчивого развития). Во-вторых, собственно качественная целостность каждого индивида и его *уникальная, по сути, «космическая» индивидуальность*, представленная динамическим множеством некогнитивных и когнитивных, врожденных и благоприобретенных свойств и характеристик. В-третьих, это общество, предстающее как «развернутые индивиды», выстраивающие и рассчитывающие согласие друг с другом в рамках воссоздания конституционных «правил о правилах». В-четвертых, государство, предстающее (в самой высокоразвитой форме), одновременно, как *продукт спонтанного порядка (качество индивидов) и гражданского общества (качество форм согласия индивидов)*; при этом основное предназначение государства заключается в расширенном воссоздании «правил игры», причем исключительно в рамках конституционных «правил о правилах» [4].

В-пятых, объектом политэкономического анализа является непосредственно общественный сектор хозяйства, всегда представленный двумя основными подсекторами: институциональным (собственно «правила игры» для всех экономических акторов) и неинституциональным (требуемый набор потребительских общественных благ: образование, здравоохранение, управление, оборона и так далее). В-шестых, это системный функционал политической экономии и ценностно-смысловой результат одноименного анализа *в форме уровня и качества жизни индивидов и их домохозяйств* (в наиболее развитой форме речь должна идти о *достойной жизни* каждого индивида, или, одновременно, о достойном уровне и достойном качестве жизни). В-седьмых, императивы непрерывного совершенствования уровня и качества жизни индивидов всегда воссоздают запрос на поиск новых ценностно-смысловых форм жизни и деятельности человека, то есть оказывают влияние на первое, аксиологическое звено политэкономического анализа. Резонно подчеркнуть, что *целевые функции политэкономического анализа и устойчивого развития совпадают: обе эти функции призваны обеспечить становление и развитие достойной жизни индивида (домохозяйства).*

Важно подчеркнуть, что «полноценная» политическая экономия онтологически «базируются» на первых двух взаимосвязанных ключевых элементах: *ценностных смыслах и индивидуалистическом спонтанном порядке*. При этом необходимо ясно понимать либо созидательную, либо деструктивную «мощь» их органического единства. В частности, индивидуалистическая программа, реализованная сегодня в рамках ценностей и смыслов монетарной плутократии, привела мировую и национальные хозяйственные системы, наряду с высоким уровнем жизни в странах «золотого миллиарда», к деструкции качества этой жизни в форме масштабной финансовализации и расширенному воссозданию бесполезных секторов экономики (симулякров) [2, 7]. Резонно полагать, что сознательное преодоление монетарно-плутократического доминирования в ценностно-смысловой парадигме, и ее замена на духовно-нравственный концепт обеспечит индивиду новую качественную целостность его благоприобретенных свойств, что найдет свое созидательное проявление в каждом последующем элементе показанной *семизвенной структуры политэкономического аналитического концепта*.

В свете сказанного важно подчеркнуть, что современные императивы и формирующиеся «векторные силы» политэкономических трансформаций едва ли своим основанием имеют наиболее полный учет требований всех элементов отмеченной семизвенной структуры с *метафизическим базисом ценностно ориентированного спонтанного порядка (индивидуализма)*. Релевантный контент-анализ позволяет констатировать, что в большинстве случаев исследователи ограничиваются либо собственно актуальным анализом диверсификации роли и значения государства в современной экономике, либо поиском новых форм взаимосвязи *государства и общества* при неполном рассмотрении индивидуалистических оснований диалектики двух названных цивилизационных феноменов [10, 11]. В любом случае, аналитический «центр тяжести» все в большей степени смещается в сторону исследования государства-Левиафана, априори считающегося «ключевым звеном» современного политэкономического анализа и, следовательно, устойчивого развития. К примеру, в рамках взаимосвязи общества и государства рассматриваются такие модели государства, как деспотический, скованный, ограниченный и даже «бумажный» Левиафан [21].

При этом, на «чаше весов» обнаруживаются, как отмечалось, лишь две составляющие из семизвенной структуры общего политэкономического анализа: *общество и государство*. Роль и значение каждой составляющей есть лишь следствие соответствующих удельных весов: если «больше» общественных институтов, то это автоматически (по сути, механистически)

означает «меньшую» роль государства в социально-экономическом развитии, и наоборот. Очевидно, что в условиях пандемии и множества других глобальных проблем, гипертрофия дихотомии (общество и государство) закономерно приводит к формированию и развитию весьма «чувствительных» проблем, заключающих в себе существенный негативный научно-практический потенциал. *Во-первых*, все чаще и больше на второй план отходят действительные политэкономические, именно методологические основания современного развития, то есть индивидуализм (как естественное основание гражданского общества) с имманентным ему спонтанным порядком, упоминается все меньше там, где все больше упоминается «всесилие» государства.

Во-вторых, следуя логике все более нарастающей активизации экономических функций государства, при возрастающем аналитическом «отрыве» от парадигмы методологического индивидуализма, закономерным итогом все чаще становится система «оправдательных рационализаций» практически полного отхода экономической системы от спонтанного порядка и, как следствие, от гражданских оснований цивилизационного развития. В данном случае, естественным результатом будет искусственное нагнетание «новых» вызовов и угроз, легитимирующих дополнительные функции все более монопольного и авторитарного государства, как правило, с несменяемой властью. Рано или поздно, свободный индивид и гражданское общество «растворятся» в деспотическом Левиафане, имеющем, как ни странно, огромную социальную основу, поскольку в условиях «новых» вызовов и угроз растет число людей, стремящихся к безопасности и, одновременно, обожающих «сильное» государство. На самом же деле, здесь воссоздается социально-психологическое «бегство от свободы» (Э. Фромм) [18] и формируется «дорога к рабству» (Ф. Хайек) [19], весьма предметно исследованные и рассмотренные в релевантной литературе.

С учетом сказанного, в научно-практическом плане и с учетом «ренессанса» этатизма, политэкономические трансформации социально-экономических систем, обусловленные нарастанием сложности и мультипликацией действия множества неэкономических и собственно экономических факторов, могут рассматриваться в рамках следующих дисциплинарных матриц. *Во-первых*, исключительно в рамках становления «большого государства» при нарастающем и безусловном приоритете экстрактивных формальных институтов, расширенно воссоздаваемых исключительно бюрократическим аппаратом в рамках системы частной власти-собственности. Естественным итогом такой трансформации может быть, скорее всего, тоталитарная система с полным «растворением» индивида и общества в деспотическом государстве-

Левиафане. Нетрудно заметить, что из показанной ранее семизвенной структуры политической экономики устойчивого развития, здесь используется только один элемент, то есть государство, которое объявляется единственным «благодетелем» и «спасителем» каждого и всех. Очевидно, такой подход, в созидательном смысле, носит априори утопический характер.

Во-вторых, возможна политэкономическая матрица, когда используется уже известная дихотомия в форме взаимосвязи общества и государства. Здесь вместо одного лишь государства (единственной «точки» в пространстве политэкономического анализа) рассматриваются уже два элемента, в «геометрической плоскости» взаимодействия которых исследователи выделяют разные модели государства и общества [10, 11]. Важно, однако, понять, что при «нейтрализации» и/или игнорировании приоритета индивидов (спонтанного порядка) относительно всей политэкономической конструкции и релевантной объектной структуры устойчивого развития, система, лишенная индивидуалистической метафизики и онтологии, рано или поздно также эволюционирует до «большого государства», то есть станет (возможно, «окольными путями») тем же деспотическим Левиафаном. Такие экзогенные факторы, как пандемия коронавируса, глобальное потепление, деструкция природного капитала и другие станут лишь катализатором отмеченной эволюции. В свете сказанного, все более реалистичными и, одновременно, весьма сомнительными с точки зрения реального прогресса, представляются различные социалистические теории и учения, возрождающие у людей ностальгические настроения, связанные с «сильной рукой» и «справедливым» государством.

В-третьих, в научно-практическом плане может иметь место матрица трехмерного «стереометрического пространства», где одновременно взаимодействуют индивиды, общество и государство. При этом генетические отношения здесь возникают и реализуется последовательно: а) индивиды вступают в обмен-общение, в результате чего воссоздаются инклюзивные институты *первого уровня* (*персонифицированный обмен-общение*) и запрос на «правила о правилах», а также на соответствующие гражданские социальные структуры; б) созданное индивидами гражданское общество формирует и закрепляет «правила о правилах» в рамках конституционного договора, а также формирует запрос на правовое, или «правозаконное» государство [4]; в) правовое государство, контролируемое обществом (напрямую) и индивидами (опосредованно и все чаще напрямую в условиях коллаборативной демократии [14, 17]), расширенно воссоздает инклюзивные институты *второго уровня* («правила игры», или *нормы деперсонифицированного обмена-общения*). Ключевая проблема

здесь заключается в том, чтобы не только сохранить, но и актуализировать механизм влияния индивидов на деятельность государства, то есть обеспечить контроль именно «ренессансного», усиливающегося государства. Диалектика «силы государства», в рамках индивидуалистического концепта, должна быть понята однозначно, а именно как функция «силы индивидов», способных это государство «произвести» и держать в «ежовых рукавицах».

При этом важно обеспечить *когерентность актуализации роли как государства, так и индивидов* в условиях растущего общественного сектора хозяйства и кажущегося императива государственной «автономии» от личности и общества. Таким образом, системный методологический и, одновременно, научно-практический посыл вполне понятен: *современная ускоренная актуализация роли и значения государства-Левиафана должна быть следствием, прежде всего, не экзогенных условий, а эндогенных допущений (разрешений, возможностей), проистекающих от релевантного понимания ситуации индивидами и их коалициями для институциональных инноваций*. Такая постановка представляется новой лишь по форме, поскольку методологически и естественным образом предопределяется внутренней логикой философии и метафизики методологического индивидуализма как такового. Проблема лишь в том, как на деле обеспечить действенность и ожидаемую высокую результативность не столько прямого, сколько *непосредственного воздействия индивидов на государство* в условиях, когда его функции в экономике неуклонно возрастают при одновременном росте всех отраслей и сфер общественного сектора хозяйства.

Таким образом, подчеркнем, что в любом случае, будет ли приоритетом политэкономический этатизм (авторитарное государство) или политэкономический индивидуализм (демократическое государство), единственным источником новых креативных компетенций, а также инновационных технологий и ноосферных продуктов *есть и будет система неявного (часто непередаваемого, но воплощаемого) знания индивидов*, именно конкретных личностей, а не социальных групп и коллективных сообществ, в рамках которых могут лишь ускоряться либо замедляться процессы развивающего или, напротив, деградирующего обмена-общения. В свете сказанного, несмотря на актуализацию неэкономических условий и факторов современного экономического развития, а также связанного с этим усиления роли государства, созидательный потенциал индивидуалистического концепта, а также философии и идеологии методологического индивидуализма ничуть не уменьшается, а напротив, *приобретает «второе дыхание»* как закономерная реакция на соответствующие творчески-трудовые императивы, обусловленные неэкономиче-

скими и экономическими, внешними и внутренними условиями и факторами общественного развития.

Заключение. Важнейшими выводами проведенного логико-гносеологического анализа являются следующие интегральные умозаключения. *Во-первых*, исходя из того, что все инновации, как источник решения ключевых задач в сфере обеспечения устойчивого развития, являются функцией, прежде всего, неявного знания индивидов, наблюдаемый в условиях пандемии и актуализации других факторов некий «откат» от индивидуалистического концепта с одновременным «ренессансом» этатизма, может привести к системному торможению инновационного процесса и общей деструкции национальной инновационной системы (НИС), в центре которой всегда находится экономика неявного знания. Сказанное означает, что существующая и усиливающаяся актуализация роли и значения государства в современной экономике, *должна осуществляться именно в рамках индивидуалистического концепта*. Приоритет государства-Левиафана над индивидом и, следовательно, гражданским обществом в стратегии может означать только одно: закрепощение спонтанной активности индивидов, закономерное свертывание экономики неявного знания и масштабная деструкция инновационной активности.

Во-вторых, возрастание роли государства, катализируемое пандемией и другими, прежде всего, неэкономическими факторами, должно происходить в ранее отмеченных «стереометрических» рамках, то есть при одновременной, хотя часто неявной, актуализации роли и значения индивида и гражданского общества, как источников ценностных смыслов и инклюзивных институтов «снизу». Более того, исходя из онтологической роли индивида как аксиоматически единственного источника и фактора расширенного воспроизводства непередаваемого неявного знания, *вектор активизации государства в экономике должен быть направлен, прежде всего, на дальнейшее развитие спонтанной активности с целью обеспечения устойчивости индивидов как творцов неявного знания, а также на качественное обновление как такового индивидуалистического концепта*.

Другими словами, актуализация роли государства в современной экономике должна быть направлена, прежде всего, на качественное обновление «правил игры», обеспечивающих высокий конкурентный тонус на основе индивидуальной спонтанной активности и, одновременно, на решение задач совершенствования общественного сектора экономики неявного знания (научно-образовательный комплекс отраслей хозяйства), где названная спонтанная активность может и должна найти свое проявление в режиме наивысшей созидательной эффективности. Таким образом, критически важно осознать и понять без-

альтернативность *индивидуалистического вектора «ренессанса» этатизма*, что не позволит государству, управляемому индивидами и гражданским обществом, «сорваться в штопор» деспотического Левиафана. К сожалению, современная мировая и отечественная тенденция политэкономического развития все в большей степени характеризуется свертыванием спонтанной активности при отчетливо формирующемся векторе «бегства от свободы», что имело место в первой половине прошлого столетия. Как бы всем нам не повторить печальный опыт прошлого, когда даже в весьма цивилизованных странах люди вдруг решили, что государство «знает лучше» то, «что делать и как жить» каждому индивиду. Финал, как известно, был весьма трагичен для судеб всей человеческой цивилизации. Именно в связи с этим, «ренессанс» государства должен быть индивидуалистическим (с сохранением индивидуального «статуса-кво» каждой личности), а не общественно-коллективистским, где личность «растворяется» в государстве и теряет свою качественную определенность.

В-третьих, если действительно «история имеет значение», то обеспечение устойчивого социально-экономического развития сегодня должно

осуществляться не на путях этатизации жизни и деятельности социума (именно это и происходит в условиях пандемии, когда индивидуализм и индивидуальность, по сути, повсеместно уничтожаются с одновременным возрождением тенденции к авторитаризму). *Устойчивое и, тем более, прогрессивное социально-экономическое развитие может иметь своим основанием политэкономическую модель с «центром тяжести» в форме методологического индивидуализма*, реализуемого не в сегодняшнем монетарно-плутократическом виде, а в созидательном, духовно-нравственном ключе. Здесь критически важно исходить из метафизически глубокой веры в силу каждого индивида и его глубокого осознания себя, одновременно, как «вещи в себе» и «вещи для общества». Очевидно, что система отношений и взаимосвязей, где личность выступает, одновременно, как индивид и как член общества, требует специальных исследовательских усилий, но именно в такой «сцепке» единичного и общего только и возможно действительно устойчивое социально-экономическое развитие. Левиафан здесь принимает форму *предпринимательского государства*, одновременно, защищающего индивидов и производящего релевантные общественные блага.

Список литературы

1. Бахтигараева А.И., Ставинская А.А. Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 92-108.
2. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
3. Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 120-143.
4. Бьюкенен. Джеймс М. Сочинения. Т.1. – М.: «Таурис Альфа», 1997. 560 с.
5. Воскобойников И.Б., Баранов Э.Ф., Бобылева К.В., Капелюшников Р.И., Пионтковский Д.И., Роскин А.А., Толоконников А.Е. Постшоковый рост российской экономики: опыт кризисов 1998 и 2008-2009 гг. и взгляд в будущее // Вопросы экономики. 2021. № 4. С. 5-32.
6. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020 // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 5-25.
7. Данилов-Данильян В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31-42.
8. Ершов М.В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 5-24.
9. Клинова М.В. Государство и национальная конкурентоспособность (на примере ЕС) // Вопросы экономики. 2020. № 8. С. 146-159.
10. Колодко Гж.В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25-45.
11. Мау В.А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 5-31.
12. Полтерович В. Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 33-50.
13. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координативности // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77-103.
14. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021 № 1. С. 52-73.
15. Салихов Б.В. Императивы «сдвига парадигмы» в исследовании устойчивого и неустойчивого регионального развития (часть 1) // Вестник Академии права и управления. 2020. № 4 (61). С. 67-73.
16. Салихов Б.В. Научно-практический потенциал определения сущности устойчивого и неустойчивого развития (часть 2) // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1 (62). С. 87-94.

17. Трубицын Д.В. Институты, индивиды и отношения в процессе модернизации // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 125-141.
18. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 284 с.
19. Хайек. Фридрих А. Дорога к рабству. – М.: АСТ: Астрель, 2010. 317 с.
20. Хайек. Фридрих А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. 256 с.
21. Шаститко А.Е. Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 145-157.

References

1. Bakhtigarayeva A.I., Stavinskaya A.A. Can trust become a factor of economic growth? Dynamics of the level of trust among Russian youth // Issues of Economy. 2020. № 7. Pp. 92-108.
2. Buzgalin A.V. The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // Issues of Economy. 2018. № 2. Pp. 122-142.
3. Bufetova A.N., Kolomak E.A. National heterogeneity in the regions of Russia: assessment, change, impact on economic development // Issues of Economy. 2021. № 1. Pp. 120-143.
4. Buchanan. James M. Essays. Vol. 1. - Moscow: "Taurus Alpha", 1997. 560p.
5. Voskoboynikov I.B., Baranov E.F., Bobyleva K.V., Kapelyushnikov R.I., Piontkovsky D.I., Roskin A.A., Tolokonnikov A.E. Post-shock growth of the Russian economy: the experience of the crises of 1998 and 2008-2009 and a look into the future // Issues of Economy. 2021. № 4. Pp. 5-32.
6. Grigoriev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenko E.E. Falling into the global recession 2020 // Issues of Economy. 2020. № 5. Pp. 5-25.
7. Danilov-Danilyan V. The global crisis as a consequence of structural shifts in the economy // Issues of Economy. 2009. № 7. Pp. 31-42.
8. Yershov M.V. Mir v 2020: new problems reveal systemic changes in the economy // Issues of Economy. 2020. № 12. Pp. 5-24.
9. Klinova M.V. The state and national competitiveness (on the example of the EU) // Issues of Economy. 2020. № 8. Pp. 146-159.
10. Kolodko Gzh.V. Consequences. Economics and politics in the post-pandemic world // Issues of Economy. 2020. № 5. Pp. 25-45.
11. Mau V.A. The coronavirus pandemic and economic policy trends // Issues of Economy. 2021. № 3. Pp. 5-31.
12. Polterovich V. Tolerance, cooperation and economic growth // Issues of Economy. 2017. № 11. Pp. 33-50.
13. Polterovich V.M. On the general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms // Issues of Economy. 2018. № 12. pp. 77-103.
14. Polterovich V.M. The crisis of institutions of political competition, the Internet and collaborative democracy // Issues of Economy. 2021 № 1. Pp. 52-73.
15. Salikhov B.V. Imperatives of the "paradigm shift" in the study of sustainable and unstable regional development (part 1) // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 4 (61). Pp. 67-73.
16. Salikhov B.V. Scientific and practical potential for determining the essence of sustainable and unstable development (part 2) // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2021. № 1 (62). Pp. 87-94.
17. Trubitsyn D.V. Institutions, individuals and relations in the process of modernization // Issues of Economy. 2020. № 12. pp. 125-141.
18. Fromm E. Flight from freedom. - Moscow: AST: AST MOSCOW, 2009. 284 p.
19. Hayek. Friedrich A. The road to slavery. - Moscow: AST: Astrel, 2010. 317p.
20. Hayek. Friedrich A. Individualism and economic order. - Moscow: Izograf, 2000. 256 p.
21. Shastitko A.E. Between the Scylla of despotism and the Charybdis of social norms (About the book by D. Ajemoglu and J. Robinson's "A Narrow Corridor: States, Societies and the Fate of Freedom") // Issues of Economy. 2020. № 1. Pp. 145-157.

Сухина Юлия Валериевна,

кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал), город Липецк,
yuliya-sukhina@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Предметом статьи выступают исследования влияния уровня развития инновационной составляющей регионов и государств в целом, а также практики применения управленческого консультирования, на уровень развития регионов и обеспечения инновационного развития страны в целом. Результаты проведенного анализа подтверждаются примерами достижений стран, которые находятся на верхних позициях в рейтингах в сфере инновационного развития и управленческого консультирования. Целью статьи является выявление особенностей и подходов к формированию влияния уровня развития инновационной составляющей регионов и страны в целом, а также применение управленческого консультирования и консультационных услуг, на уровень развития регионов и обеспечения инновационного развития страны в целом; определение основных условий формирования практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения инновационного развития региона. Методология данного исследования включала аналитический и сравнительный подходы, методы синтеза, индукции и дедукции, формально-логический, системный, комплексный и логистический подходы. Результатом работы явилось проведение автором анализа особенностей и подходов к формированию влияния уровня развития инновационной составляющей регионов и страны в целом, а также применение инструментов управленческого консультирования и привлечение профессиональных консультантов, на уровень развития регионов и обеспечения инновационного развития страны в целом; определение основных условий формирования практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения инновационного развития региона; предложение автором подхода к формированию комплексного механизма государственного управления инновационным развитием региона и внедрение данного подхода на региональном уровне; формулирование выводов о последующих направлениях совершенствования и внедрения инструментов управленческого консультирования в контексте обеспечения инновационного развития регионов и стран в целом. Область применения результатов исследования включает в себя систему государственного управления. Выводы исследования могут быть применены для совершенствования управленческой, правовой регламентации и практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения инновационного развития региона.

Ключевые слова: государственное управление, инновации, инновационное развитие региона, управленческое консультирование, механизм государственного управления инновационным развитием региона, государственная инновационная политика, управление инновационным потенциалом региона, управление конкурентоспособностью региона

Yuliya V. Sukhina,

Ph.D. in Public Administration, Associate Professor at the Department of State, Municipal Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch), Lipetsk,
yuliya-sukhina@mail.ru

MANAGEMENT CONSULTING IN THE CONTEXT OF ENSURING INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The subject of this article is the study of the influence of the level of development of the innovative component of regions and states in general, as well as the practice of using management consulting, on the level of development of regions and ensuring the innovative development of the country as a whole. The results of the analysis are confirmed by examples of the achievements of countries that are in the top positions in the rankings in the field of innovative development and management consulting. The purpose of this article is to identify the features and approaches to the formation of the influence of the level of development of the innovative component of the regions and the country as a whole, as well as the use of management consulting and consulting

services, on the level of development of the regions and ensuring the innovative development of the country as a whole; determination of the main conditions for the formation of the practice of using management consulting in the context of ensuring the innovative development of the region. The methodology of this study included analytical and comparative approaches, methods of synthesis, induction and deduction, formal-logical, systemic, integrated and logistic approaches. The result of the work was the author's analysis of the characteristics and approaches to the formation of the influence of the level of development of the innovative component of the regions and the country as a whole, as well as the use of management consulting tools and the involvement of professional consultants on the level of development of the regions and ensuring the innovative development of the country as a whole; determination of the main conditions for the formation of the practice of using management consulting in the context of ensuring the innovative development of the region; the author's proposal for an approach to the formation of an integrated mechanism of state management of the innovative development of the region and the introduction of this approach at the regional level; formulation of conclusions on the subsequent directions of improvement and implementation of management consulting tools in the context of ensuring the innovative development of regions and countries in general. The scope of the research results includes the public administration system. The findings of the study can be applied to improve management, legal regulation and practice of using management consulting in the context of ensuring the innovative development of the region.

Keywords: public administration, innovation, innovative development of the region, management consulting, mechanism of state management of innovative development of the region, state innovation policy, management of the innovative potential of the region, management of the competitiveness of the region

И нновационный формат развития регионов на сегодняшний день становится той основой, которая создает и определяет экономическую мощь государства в целом и его возможности на глобальном рынке. В государствах, относящихся к лидерам в сфере инноваций, наблюдается высокая степень концентрации наиболее рентабельных видов предпринимательства (с высокой долей добавленной стоимости в цене продукции). Это возможно, в большей степени, за счет высокотехнологичной структуры национального производства, реализации за пределы страны промышленно-технологического цикла производства, экспорта инновационной продукции. Создание и производство инновационной продукции являются достаточно ёмкими по ресурсной и экологической составляющей, что, в свою очередь, приводит к сосредоточению крупнейших финансовых потоков и требует эффективных управленческих решений на государственном уровне в отношении их перераспределения. Скорость в принятии инновационных решений требует также от руководителей компаний ежесекундной погруженности во все сферы бизнеса, а ошибки в принятии управленческих решений зачастую приводят к негативным последствиям в отношении компаний, вплоть до их ликвидаций.

В условиях текущих реалий ведения бизнеса становится очевидным, что успех компаний часто зависит не от экономических показателей и материальной составляющей в компании, а связан с компетенциями руководителя в сфере менеджмента, эффективной организацией процессов в компании, управленческой структурой организации и другими управленческими составляющими, а также с привлечением консультантов в сфере управления, которые обла-

дают соответствующим опытом и владеют данными компетенциями. На уровне государства работа таких специалистов необходима в целях эффективной организации процессов управления в соответствующих направлениях (экономическом, в том числе в разрезе отраслей, социальном, политическом и других).

В странах-лидерах в сфере инновационного развития управленческое консультирование реализуется в государственном секторе и активно поддерживается (с акцентом на инновационное развитие) государством.

Наиболее системной оценкой эффективности национальных инновационных систем на сегодняшний день является методика, разработанная совместно экспертами Парижской школы INSEAD, Бостонской консалтинговой группы и Национальной ассоциацией производителей, которая позволяет определить страны – инновационные лидеры и аутсайдеры с помощью Глобального инновационного индекса (Global Innovation Index). Концептуальная структура Глобального Индекса Инноваций состоит из расчета двух под-индексов: входной инновационный под-индекс, который строится по анализу показателей государственной структуры, человеческого потенциала и исследований, инфраструктуры, рыночной активности, бизнес активности; выходной инновационный под-индекс, который включает научную и творческую продукцию [1].

На сегодняшний день актуальным, по-прежнему, остается потребность стран в инновационном векторе развития. Необходимость поддержания развития и внедрения инноваций для государств еще в 2011 году в отчете «Глобальный индекс инноваций 2011» подчеркивал генеральный дирек-

тор Всемирной организации интеллектуальной собственности Фрэнсис Гарри: «инновации имеют ключевое значение для экономического роста и создания новых и лучших рабочих мест. Это ключ к конкурентоспособности экономики, промышленности и отдельных фирм» [2].

В 2020 году в отчете «Глобальный индекс инноваций 2020» [1] представлены глобальные инновации, тенденции и инновационная деятельность 131 страны. В условиях COVID-19 страны пытаются преодолеть экономический и социальный кризис. Поэтому инновации, в том числе и в медицине, позволят ликвидировать экономическую и социальную изоляцию.

По результатам исследований 131-й страны французской бизнес-школой INSEAD в 2021 году был опубликован доклад «Глобальный индекс инноваций 2020», анализ которого показал, что 12 из 20-ти ведущих стран мира по инновациям находятся в Европе (см. Рисунок 1).

Лидером рейтинга стран-новаторов стала Швейцария, Швеция заняла второе место, на третьем месте оказались США. Вслед за ними в рейтинге находятся Великобритания. Нидерланды замыкают пятерку лидеров. Дания заняла шестую строчку рейтинга. Вслед за ней расположились Финляндия, Сингапур, Германия. Десятку замыкает Корея. Вторую десятку начинает Гонконг (Китай). Вслед за ним в рейтинге расположились Франция, Израиль, Китай, Ирландия, Япония, Канада, Люксембург, Австрия. Замыкает вторую десятку Норвегия. Россия в этом рейтинге заняла сорок седьмое место (а по итогам 2019 года занимала сорок шестое место), что является достаточно низким для страны, одной из стратегических целей которой является инновационный путь развития.

«Развивающиеся страны, имеют очень высокие оценки эффективности производства. Это означает, что они используют научный и творческий подход к воплощению идей, которые кажутся недостаточно изученными или неинтересными с точки зрения инвестиций» [1], считает Сумитра Датта (профессор менеджмента и бывший декан-основатель SC Johnson College в Корнеллском университете, президент Института Портулана). Так, Россия имеет научный и инновационный потенциал и в данном рейтинге опережает Белоруссию, находящуюся на 64-м месте и Казахстан (77 место). Однако занимает лишь 58 позицию согласно второму входному инновационному под-индексу. На сегодняшний день в России проблемными остаются сферы, связанные с государственной структурой, инфраструктурой и креативными результатами, что оставляет Россию на достаточно низком уровне по первому входному инновационному под-индексу (42 место).

Одним из составителей отчета глобального инновационного индекса за 2020 год был Бруно Ланвин, исполнительный директор по глобальным индексам, компания INSEAD, директор Института Портулана, который подчеркивал, что «размах кризиса, созданного COVID-19, охватил многие страны в волне чрезвычайных ситуаций. В ближайшие годы финансовые ресурсы будут ограничены. Неприятие риска будет высоким» [3]. Таким образом, как отдельным корпорациям, так и государствам, все сложнее будет внедрять инновации и реализовывать инвестиционные проекты. Поэтому открытым остается вопрос о финансировании инноваций как одного из самых затратных направлений стран.

Обеспечение сбалансированного развития инновационной деятельности регионов на сегодня

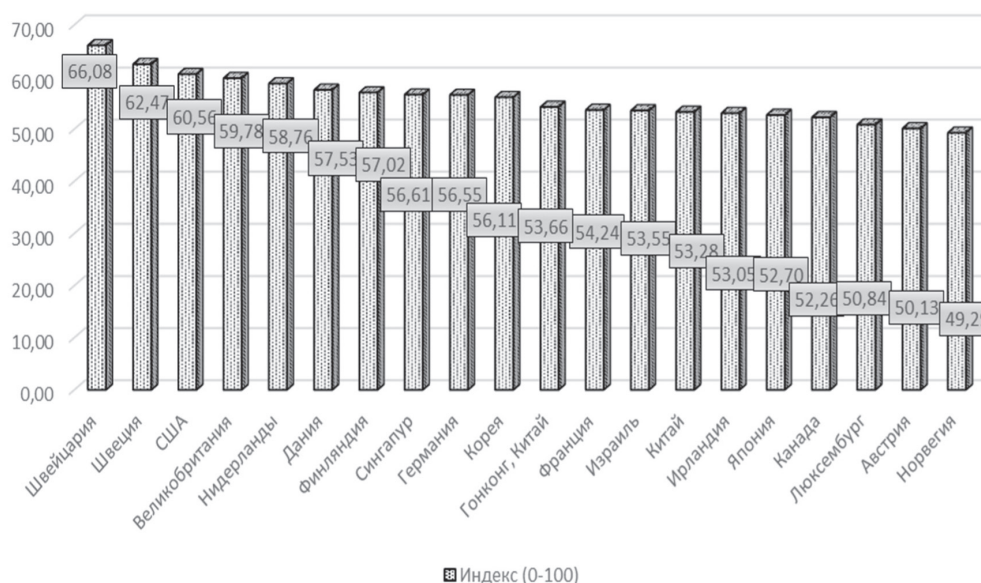

Рисунок 1. Рейтинг 20-ти наиболее инновационно-развитых стран мира по итогам 2020 года [1]

няшний день становится тем фундаментом, который свидетельствует об уровне экономической силы государства в целом. Государства, рейтинг которых по уровню инвестиционной активности наиболее высокий, являются также и лидерами в реализации бизнеса на глобальном рынке. При этом стоит отметить, что лидерами на мировом рынке консалтинговых услуг являются зарубежные компании (Deloitte, PwC, EY, KPMG), штаб-квартиры которых находятся в странах-лидерах (среди которых Великобритания, США, Нидерланды) в обеспечении инновационной и инвестиционной деятельности (см. Рисунок 2). Это, в свою очередь, приводит к сосредоточению в отдельных странах значительных финансовых потоков.

Эффективность региональной политики подтверждает и практика Европейского Союза – одними из лидеров в сфере инноваций выступают страны союза. Региональная политика Евросоюза как одна из форм государственного управления развитием социально-экономической, инвестиционной и инновационной составляющей стран союза. В данном случае основной структурной единицей политико-административного пространства выступают еврорегионы. Таким образом, тенденции развития мировой экономики показывают последовательный переход принятия управленческих решений на региональный уровень и усиление децентрализации, что, в свою очередь, подтверждается выделением дополнительного финансирования регионам в рамках общеевропейского бюджета.

Авторы доклада глобального инновационного индекса за 2020 год акцентировали внимание на том, что направление на инновационное развитие является основным для большинства стран мира, а не толь-

ко для развитых государств. Однако для прорывных инновационных свершений развивающимся странам в большей степени требуется консультационная помощь, ввиду отсутствия значительного практического опыта по сравнению со странами-лидерами в сфере инноваций. Действия стран по разработке инновационных проектов должны быть последовательными, четко организованными и спланированными, а также объединены в единую глобальную стратегию инноваций, разработанную при участии нескольких стран.

Специалисты французской бизнес-школы считают, что рынки развивающихся стран начинают занимать лидирующие позиции, поэтому необходимо сформировать понимание об эффективности использования инновационного потенциала этих стран. Это предполагает создание эффективного управленческого подхода на уровне каждого государства к формированию и развитию инновационного потенциала регионов. Данные мероприятия позволят сконцентрировать взгляд стран в сторону эффективности инноваций, даже для тех, кто входит в число лидеров. Также специалистами была отмечена необходимость привлечения различных отраслей рынка к развитию инноваций. Это позволит создать мультипликативный эффект. Таким образом, усиления данного эффекта можно добиться путем переноса данных мероприятий на региональный уровень и формирования сильной управленческой базы государственного уровня, состоящей из системы, механизмов и инструментов государственного управления.

Еще одной из оценочных характеристик, показывающих высокое инновационное развитие стран мира, является отчет о глобальной конкурентоспособности, который представлен в виде ежегодного до-

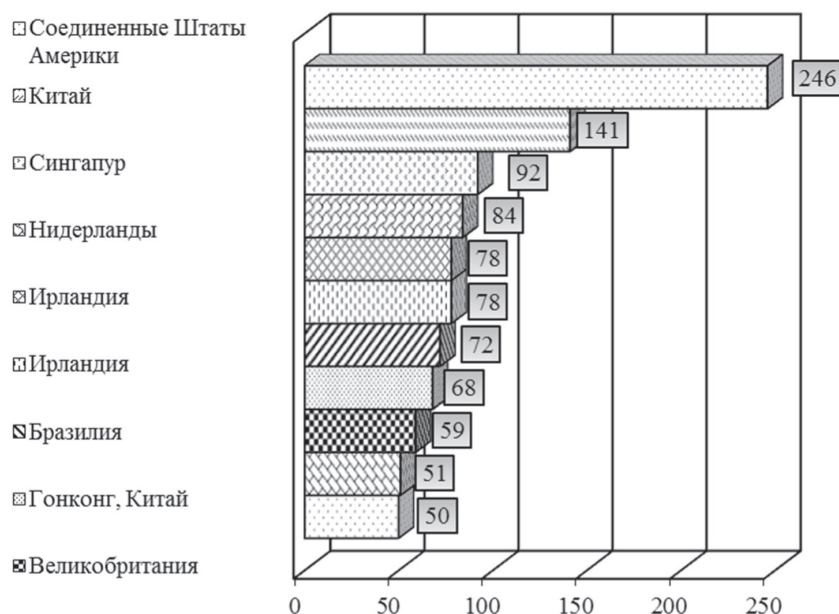

Рисунок 2. Лидеры по поступлениям прямых иностранных инвестиций, млрд долл. [1]

клада Всемирного экономического форума. Начиная с 1979 года каждый год представляются доклады данной организации. Основой формирования рейтинговых позиций являются статистические данные стран и результаты опроса руководителей организаций.

Основу отчета Всемирного экономического форума составляют два индекса: индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI) и индекс конкурентоспособности бизнеса (Business Competitiveness Index, BCI). Итоговым обобщенным оценочным средством рейтинга конкурентоспособности стран является индекс глобальной конкурентоспособности (GCI). Он был сформирован в 2004 году профессором Колумбийского университета Ксавье Сала-и-Мартинном для Всемирного экономического форума. Все составляющие индекса объединены в 12 основных групп показателей, позволяющих максимально точно определить национальную конкурентоспособность. Одной из групп показателей является инновационный потенциал, с развитием которого тесно связаны и другие группы показателей, среди которых: результативность рынка труда, качество институциональной составляющей, стабильность по макроэкономическим показателям, качество инфраструктуры, качество начального образования, уровень подготовки в рамках высшего образования и повышения квалификации, здоровье, конкурентоспособность организаций, развитие рынка товаров и услуг, уровень технологий, развитие финансового рынка, размер внутреннего рынка.

По мнению экспертов высокие позиции в рейтинге свойственны странам с высокой поддержкой государства в развитии инноваций, а также с направлением инвестиций в инновационную сферу. При этом степень влияния данных составляющих на экономику стран является разной.

Анализ рейтинга глобальной конкурентоспособности за 2020 год [5] показал, что его лидерами являются страны – лидеры инновационного развития в соответствии с глобальным инновационным индексом за 2020 год. Так, по итогам 2020 года рейтинг глобальной конкурентоспособности возглавила Швейцария. Второе место занимает Швеция, Дания – на третьем месте, Нидерланды – на четвертом. Завершает пятерку лидеров Сингапур. Далее с пятого по десятое место занимают Норвегия, Гонконг (Китай), Тайвань (Китай), ОАЭ, США соответственно. Далее в десятке лидеров рейтинга: Финляндия (6 место), Люксембург (7), Ирландия (8), Канада (9) и Германия (10). Россия в данном рейтинге занимает 45 место (поднялась на 5 пунктов в рейтинге по сравнению с 2019 годом).

Ключевыми факторами экономических показателей по итогам 2020 года в рейтинге заняли инновации, социальные пособия, социальная сплоченность, цифровизация. Профессор Клаус Шваб, основатель и

президент Всемирного экономического форума, международной организации в области государственно-частного партнерства, отмечает, что «кризис еще больше усилил действие Четвертой Промышленной революции в торговле, навыках, оцифровке, конкуренции и занятости» [5], а также он подчеркнул «разрыв между экономическими системами и социальной устойчивостью» [5]. Поэтому странам, которые находятся в нижней строчке рейтинга (Монголия, Ботсвана, Южная Африка, Аргентина, Венесуэла) и не пользуются в значительной степени услугами компаний в сфере управленческого консультирования, достаточно сложно преодолеть данный экономический разрыв. Причин этому достаточно много, среди которых стоит назвать низкое финансирование инноваций, недостаточный объем нововведений по сравнению со странами – лидерами данных рейтингов, низкий уровень инновационной и инвестиционной инфраструктуры, недостаточная государственная поддержка инновационной составляющей (в том числе финансовая, информационная, организаторская).

Кризис, связанный с пандемией COVID-19, позволил еще более ускорить процессы, связанные с цифровизацией в странах с развитой экономикой. При этом еще сложнее стало достичь лидирующих показателей инновационного развития странам, отстававшим до кризиса. Решить данную проблему для стран с низким уровнем инновационного, в том числе и цифрового, развития достаточно сложно без привлечения консалтинговых компаний, обладающих значительным багажом опыта, знаний, профессиональных характеристик в данной отрасли, а также формирования концептуальной основы поддержки инновационного развития на государственном уровне.

Анализ показал, что в пятерку лидеров компаний по выручке от консалтинговых услуг в России (по данным рейтингового агентства «РАЭК Аналитика») входят международные компании EY, PwC, KPMG [4] со штаб-квартирами в странах – лидерах по инновационному развитию (см. Рисунок 3).

Также стоит отметить, что спрос на консалтинговые услуги растет. Так, по сравнению с 2017 годом в 2018 году у пятерки лидеров (ЛАНИТ, EY, PwC, KPMG, КРОК) выручка выросла соответственно на 26,2%, 5,8%, 17,5%, 39,6%, 27,9% [4]. Лидером рейтинга является компания «ЛАНИТ» (прямой или косвенный акционер с долей больше 50%, также владеет долей больше 50%, находится в Италии).

Таким образом, опыт и экономические результаты зарубежных стран показывают необходимость и эффективность государственной поддержки инновационного развития предприятий, как оказывающих консультационные услуги, так и их получающие. А также в быстроменяющихся условиях реализации современных экономических процессов уровень при-

нения управленческих решений перемещается с общегосударственного на региональный.

Поэтому, с целью поддержания вектора инновационного развития страны на постоянной основе, актуальным является формирование комплексного

механизма управления инновационным развитием региона (см. Рисунок 4), который позволит системно подойти к решению вопросов инновационного развития регионов и усилит концентрацию действий органов государственной власти на его ключевых со-

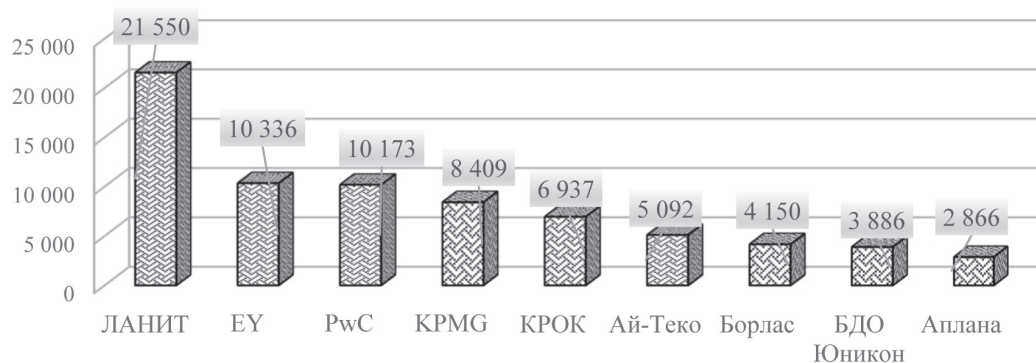

Рисунок 3. Рейтинг компаний по выручке от консалтинговых услуг в России по итогам 2018 года, млн рублей

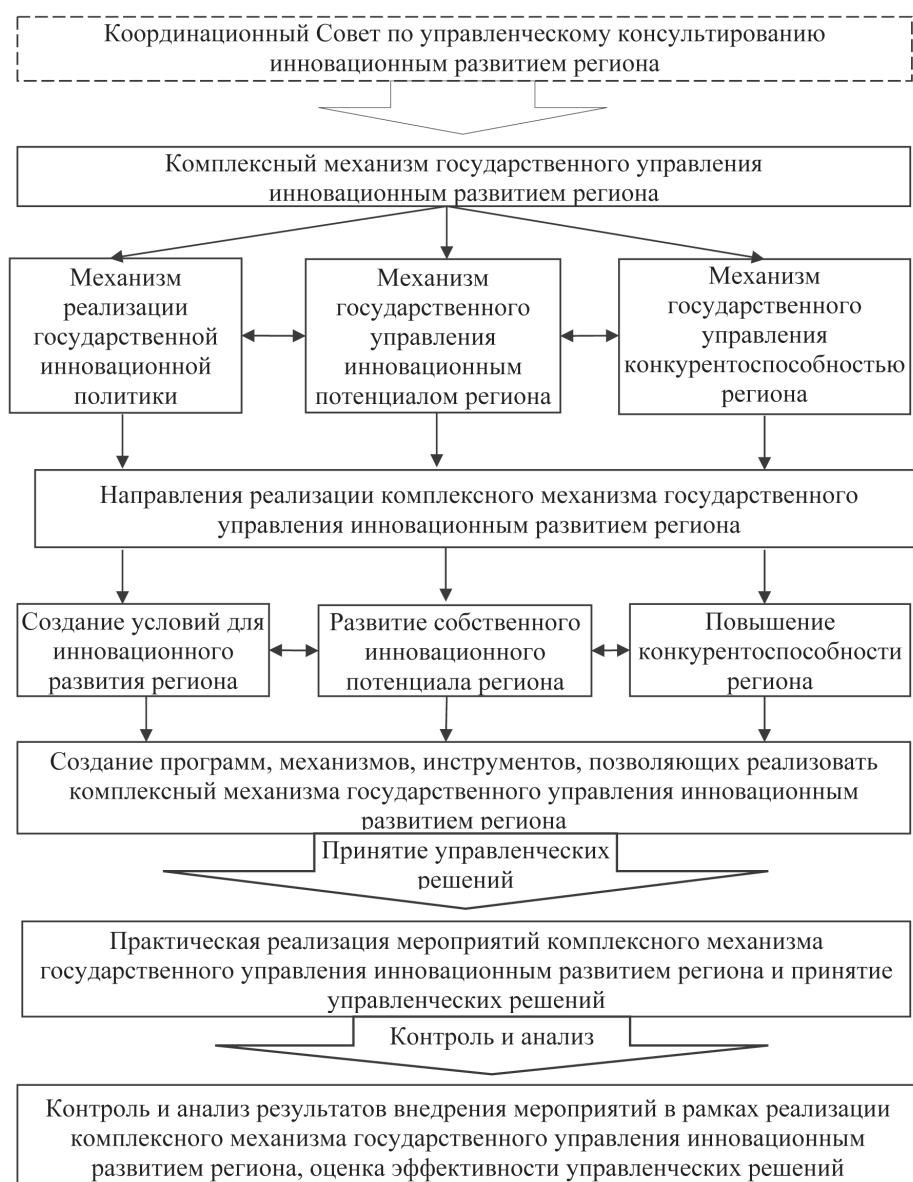

Рисунок 4. Комплексный механизм государственного управления инновационным развитием региона

ставляющих (механизм реализации государственной инновационной политики, механизм государственного управления инновационным потенциалом региона, механизм государственного управления конкурентоспособностью региона), а также позволит их эффективно реализовать на основе предложенных направлений (создание условий для инновационного развития региона, развитие собственного инновационного потенциала региона, повышение конкурентоспособности региона).

Результаты реализации комплексного механизма управления инновационным развитием региона должны быть получены с путем реализации управленческих функций – контроль и анализ. Реализация данных функций может быть осуществлена с помощью внедрения инструментов оценки эффективности управленческих решений, разработанной с учетом опыта зарубежных стран-лидеров в сфере инновационного развития и с применением методик, апробированных при формировании международных рейтингов и аналитических докладов.

Таким образом, определена необходимость и потребность в обеспечении реализации комплексного механизма государственного управления инновационным развитием региона, которая в современных условиях усиливается и усложняется несистематичностью и фрагментарностью практики инновационной деятельности, нежеланием субъектов экономических отношений принимать участие в инновационном процессе в связи с недостатком информированности и квалификации в вопросах управления инновациями, а также высокими темпами изменений среды функционирования организаций. В рамках реализации комплексного механизма государственного управления инновационным развитием региона видится потребность в создании Координационного Совета по управленческому консультированию инновационным развитием региона, основной целью деятельности которого будет решение проблемы в устранении дисбаланса между существующим и желаемым уровнем инновационного развития экономики региона, решение

вопросов организации и управления инновационной деятельностью региона с применением инструментов управленческого консультирования и привлечением для этого специалистов соответствующего уровня квалификации.

Если управленческое консультирование позволяет дать квалифицированную оценку и рекомендации в рамках стратегического управления, управления человеческим капиталом, маркетинга, создания эффективной системы управления, то основной задачей управленческого консультирования инновационным развитием региона должно стать повышение уровня качества бизнеса, обеспечение его инновационного развития и конкурентоспособности, в том числе, на мировом рынке посредством консультаций с применением управленческих инноваций.

Предложенный подход заключается в формировании комплексного механизма государственного управления инновационным развитием региона. Основной структурной единицей государственной власти, отвечающей за результаты его реализации и предлагаемой к созданию, является Координационный Совет по управленческому консультированию инновационным развитием региона, способный к аккумуляции высококвалифицированных экспертов в области управления и инноваций, власти, бизнес-сообщества и ученых.

Результатом реализации данного подхода является повышение уровня инновационного развития регионов, их конкурентоспособности, а также сбалансированного развития инновационной деятельности региона и страны в целом.

Дальнейшие исследования предполагают трансформацию системы государственного управления с акцентом на внедрение практики применения инструментов управленческого консультирования в контексте обеспечения развития инновационной деятельности регионов и стран в целом, для достижения стратегических целей государства, которые, в свою очередь, проектируются на уровень регионов и муниципальных образований.

Список литературы

1. The Global Innovation Index: Report 2020 [Электронный ресурс] // INSEAD. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (дата обращения: 11.08.2021).
2. Francis Gurry. INSEAD: issues the global innovation index 2011 [Электронный ресурс] // INSEAD. Режим доступа: https://www.insead.edu/news/2011-global_innovation_index (дата обращения: 18.08.2021).
3. Bruno Lanvin. The Global Competitiveness Index: Report 2020 [Электронный ресурс] // INSEAD. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (дата обращения: 23.08.2021).
4. Список крупнейших российских консалтинговых групп и компаний по итогам 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт рейтингового агентства ООО «РАЭК-Аналитика». Режим доступа: <https://raex-a.ru/printtable/?path=/consult/2018/main> (дата обращения: 23.08.2021).
5. The Global Competitiveness Index: Report 2020 [Электронный ресурс] // Global Economic Forum. Режим доступа: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/> (дата обращения: 19.08.2021).

References

1. The Global Innovation Index: Report 2020 [Elektronnyy resurs] // INSEAD. Rezhim dostupa: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (data obrashcheniya: 11.08.2021).
2. Francis Gurry. INSEAD: issues the global innovation index 2011 [Elektronnyy resurs] // INSEAD. Rezhim dostupa: https://www.insead.edu/news/2011-global_innovation_index (data obrashcheniya: 18.08.2021).
3. Bruno Lanvin. The Global Competitiveness Index: Report 2020 [Elektronnyy resurs] // INSEAD. Rezhim dostupa: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (data obrashcheniya: 23.08.2021).
4. Spisok krupneyshikh rossiyskikh konsaltingovykh grupp i kompaniy po itogam 2018 goda [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt reytingovogo agentstva OOO «RAEKS-Analitika». Rezhim dostupa: <https://raex-a.ru/printtable/?path=/consult/2018/main> (data obrashcheniya: 23.08.2021).
5. The Global Competitiveness Index: Report 2020 [Elektronnyy resurs] // Global Economic Forum. Rezhim dostupa: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/> (data obrashcheniya: 19.08.2021).

Фоломеев Сергей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Международного права и политологии,
Самарский государственный экономический университет, город Самара,
cissime@yandex.ru

Подкопаев Олег Александрович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и управления социально-культурной
деятельностью, Самарский государственный институт культуры, город Самара,
samin-conf@list.ru

СТАТИСТИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРЕВОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Целью работы является определение существующего уровня финансирования высшего образования в стране за последние годы, исходя из имеющихся прямых и косвенных статистических данных, динамики процесса его финансирования по годам, существующих тенденций в рамках указанной проблемы, их влияния на развитие высшего образования в России.

Методом исследования выступает анализ (количественный и качественный) официальной статистики Росстата по финансированию высшего образования в РФ в указанные годы с дополнением и корректировкой ее статистической информацией сборников НИУ ВШЭ. Выбор указанного метода исследования связан с тем, что статистика Росстата по данному вопросу при условии ее достоверности не дает полного представления о финансировании высшего образования в стране. Опираясь на прямые и косвенные статистические данные, авторами представлен анализ финансирования высшего образования в Российской Федерации за 2000-2018 годы, выявлена динамика расходов на его содержание по указанным годам, обозначена тенденция сокращения бюджетного финансирования высшего образования на протяжении последних лет по всем представленным параметрам; констатируется стремление государства переложить бремя финансовых расходов на содержание высшего образования на средства организаций и населения, внебюджетные фонды и иностранные источники, которые в сложившихся условиях не могут рассматриваться в качестве серьезных источников его финансирования; обозначена тенденция сокращения финансирования научных исследований и разработок в государственных, муниципальных и частных организациях высшего образования и неустойчивый, разнонаправленный тренд финансовых трат на прочие виды деятельности, преимущественно из внебюджетных фондов.

Ключевые слова: Российская Федерация, высшее образование, источники финансирования, современное состояние, динамика, тенденции и перспективы развития

Sergey N. Folomeev,

Ph.D. of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of International law and political science,
Samara state university of economics, Samara,
cissime@yandex.ru

Oleg A. Podkopaev,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Economics and management
of socio-cultural activities, Samara state Institute of Culture, Samara,
samin-conf@list.ru

HIGHER EDUCATION FUNDING STATISTICS IN CONTEMPORARY RUSSIA: ALARMING TRENDS

Abstract. The purpose of this work is to determine the current level of financing of higher education in the country in recent years, based on the available direct and indirect statistical data, the dynamics of the process of financing it over the years, existing trends within the framework of this problem, and their impact on the development of higher education in Russia. The research method is the analysis (quantitative and qualitative) of the official statistics of Rosstat on the financing of higher

education in the Russian Federation in the indicated years, with the addition and correction of its statistical information from the collections of the NRU HSE. The choice of this research method is due to the fact that the statistics of Rosstat on this issue, provided it is reliable, does not give a complete picture of the financing of higher education in the country. Based on direct and indirect statistical data, the author presents an analysis of the financing of higher education in the Russian Federation for 2000-2018, reveals the dynamics of expenditures for its maintenance for the specified years, indicates a tendency to reduce budgetary financing of higher education over the past years for all the parameters presented; the state's desire was stated to shift the burden of financial expenses for the maintenance of higher education to the funds of organizations and the population, extra-budgetary funds and foreign sources, which in the current conditions cannot be considered as serious sources of its financing; the tendency of reducing funding for research and development in state, municipal and private institutions of higher education and an unstable, multidirectional trend of financial spending on other types of educational activities, mainly from extra-budgetary funds, are indicated.

Keywords: Russian Federation, higher education, sources of funding, current state, dynamics, trends and development prospects

Финансирование высшего образования в России является важным показателем его нынешнего состояния и говорит о перспективах его дальнейшего развития. От уровня его финансирования и качества выпускаемых специалистов во многом зависит появление новых технологий во всех отраслях экономики, конкурентоспособность выпускаемых товаров и услуг, востребованность специалистов на рынке труда, обороноспособность страны, качество жизни граждан и др.

Его уровень в определенной степени можно представить только исходя из косвенных данных официальной статистики, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме. В официальных статистических данных Росстата представлена только динамика численности студентов по годам и формам обучения, оснащенность учебного процесса компьютерами, используемых в учебных целях (имеющих и не имеющих доступ к интернету), количественный и качественный состав профессорско-преподавательского персонала, но отсутствует раздел «Финансирование высшего образования». В силу явной недостаточности официальной статистики по данному вопросу, рассматривать проблему финансирования высшего образования в стране в указанные годы без привлечения статистической информации сборников НИУ ВШЭ не представляется возможным.

Различные аспекты современного состояния высшего образования в России только за последнее время нашли отражение в ряде публикаций и диссертациях [1] исследователей, которые рассматривали особенности финансирования различных моделей развития высших учебных заведений [2], проблемы финансирования высшего образования в современных условиях на материалах российской государственной статистики и международного опыта [3], проблемы бюджетного финансирования вузов и оценку результативности их деятельности [4], сравнительный анализ финансирования высшего образо-

вания в России и развитых странах [5], политэкономический анализ динамики развития системы высшего образования в России [6], сравнительный анализ финансирования образования в Российской Федерации и ряде других государств по широкому спектру параметров [7] и так далее.

Тема изучения финансирования высшего образования в стране при всей её актуальности и многообразии исследуемых авторами проблем в последнее время как бы отошла на второй план. Проблемы высшего образования в России не обсуждались на «прямой линии» с Президентом В.В. Путиным 20 июня 2019 года. Еще одной вероятной причиной «вторичности» данной проблемы является то, что официальные данные Росстата слабо отражают эту проблему. Российские статистические ежегодники не содержат раздела «Финансирование образования», включая и высшее. И это тенденция не одного года. Несколько восполняют дефицит статистической информации по этой проблеме статистические сборники НИУ ВШЭ. Кроме того, в обществе бытует устойчивое мнение, что в постперестроечное время и в XXI веке финансирование образования в стране осуществляется по остаточному принципу. Все это заставляет пристальнее взглянуть на проблему.

Возьмем некоторые ключевые показатели из статистического ежегодника Росстата за 2018 год, косвенно отражающие финансирование высшего образования в России и показывающие размеры финансирования по годам.

Эти статистические данные наглядно показывают динамику роста числа образовательных организаций с 2000/2001 г. (965) до 2012/2013 г. (969) при max в 2010/2011 гг. (1115) при тенденции сокращения их уже с 2011/2012 г. при min в 2017/2018 гг. (766). Таким образом, в 2013/2014 гг. мы по числу образовательных учреждений вернулись к уровню 2000/2001 гг. и далее началось их быстрое сокращение. Глава Рособнадзора Сергей Кравцов заявил, что в России в 2018

Таблица 1.

Образовательные организации высшего образования и научные организации, осуществляющие образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры [8]

Годы	Число организаций	Численность студентов – всего, тыс. человек	в том числе по формам обучения			На 10 000 человек приходилось студентов
			очная	очно-заочная	заочная	
2000/2001	965	4741,4	2625,2	302,2	1761,8	324
2010/2011	1115	7049,8	3073,7	304,7	3557,2	493
2011/2012	1080	6490,0	2847,7	263,4	3287,7	454
2012/2013	1046	6075,4	2724,3	229,7	3051,4	424
2013/2014	969	5646,7	2618,8	189,2	2838,6	393
2014/2015	950	5209,0	2575,0	158,5	2475,5	356
2015/2016	896	4766,5	2379,6	149,1	2237,8	325
2016/2017	818	4399,5	2403,0	124,2	1872,3	300
2017/2018	766	4245,9	2380,5	135,0	1730,4	289

году закрыто 50 вузов, которые не соответствовали качеству предоставляемых услуг [9]. Данная тенденция по сокращению вузов обозначилась достаточно давно, но значит ли она, что возросло качество высшего образования в России?

Тоже самое происходит и с численностью студентов за указанные годы. Число студентов в 2000/2001 гг. достигает 4741,4 тыс. чел. (max – 7049,8 тыс. в 2010/2011 г.) и затем оно поступательно сокращается до уровня 2000/2001 гг. в 2015/2016 г. (4766,5 тыс.) и продолжает падать до 4245,9 тыс. в 2017/2018 гг.

Наиболее качественная из всех форм обучения – очная, демонстрирует нам ту же динамику: уровня 2000/2001 гг. – 2625,2 тыс. (max в 2010-2011 гг. – 3073,7 тыс.) мы вновь достигаем в 2013/2014 гг. – 2618,8 тыс. и обнаруживаем дальнейшее падение численности студентов до 2380,5 тыс. в 2017/2018 гг. Число студентов по очно-заочной форме обучения сократилось за эти годы в 2,2 раза с 302,2 тыс. до 135,0 тыс. чел. Не устояла и заочная форма обучения. По словам ректора НИУ ВШЭ Ярослава Кузьмина, более 50% студентов обучаются в России заочно, при том, что такое обучение финансируется государством в 10 раз меньше, чем очное [10]. По словам руководителя Рособранд-

зора Сергея Кравцова 94% выпускников вузов не в состоянии работать по специальности «вследствие отсутствия необходимых знаний» [11].

Сокращение численности студентов на 10000 населения указывает на неблагоприятную тенденцию в сфере высшего образования: в 2000-2001 гг. мы имели 324 студента на 10000 населения (max – 2010-2011 гг. – 493 чел.) и далее начинается существенное сокращение студентов до 289 в 2017-2018 гг.

На сокращение финансирования высшего образования за последние годы косвенно указывает и сокращение количества компьютеров, используемых в учебных целях.

Из Таблицы 2 мы видим количественное сокращение электронных средств обучения, используемых в учебных целях начиная с 2015 по 2017 год. Возникает вопрос и качественного использования указанных компьютеров. Как правило, ими оснащены библиотеки, компьютерные классы, что позволяет студентам использовать их для подготовки к занятиям и выполнения докладов, рефератов, курсовых работ и др. во внеучебное время. Но компьютеров, как правило, нет в учебных аудиториях, что делает невозможным их применение непосредственно в учебном процессе в

Таблица 2.

Электронные средства обучения в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры [12]

	2010	2015	2016	2017
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, тыс. шт.	643,3	712,4	696,0	684,3
из них:				
в составе локальных вычислительных сетей	548,0	631,1	626,9	613,7
имевшие доступ к сети Интернет	504,2	639,3	628,9	617,0
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, на 1000 студентов, шт.	177	273	269	266
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, имевших доступ к сети Интернет, на 1000 студентов, шт.	138	245	243	240

ходе лекций, семинарских занятий, что негативно отражается на цифровой трансформации экономики и учебного процесса.

О неблагополучии в сфере финансирования высшего образования свидетельствует и сокращение численности профессорско-преподавательского персонала учебных заведений за последние годы, что, безусловно, сказывается на его качестве.

Из Таблицы 3 видно, что численность профессорско-преподавательского персонала начала снижаться с 2010/2011 гг. и в 2017/2018 гг. сравнялась или опустилась ниже показателей 2000/2001 гг. В худшую сторону изменился и качественный состав преподавательских кадров, что не могло не сказаться на престиже и качестве высшего образования в стране.

Указанная тенденция проявилась и в снижении численности студентов, принятых на существующие формы обучения высшего образования.

В Таблице 4 также показана, хотя и неуверенная, но достаточно отчетливо выраженная динамика снижения приема студентов по всем формам обучения за указанные годы, которая коррелируется с данными Таблицы 1.

Представленные косвенные данные указывают на явный недостаток финансирования высшего образования (видна очевидная отрицательная динамика), хотя это и не нашло прямого отражения в денежном исчислении.

Несколько восполняют дефицит информации по проблеме финансирования высшего образования

Таблица 3.

Численность профессорско-преподавательского персонала в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры [13] (тыс. чел.)

	2000/2001	2010/2011	2015/2016	2016/2017	2017/2018
Численность профессорско-преподавательского персонала – всего	279,6	356,8	279,8	261,0	245,1
в том числе имеют:					
ученую степень					
доктора наук	29,7	44,0	42,4	40,3	38,4
кандидата наук	131,1	185,5	160,0	149,8	141,7
ученое звание					
профессора	28,8	35,8	30,7	28,5	26,2
доцента	94,2	115,7	100,3	94,6	90,9

Таблица 4.

Прием на обучение в образовательные организации высшего образования и научные организации по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по формам обучения (тыс. чел.) [14]

	Принято студентов – всего	В том числе по формам обучения		
		очная	очно-заочная	заочная
Всего				
2000	1292,5	687,5	81,9	503,4
2010	1399,5	659,6	52,4	672,1
2011	1207,4	628,0	40,4	532,7
2012	1298,2	673,4	40,8	578,4
2013	1246,5	664,5	34,6	547,4
2014	1191,7	653,7	32,4	505,6
2015	1221,8	676,2	36,3	509,3
2016	1157,8	674,3	34,4	449,1
2017	1142,0	669,5	45,4	427,2
Государственная и муниципальная организация – всего				
2000	1140,3	621,9	69,1	429,8
2010	1195,4	628,1	41,1	515,6
2011	1057,7	604,2	32,9	418,0
2012	1111,6	642,5	33,1	433,2
2013	1066,8	631,2	28,9	406,7
2014	1020,8	620,1	26,9	373,8
2015	1049,6	647,0	30,7	371,8
2016	1038,2	650,1	31,4	356,7
2017	1034,3	645,8	33,8	354,6

в стране статистические сборники НИУ ВШЭ, в которых в отличие от данных Росстата есть раздел «Финансирование образования».

Представленные показатели из данной комбинированной таблицы указывают на снижение финансирования высшего образования начиная с 2015 года.

Из представленной Таблицы 6 видно, что уменьшение финансирования высшего образования начинается с 2014 года., в том числе, по разделу «все-

го» средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов и средств населения происходит незначительно (в пределах 2-10% от предыдущего года) и немного увеличиваются расходы средств организаций (на 2%), в то время как внебюджетные фонды выросли в 2,96 раза, а иностранные источники – в 1,69 раза с 2013 года.

По разделу «государственные и муниципальные организации»: если расходы федерального бюд-

Таблица 5.

Государственные расходы на высшее образование в РФ в 2000-2016 годы [15, с. 82-84]

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Высшее и послевузовское образование (млрд руб.).	24,4	125,9	377,8	416,8	464,0	512,5	519,7	517,1	505,3
В % к ВВП	–	0,6	0,8	–	–	–	0,7	0,6	0,6
В расчете на одного обучающегося:									
в текущих ценах (тыс. руб.)	12,1	58,3	193,0	223,3	257,1	295,8	311,1	330,8	322,1
в постоянных ценах 2016 г.	76,7	168,1	309,1	308,6	325,6	355,4	347,8	342,3	322,1

Таблица 6.

Объем средств образовательных организаций высшего образования по источникам финансирования [15, с. 98]

	Всего				Государственные и муниципальные организации	Частные организации
	2013	2014	2015	2016	2016	2016
	Миллионы рублей					
Объем средств-всего	739134,2	781671,7	768246,8	750142,8	707912,8	42229,9
Бюджетные средства	426461,7	460806,1	438103,9	417840,2	416541,7	1298,4
В том числе бюджетов:						
федерального	408972,7	438200,2	416297,2	397261,6	396130,7	1130,9
субъектов РФ	16939,5	20477,0	20467,3	20021,7	19870,2	151,5
местных	579,4	2128,9	1339,3	556,8	540,8	16,0
Средства организаций	100176,0	91533,9	93971,4	96408,2	88533,8	7874,4
Средства населения	201274,5	210915,1	212899,6	210589,4	178812,9	31776,5
Внебюджетные фонды	4937,6	9981,6	12330,8	14633,0	13812,4	820,5
Иностранные источники	6284,4	8435,0	10941,2	10672,0	10212,0	460,1
	Проценты					
	2013	2014	2015	2016	2016	2016
	Проценты					
Объем средств – всего	100	100	100	100	100	100
Бюджетные средства	57,7	59,0	57,0	55,7	58,8	3,1
В том числе бюджетов:						
федерального	55,3	56,1	54,2	53,0	56,0	2,7
субъектов РФ	2,3	2,6	2,7	2,7	2,8	0,4
местных	0,1	0,3	0,2	0,1	0,1	0,0
Средства организаций	13,6	11,7	12,2	12,9	12,5	18,6
Средства населения	27,2	27,0	27,7	28,1	25,3	75,2
Внебюджетные фонды	0,7	1,3	1,6	2,0	2,0	1,9
Иностранные источники	0,9	1,1	1,4	1,4	1,4	1,1

жета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов демонстрируют незначительную отрицательную динамику (от 2 до 10%), несколько возросли расходы средств организаций и групп населения (5-12%), а внебюджетные фонды и иностранные источники увеличились соответственно в 3,07 и 1,8 раза.

По разделу «частные организации» сокращение значительное: объем средств «всего» с 2014 г. сократился на 25%, бюджетных средств – на 18%, федерального бюджета – на 2%, бюджетов субъектов РФ сократился с 2013 г. на 86%, местных бюджетов с 2014 г. – в 12,23 раза, средства организаций, испытывая противоречивую динамику, увеличились на 1%, средства населения с 2014 г. сократились на 34 %, внебюджетные фонды с 2013 по 2015 гг. уменьшились на 9,2% и возросли к 2016 г. в 2,03 раза, иностранные источники с 2013 по 2014 г. сократились на 1% и возросли к 2015 г. в 1,89 раза и вновь сократились к 2016 г. в 2,53 раза. Соответствующая динамика по разделам и группам показана и в процентном отношении.

Таким образом, можно говорить о сокращении бюджетного финансирования высшего образования в указанные годы со стороны всех представленных бюджетов (федерального, субъектов, местных), постепенного перекалывания финансовой нагрузки со стороны федеральных и местных властей на сред-

ства организаций и, в особенности, населения (при сокращении финансирования населением частных организаций в силу их реорганизации и последующего закрытия), необходимости резкого увеличения финансирования высшего образования со стороны внебюджетных фондов и иностранных источников для государственных и муниципальных организаций и противоречивой динамике по данным группам для частных организаций.

Таблица 7 отражает снижение финансирования высшего образования и по видам деятельности. Так, в разделе «образовательная деятельность» за 2015-2016 гг. (как и предшествующие годы) объем средств «всего» сократился на 2,8 %, бюджетные средства – на 4,5 %, средства организаций – на 10 %, иностранные источники – на 9%. Практически те же тенденции раздела «образовательная деятельность» представлены в группе «государственные и муниципальные организации». Объем средств всего сократился на 1,6%, бюджетных средств – на 4,5%, средств организаций – на 12,4% и наоборот, возросло финансирование образовательной деятельности из средств населения на 4,8%, из иностранных источников – на 20,6 % при сокращении расходов внебюджетных фондов – на 27%.

Несколько иначе выглядит раздел «образовательной деятельности» в группе «частные организа-

Таблица 7.

Объем средств образовательных организаций высшего образования по источникам финансирования и видам деятельности [16, с. 99]

	Млн рублей				
	Всего		Образовательная деятельность	Научные исследования и разработки	Прочие виды деятельности
	2015	2016	2016	2016	2016
	Всего				
Объем средств – всего	768246,8	750142,8	523826,1	91694,9	134621,8
Бюджетные средства	438103,9	417840,2	311959,8	38524,9	67355,5
Средства организаций	93971,4	96408,2	18842,1	47901,4	29664,6
Средства населения	212899,6	2105879,4	182788,5	2461,1	25339,8
Внебюджетные фонды	12330,8	14633,0	1722,8	1623,6	11286,6
Иностранные источники	10941,2	10672,0	8512,9	1183,8	975,3
Государственные и муниципальные организации					
Объем средств – всего	718172,8	707912,8	488243,9	88887,0	130781,9
Бюджетные средства	436626,8	416541,7	310983,5	38301,0	67257,2
Средства организаций	86653,3	88533,8	15678,3	45841,5	27013,9
Средства населения	173191,5	178812,9	152482,4	2025,1	24305,4
Внебюджетные фонды	11928,1	13812,4	1006,9	1545,9	11259,7
Иностранные источники	9773,2	10212,0	8092,8	1173,6	945,6
Частные организации					
Объем средств – всего	50074,0	42229,9	35582,2	2807,8	3839,9
Бюджетные средства	1477,1	1298,4	976,3	223,9	98,2
Средства организаций	7318,1	7874,4	3163,8	2059,9	2650,7
Средства населения	39708,1	31776,5	30306,1	436,1	1034,4
Внебюджетные фонды	402,7	820,6	715,9	77,7	26,9
Иностранные источники	1168,0	460,1	420,1	10,3	29,7

ции» за 2015-2016 гг. Объем средств всего сократился за это время на 19,8 %, бюджетных средств – на 1,1%, средств населения – на 22,6%, иностранные источники сократились в 2,6 раза, но возросли средства организаций – на 2%, внебюджетные фонды – в 2,61 раза. Эти разнонаправленные тенденции можно объяснить снижением покупательной способности населения, серьезным осложнением отношений с зарубежными инвесторами и восполнением необходимого финансирования через внебюджетные фонды.

Наиболее рельефно негативные тенденции недофинансирования высшего образования по всем позициям проявились в разделе «*научные исследования и разработки*». Объем средств всего упал на 4%, бюджетных средств – на 8%, средств организаций – на 1,1%, средств населения – на 4,4%, средств внебюджетных фондов – на 14%, иностранных источников – на 40,6%. Устойчивые минусовые показатели характерны для государственных и муниципальных организаций по разделу «*научные исследования и разработки*». Объем средств всего сократился на 4,6%, бюджетных средств – на 7,9%, средства организаций почти не сократились (0,9%), средства населения сократились на 1,6%, внебюджетных фондов – на 12,9%, иностранных источников – на 36,9%.

Еще более удручающе выглядит картина финансирования научных исследований и разработок в разделе «*частные организации*»: объем средств всего сократился на 12,1%, бюджетных средств – на 33,6%, средств организаций – на 5,5%, средств населения – на 17,2%, внебюджетных фондов – на 36,1%, а иностранных источников – в 5,61 раза. Здесь также видна устойчивая тенденция недофинансирования высшего образования по всем критериям, которая может быть объяснена тем, что государство стремится перенести свои социальные обязательства по его финансированию на другие источники поступления средств, а те, в свою очередь, не готовы вкладывать деньги в научные разработки, как долго окупаемые и высокорисковые инвестиции.

Разнонаправленные тенденции финансирования высшего образования проявились в разделе «*прочие виды деятельности*»: объем средств всего возрос на 1%, средств организаций – на 19,7%, внебюджетных фондов – на 26,4 %, в то время как бюджетные средства сократились на 4,3%, средства населения – на 9,6%, иностранные источники – на 51,3%.

Группа «*государственные и муниципальные организации*» в разделе «*прочие виды деятельности*» выглядит следующим образом: объем средств всего сократился на 1,4%, бюджетные средства – 4,2%, средства населения – на 5,9%, иностранные источники – на 54,2%, в то время как средства организации возросли на 18,8%. В группе «*частные организации*» раздела «*прочие виды деятельности*» объем средств

всего сократился на 11,6%, бюджетные средства – на 93,3%, средства населения – на 94,8%, а средства организаций увеличились на 29,7%, внебюджетные фонды – на 17,4%, иностранные источники – на 69,7%.

Начиная с 2017 года размер государственного финансирования высшего образования незначительно возрос (2016 г. – 505,3 млрд руб., 2017 г. – 511,0 млрд руб., 2018 г. – 554,2 млрд руб.) [17]. Статистические данные об ассигнованиях на гражданскую науку из средств федерального бюджета в постоянных ценах 2000 года указывают, что на эти цели в 2013 году было выделено 80580,1 млн рублей, а в 2017 г. только 56636,2 млн руб. [18, с. 85]. Эта тенденция отражена и в ассигнованиях на гражданскую науку из средств федерального бюджета в процентах к валовому внутреннему продукту: 2013 г. – 0,58 %, 2017 г. – 0,41% [18, с. 86]. Увеличение общего количества средств на финансирование высшего образования в 2017-2018 гг. корректируется уровнем инфляции в стране и возможным увеличением расходов на науку, идущих на военные цели. Данный подход определен и на будущее. Так Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» предусматривает снижение финансирования образования в целом на 9,564 млрд руб. [19]. Ранее принятая Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривала иные подходы к финансированию образования в целом [22]. К 2020 году они должны были составить 6,5-7% ВВП. На деле же они сократились до 3,5% ВВП. С 2013 по 2019 г. федеральные расходы на высшее образование упали с 661 до 458 млрд руб. Об этом уже в начале 2019 года писали не только профессионалы-экономисты, но и журналисты [21]. В соответствии со «Стратегией 2020» планировалось увеличение финансирования высшего образования через государственные фонды, опережающий рост частных инвестиций по сравнению с темпами роста государственного финансирования, увеличение доли финансирования из негосударственных источников (частного сектора), развитие государственно-частного партнерства, финансирование регионами и так далее при сокращении в целом государственного софинансирования [22, с. 4,26,27,31,35,80,106]. На это указывают и целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Так, планировалось сократить внутренние затраты на исследования и разработки из бюджетных средств с 69% в 2010 г. до 43% в 2020 г., и увеличить приток внебюджетных средств с 31% в 2010 г. до 51% в 2020 г. [22, с. 13].

Однако в значительной мере реализовать это не удалось. В том числе и из-за недостатка финансирования не удалось решить задачи должной финансовой поддержки национальных исследовательских

университетов, формирования национальных исследовательских центров, технопарков, наукоградов, бизнес-инкубаторов и др., не удалось преодолеть проблему старения научных кадров, проблему привлечения в науку молодых специалистов, увеличить долю публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, увеличить количество цитирований из расчета на одну публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science, увеличить количество российских вузов, входящих в число 200 ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов, достичь планируемых показателей по компьютеризации учебных аудиторий в вузах, увеличения их материальной базы и др.

В ходе подготовки статьи вышел сначала краткий, а затем полный статистический сборник «Индикаторы образования: 2020: статистический сборник» НИУ ВШЭ, в котором появились данные за 2017 г., а по некоторым разделам и за 2018 г., которые не изменили предшествующей динамики финансирования высшего образования в стране. Так расходы на высшее образование составили в 2017 г. 511,0 млрд руб., а в 2018 г. – 554,2 млрд руб. [23, с. 104]. Казалось бы, расходы возросли. Однако государственные расходы в процентах к валовому внутреннему продукту по разделу высшего образования сократились – 2017 г. 0,6%, а 2018 г. – 0,5% [23, с. 105]. Государственные расходы в расчете на одного обучающегося в текущих ценах в 2017 г. составили 318,5 тыс. руб., а в 2018 г. – 346,9 тыс. руб. В постоянных же ценах 2017 г. мы видим сокращение с 318,5 тыс. руб. до 314,5 тыс. руб. в 2018 году. [23, с. 106]. Указанный рост говорит лишь об инфляции за год. В то же время вырос объем платных услуг населению в системе образования. В 2016 году было оказано платных услуг на 567312 млн руб., а в 2017 году – на 613294 млн руб. В процентах к предшествующему году – 2016 г. 98,0%, 2017 г. – 102,3% [23, с. 107]. Представленные цифры наглядно говорят, что доступность для россиян высшего образования существенно снизилась и за указанные годы. Как видим предшествующая динамика сокращения государственных расходов на финансирование высшего образования и в последние годы не претерпела изменений.

Подводя итоги анализа Таблиц 6 и 7 и всего вышесказанного, можно констатировать явно просматриваемую тенденцию сокращения бюджетного финансирования высшего образования на протяжении ряда последних лет по всем представленным параметрам, стремление государства переложить бремя финансовых расходов на средства организаций и населения. Организации при всем желании не в состоянии оказались восполнить возникший дефицит финансирования высшего образования из-за сокра-

щения бюджетного финансирования всех уровней. Еще меньшими возможностями посильного поддержания финансирования высшего образования обладают средства населения, доходы которого в основной своей массе сокращаются на протяжении 5-6ти последних лет (по некоторым данным и ранее) и не могут рассматриваться в качестве серьезного источника его финансирования, хотя не вполне удачные попытки восполнения дефицита образовательных организаций высшего образования с его стороны были сделаны.

Образовательные организации, оказавшись в условиях последовательного урезания бюджетного финансирования всех уровней, предприняли попытки восполнить дефицит необходимых финансовых средств за счет пополнения разными способами внебюджетных фондов, причем при значительном увеличении общих расходов, затраты на образовательную деятельность и научные исследования и разработки в государственных и муниципальных организациях сократились, в то время как существенно выросло финансирование по разделу прочих видов деятельности, которые не способны оказать существенное влияние на качество высшего образования. Внебюджетные фонды в частных организациях при их значительном росте за последние годы, не имея возможности конкурировать с государственными и муниципальными организациями, предпочли осуществлять достаточное финансирование только образовательной деятельности как самой необходимой, сокращая траты на научные исследования и разработки и прочие виды деятельности. Иностранные источники оказались подвержены еще большей динамике снижения, чем все остальные, в силу непростых политических отношений с США, ЕС и их союзниками. Незначительное возрастание общего финансирования по этой группе источников характерно для государственных и муниципальных организаций, направленных на образовательную деятельность, при существенном сокращении финансирования научных исследований и разработок и прочих видов деятельности как высокорисковых в сложившихся условиях. Финансирование частных организаций из иностранных источников сократилось в разы за исключением прочих видов деятельности. Все эти, казалось бы, разнонаправленные тенденции не заслоняют главного: последовательного сокращения финансирования высшего образования из бюджетов всех уровней, стремление при профицитном бюджете переложить финансовую нагрузку на другие источники финансирования, выделяя в качестве приоритетных областей финансирования расходы на оборону, силовые структуры, крупные госкорпорации, ослабляя социальную сферу, снижая перспективы инновационного развития.

Список литературы

1. Калашникова О.В. Финансирование высшего образования в условиях перехода к инновационной экономике: автореф. дис. на соискание степени кандидата экономических наук. Иваново, 2011. 26 с.
2. Груздев Г.В., Платонова Ю.А. Проблемы финансирования высшего образования в контексте задач инновационного развития вузов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (2). С.75-80.
3. Арутюнов Ю.А. Некоторые проблемы финансирования высшего образования в России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова. 2014. № 4 (70). С. 3-12.
4. Ковельский В.В., Сидоренкова К.А. (2017). Проблемы бюджетного финансирования высших учебных заведений: анализ и совершенствование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика, экология. 2017. Т. 19. № 2 (39). С. 139-147.
5. Овчинникова О.П., Овчинникова Н.Э. Финансирование высшего образования в развитых странах и России: анализ современных тенденций // Финансы и кредит. Т.23. Вып. 38. 2017. С.2305-2316.
6. Чекумарев В.В., Носков В.А. Политэкономические оценки динамики развития системы образования России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 6 (164). С.14-22.
7. Разумовская Е.А., Ярин В.Ю. Финансирование образования как фактор стимулирования эффективности и качества трудовых ресурсов в России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 2(172). С. 52-61.
8. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 194. Табл. 7.28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (дата обращения – 15.07.2020).
9. Образование в России: противоречивые итоги 2018 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/fofstudents/obrazovanie-v-rossii-protivorechivye-itogi-2018-goda-5c1d497b511c7200ab98cd2e> (дата обращения.– 28.05.2020).
10. Главный тренд российского образования – цифровизация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ug.ru/article/1029> (дата обращения. – 15.06.2020).
11. Изменения в системе образования в 2018 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://obrmos.ru/go_school/Articles/go_school_2018_new.html (дата обращения. – 16.06.2020)
12. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 194. Табл. 7.29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (дата обращения – 15.07.2020).
13. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2018. С.195. Табл. 7.30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (дата обращения – 15.07.2020).
14. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2018. С. 195. Корректированная Табл. 7.31 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (дата обращения – 15.07.2020).
15. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун.-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2018/12/14/1144745709/io2018.pdf> (дата обращения – 15.07.2020).
16. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун.-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. Табл. 3.25. С.99. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2018/12/14/1144745709/io2018.pdf> (дата обращения – 15.07.2020).
17. Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун.-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. Табл. 2.3. С. 27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/os2019.PDF> (дата обращения – 17.07.2020).
18. Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др.; Нац. исслед. ун.-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2019/05/07/1502498137/in2019.pdf> (дата обращения – 17.07.2020).
19. Федеральный закон от 02.12.2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: publication.pravo.dov.ru/Document/View/0001201912030041?index=128;rangeSize=1 (дата обращения – 15.07.2020).
20. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf (дата обращения – 15.07.2020).
21. Тепляков С. «Стратегия 2020»: неутешительные итоги главной концепции страны. 2019. 1 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mbknews.today/sizhet/strategia-2020-neuteshitelnye-itogi (дата обращения – 15.07.2020).
22. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf (дата обращения – 15.07.2020)
23. Индикаторы образования: 2020: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Д.Р. Бородин, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун.-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. Государственные расходы на образование по разделам классификации расходов бюджета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/384499762.pdf> (дата обращения – 20.07.2020).

References

1. *Kalashnikova O.V.* Finansirovaniye vysshego obrazovaniya v usloviyakh perekhoda k innovatsionnoy ekonomike: avtoref. dis. na soiskaniye stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. Ivanovo. 2011. 26 s.
2. *Gruzdev G.V., Platonova Yu.A.* Problemy finansirovaniya vysshego obrazovaniya v kontekste zadach innovatsionnogo razvitiya vuzov // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012. № 2 (2). S.75-80.
3. *Arutyunov Yu.A.* Nekotoryye problemy finansirovaniya vysshego obrazovaniya v Rossii // *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V.Plekhanova*. 2014. № 4 (70). S. 3-12.
4. *Kovelskiy V.V., Sidorenkova K.A.* Problemy byudzhethnogo finansirovaniya vysshikh uchebnykh zavedeniy: analiz i sovershenstvovaniye // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. ekologiya*. 2017. T.19. № 2 (39). S. 139-147.
5. *Ovchinnikova O.P., Ovchinnikova N.E.* Finansirovaniye vysshego obrazovaniya v razvitykh stranakh i Rossii: analiz sovremennykh tendentsiy // *Finansy i kredit*. T.23. Vyp. 38. 2017. S. 2305-2316.
6. *Chekmarev V.V., Noskov V.A.* Politekonomicheskiye otsenki dinamiki razvitiya sistemy obrazovaniya Rossii // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018. № 6 (164). S. 14-22.
7. *Razumovskaya E.A., Yarin V.Yu.* Finansirovaniye obrazovaniya kak faktor stimulirovaniya effektivnosti i kachestva trudovykh resursov v Rossii // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2019. № 2(172). S. 52-61.
8. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M., 2018. S. 194. Tabl. 7.28. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (data obrashcheniya – 15.07.2020).
8. Obrazovaniye v Rossii: protivorechivyye itogi 2018 goda. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://zen.yandex.ru/media/fostudents/obrazovanie-v-rossii-protivorechivye-itogi-2018-goda-5c1d497b511c7200ab98cd2e> (data obrashcheniya – 28.05.2020).
9. Glavnyy trend rossiyskogo obrazovaniya – tsifrovizatsiya. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ug.ru/article/1029> (data obrashcheniya – 15.06.2020).
10. Izmeneniya v sisteme obrazovaniya v 2018 godu. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://obrmoc.ru/go_school/Articles/go_school_2018_new.html (data obrashcheniya – 16.06.2020)
11. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M., 2018. S. 194. Tabl. 7.29. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (data obrashcheniya – 15.07.2020).
12. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018: Stat. sb./ Rosstat. M., 2018. S.195. Tabl. 7.30. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (data obrashcheniya – 15.07.2020).
13. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018: Stat. sb./ Rosstat. M., 2018. S. 195. Korrektirovannaya Tabl. 7.31 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (data obrashcheniya – 15.07.2020).
14. Indikatory obrazovaniya: 2018: statisticheskiy sbornik / N.V. Bondarenko. L.M. Gokhberg. N.V. Kovaleva i dr.; Nats. issled. un.-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE. 2018. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/data/2018/12/14/1144745709/io2018.pdf> (data obrashcheniya – 15.07.2020).
15. Indikatory obrazovaniya: 2018: statisticheskiy sbornik / N.V. Bondarenko. L.M. Gokhberg. N.V. Kovaleva i dr.; Nats. issled. un.-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE. 2018. Tabl. 3.25. S.99. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/data/2018/12/14/1144745709/io2018.pdf> (data obrashcheniya – 15.07.2020).
16. Obrazovaniye v tsifrah: 2019: kratkiy statisticheskiy sbornik / N.V. Bondarenko. L.M. Gokhberg. N.V. Kovaleva i dr.; Nats. issled. un.-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE. 2019. Tabl. 2.3. S. 27. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (data obrashcheniya – 17.07.2020).
17. Indikatory nauki: 2019: statisticheskiy sbornik / L.M. Gokhberg. K.A. Ditkovskiy. E.L. Diachenko i dr.; Nats. issled. un.-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE. 2019. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/data/2019/05/07/1502498137/in2019.pdf> (data obrashcheniya – 17.07.2020).
18. Federalnyy zakon ot 02.12.2019 g. № 380-FZ «O federalnom byudzhete na 2020 god i na planovyy period 2021 i 2022 godov». [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: publication.pravo.dov.ru/Document/View/0001201912030041?index=128?rangeSize=1 (data obrashcheniya – 15.07.2020).
19. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Uтверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf (data obrashcheniya – 15.07.2020).
20. *Teplyakov S.* «Strategiya 2020»: neuteshitelnyye itogi glavnoy kontseptsii strany. 2019. 1 fevralya. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: mbknews.today/sizhet/strategia-2020-neuteshitelnye-itogi (data obrashcheniya – 15.07.2020).
21. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf (data obrashcheniya – 15.07.2020)
22. Indikatory obrazovaniya: 2020: statisticheskiy sbornik / N.V. Bondarenko. D.R. Borodina. L.M. Gokhberg i dr.; Nats. issled. un.-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE. 2020. Gosudarstvennyye raskhody na obrazovaniye po razdelam klassifikatsii raskhodov byudzheta. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/384499762.pdf> (data obrashcheniya – 20.07.2020).

Голубничий Егор Николаевич,

магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, город Томск,
golubnichii_egor@mail.ru

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ, ЭПОХА НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И COVID-19

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния пандемии коронавирусной инфекции на нестабильность фондовых рынков и возникновение беспрецедентного уровня неопределённости. Можно говорить о наступлении «Эпохи неопределённости» не только в финансовой сфере, но и в смежных секторах жизнедеятельности человека. Институциональные инвесторы, частные инвесторы и фондовые игроки по причине непредсказуемости экономического шока не могут прийти к единому мнению относительно «эффективного» инвестирования. Все субъекты рынков понимают, что созданная обстановка может играть в любую сторону, и даже традиционные инструменты сохранения капитала могут оказаться бесполезными перед вызовами пандемии COVID-19.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, биржа, ценные бумаги, фондовый рынок, рецессия, экономика

Egor N. Golubnichiy,

Master student, National Research Tomsk State University, Tomsk,
golubnichii_egor@mail.ru

STOCK MARKET INSTABILITY, AN AGE OF UNCERTAINTY AND COVID-19

Abstract. This article analyzes the impact of the coronavirus pandemic on the volatility of stock markets and the emergence of an unprecedented level of uncertainty. We can talk about the onset of the "Age of Uncertainty" not only in the financial sphere, but also in related sectors of human life. Institutional investors, private investors and stock players, due to the unpredictability of the economic shock, cannot come to a consensus on "effective" investment. All market participants understand that the created environment can play in any direction, and even traditional capital preservation tools may be useless in the face of the challenges of the COVID-19 pandemic.

Keywords: coronavirus, pandemic, stock exchange, securities, stock market, recession, economy

Эпидемия COVID-19, вызванная новым вирусом, известным как коронавирус (2019-nCoV), впервые произошла в Китае [1]. Беспрецедентная болезнь очень заразна и быстро распространяется по миру. Неблагоприятный эффект вспышки COVID-19 побил рекорд мировых финансовых кризисов последних нескольких десятилетий. Данный феномен закрепил за собой понятие «Великая рецессия» [2]. Пандемия COVID-19 затруднила финансовые и экономические операции и вызвала потрясение в мире из-за высокой волатильности в социальной, экономической и финансовой деятельности [3]. Более того, обострение глобального гуманитарного кризиса и его распространение практически на все государства снизило способность социально-экономических систем справляться с массовыми потрясениями. Вспышка COVID-19 в первую очередь повлияла на индексы фондового рынка [4]. Это связано с высоким систематическим риском, из-за которого инвесторы неохотно вкладывают средства [5, 6].

Точно также, пандемия обнажила существенные последствия глобального и неконтролируемого кризиса в области здравоохранения и противопоставила препятствия для финансового развития мировой экономической системы [7]. Пандемия коронавирусной инфекции приводит к катастрофическим последствиям для финансового развития во всем мире. Например, введение во многих государствах ограничительных мер (локдаунов) для снижения темпов распространения вируса привело к сокращению прямого дохода от производства, углублению бедности, возникновению негативных шоков предложения, нарушению глобальной цепочки поставок и закрытию многих предприятий [8]. Таким образом, пандемия фактически поставила экономики разных стран на грань рецессии. Финансовые секторы многих стран также испытывают значительное негативное влияние COVID-19 [1].

Вспышка коронавирусной инфекции направила финансовый сектор (в особенности фондовый рынок) в самые разные направления, что в конечном итоге по-

влияло на рост и стабильность общего благосостояния. Институциональные инвесторы, частные инвесторы и трейдеры подорвали свое доверие к финансовым инструментам и рынкам, что мотивировано отсутствием всяких возможностей для стратегического и тактического предвидения различных сбоев на рынке и сбоев прибыльности [9]. Более того, различные международные валютные организации уже предупреждали, что недавние финансовые кризисы, вызванные вспышкой коронавирусной инфекции, более интенсивны и в долгосрочной перспективе будут иметь серьезные последствия для мировой экономики.

По причине экономического шока и страха, цены на акции упали во всем мире: согласно данным, опубликованным Британской радиовещательной корпорацией (BBC) 31 марта 2020 года, промышленные индексы Dow Jones и FTSE 100 упали на 23% и 25% соответственно, что стало самым большим квартальным падением с 1987 года. За тот же период индекс Standard & Poor's 500 упал на 20%, что является максимальным показателем со времен глобального финансового кризиса 2008 года.

Международное экспертное сообщество сделало не утешающие прогнозы по проблеме экономической рецессии. Согласно докладу «Перспективы развития мировой экономики» (июнь 2020 года), пандемия ввергнет большинство экономик мира в рецессию, что станет самым высоким в мире ежегодным сокращением производства на душу населения с 1870 года. В отчете также указано, что реальное сокращение мирового ВВП будет не менее 5,2%. В развивающихся странах темп роста составит – 7,5%, а в развитых странах – 2,5%. Поскольку международные мировые игроки занимаются активным демпингом и конкурируют в поиске свободных финансов и потребителей, внезапный скачок цен на энергоносители

ли пагубно скажется на спросе и может спровоцировать глобальную экономическую рецессию [10], что, мы могли наблюдать до принятия защитного пакета программ ОПЕК+. Перспективы данного соглашения также не являются безоблачными, ведь повсеместная экономическая непредсказуемость отрицательно сказывается на фондовых игроках и инвесторах.

Существенное негативное влияние инвестиций (спровоцированных массовой истерией инвесторов разных уровней по причине неопределённости, вызванной пандемией COVID-19. Уровень глобальной неопределённости проиллюстрирован на Рисунке 1) на рост фондового сектора показывает, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются основным фактором, определяющим внешнюю интеграцию как в развитых, так и в развивающихся странах. Большинство ученых подчеркивают влияние прямых иностранных инвестиций на экономический рост. На Рисунке 1 мы можем увидеть, что уровень неопределённости, вызванный пандемией коронавирусной инфекции, побил все существующие рекорды. Данные с 1996 года по 2021 год, отраженные на рисунке, дают довольно прозрачную картину изменения настроений мировой общественности. По значимости до уровня пандемии коронавирусной инфекции могут прийти только «Брекзит» и «Торговые войны» между США и Китаем.

Мировая экономика понесла значительные потери из-за пандемии COVID-19. В результате, вероятные способы воздействия пандемии на мировую экономику стали популярной темой для научных исследований [11, 12]. Более того, научное изучение моделирования и прогнозирования волатильности фондового рынка всегда было проблемной отраслью экономики, которая подвержена множеству перманентно трансформирующихся факторов. Что в общем

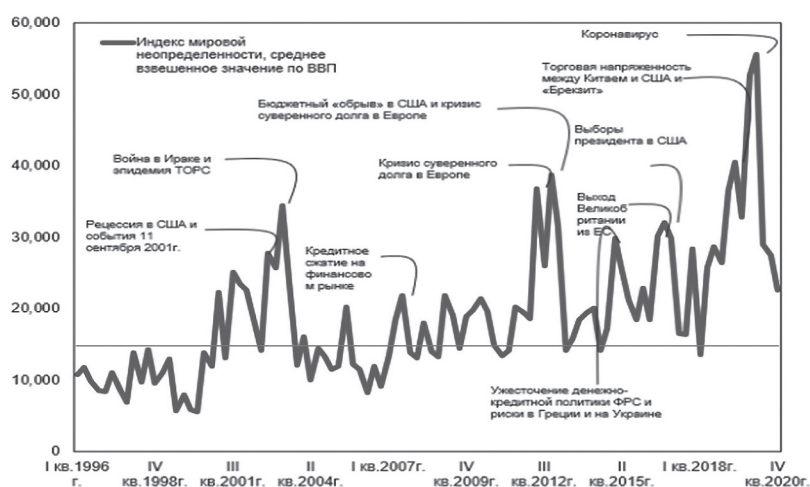

Рисунок 1. Уровень глобальной неопределенности, измеряемый с помощью Индекса мировой неопределённости (International Monetary Fund // What the Continued Global Uncertainty Means for You <https://blogs.imf.org/2021/01/19/what-the-continued-global-uncertainty-means-for-you/>)

счёте только негативно влияло на институциональную обстановку.

Директивным органам власти следует предоставлять международным потребителям выгодные предложения по инвестициям на фондовой бирже. Поскольку прямые иностранные инвестиции повышают эффективность биржевого сектора, они также вносят положительный вклад в ВВП за счет производства биржевого сектора. Фондовый рынок обслуживает потребности населения и промышленного сектора экономики, обеспечивает сырьём производителей и помогает сохранить игрокам различных уровней свои сбережения. Положительное влияние всего индекса отпускных цен на развитие биржевого сектора указывает на то, что внутренний и внешний спрос потребляет предложения биржи.

На первом этапе пандемии мы наблюдали долгосрочную взаимосвязь между показателями фондовой биржи и совокупным ежедневным количеством случаев заражения и смертей от COVID-19 во всем мире. Во время второй волны коронавирусной инфекции после того, как общие карантинные ограничения были ослаблены, корреляция сохранилась. Между первой и второй волнами непрерывный рост инфекций и смертей от COVID-19 усилил потрясения на фондовом рынке и в глобальной экономике, оказал значительное влияние на финансы предприятий и домохозяйств. Благодаря широкому спектру различных причин во время пандемии резко выросла безработица, главным образом из-за закрытия многих малых и средних предприятий. Это привело к увеличению уровня бедности, поскольку люди не осуществляли трудовой деятельности, а их располагаемый доход значительно сократился, что сделало часть граждан уязвимыми в финансовом плане, они оказались неспособными справиться со своим налоговым бременем и иными финансовыми обязательствами, не считая расходы необходимые для поддержания непрерывной жизнедеятельности.

Кроме того, избегание неопределенности – это мера, которая проверяет, насколько принятие институциональные установки ведут к непредсказуемым последствиям на фондовом рынке. В конце третьей недели после первого объявления о вспышке в странах с высокими показателями индивидуализма, спад цен на акции был на 12,71% ниже, чем в странах с низкими показателями индивидуализма, а, следовательно, с развитой коллективистской культурой. Кроме того, мы обнаружили, что в странах с более высокими показателями избегания неопределенности в течение того же периода времени падение курса акций составило на 5,40% больше, чем в странах с низкими показателями избегания неопределенности. Более внушительное снижение цен на акции коррелирует с большей волатильностью доходности акций. В частности, в течение первых нескольких недель пан-

демии, страны с низкой культурой индивидуализма имели более высокую нестабильность, а также более значительное снижение цен. В таких странах отмечается и другая тенденция, частный сектор, в том числе предприятия малого [13] и среднего сектора экономики [14], подчёркивали, что государство должно использовать импортозамещение или стимулировать производство отечественных потребительских и производственных товаров.

Эпоха экономической неопределённости подталкивает участников нынешнего финансового кризиса к сомнениям в устойчивости коэффициента прибыли, хотя точка безубыточности в 7%, которая рекомендуется международными финансовыми экспертами, довольно реальна для большинства участников рыночных отношений.

Со временем стало заметным значительное снижение степени совместного движения обменных курсов и котировок на золото. Однако, инвесторы столкнулись со значительными потерями на рынке золота из-за интервенций правительств в иностранную валюту. Даже после пиковых значений пандемии не наблюдалось значительного совместного движения между валютными рынками, рынками золота и фондовыми рынками. Тем не менее, по мере развития кризиса, анализ совместного движения больше не поможет инвесторам, заинтересованным во вложении средств в фондовый рынок, что опять же связано с повсеместной неопределённостью.

Хотя фондовые рынки с преобладанием иностранных инвесторов уязвимы для международного шока, вызванного COVID-19, долгосрочные перспективы для них положительные, исходя из географической диверсификации стран. На Рисунке 2 мы можем заметить, что начали расширяться спреды по облигациям стран с пограничной экономикой и стран с формирующимся рынком. С другой стороны, наличие прямых иностранных инвестиций будет указывать на более конкретное международное присутствие. Масштабы возможных экономических шоков, вызванных COVID-19, полностью непредсказуемы для всех фондовых рынков с иностранными доходами и иностранными активами. В ходе пандемии мы наблюдали отрицательную взаимосвязь между описываемыми переменными в краткосрочной перспективе, в то время как у долгосрочных инвесторов больше возможностей для инвестирования в стратегической перспективе, во время очередной рецессии. Вероятным сценарием развития экономики после COVID-19 может стать сильное восстановление на фондовом рынке, и, следовательно, у краткосрочных инвесторов будет возможность получить прибыль от прироста капитала и дивиденды, тогда как, долгосрочные инвесторы имеют больше возможностей инвестировать в стратегической перспективе во время рецессии.

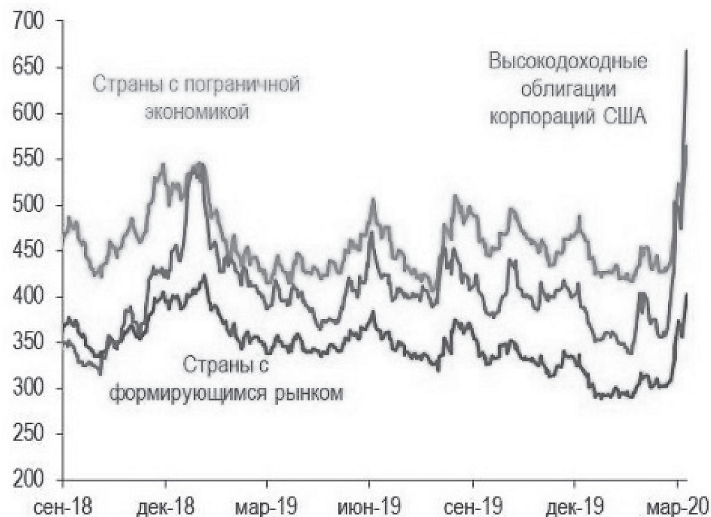

Рисунок 2. Спреды по облигациям, в долларах США (International Monetary Fund // Monetary and Financial Stability During the Coronavirus Outbreak <https://blogs.imf.org/2020/03/11/monetary-and-financial-stability-during-the-coronavirus-outbreak/>)

В заключение отметим, что восстановление экономики стран в период после COVID-19 может быть достигнуто за счет смешанной налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики с целью установления высоких уровней ликвидности и увеличения покупательной способности граждан, тем самым, увеличивая общее потребление и совокупный спрос населения. Человеческий капитал незаменим, поскольку ничто не заменит способность человеческого интеллекта принимать решения. Прогресс искусственного интеллекта (ИИ), достигнутый в этой области, несравним с оригинальностью и возможностями человеческого разума. Поэтому, для восстановления международной экономики мы должны сначала восстановить человеческий капитал и качество жизни. Население с помощью публичных решений по борьбе с распространением коронавирусной инфекции неосознанно повышает качество жизни, что вызвано улучшениями в сфере здравоохранения, появлением более быстрых и безопасных вакцин и средств индивидуальной защиты.

Рост качества жизни исключительно в положительном русле влияет на восстановление и развитие человеческого капитала.

Залогом эффективности деятельности правительства в кризисное время является доверие, а точнее, взаимное доверие, как по горизонтали между людьми, так и по вертикали между людьми и их правительствами, и наоборот [15]. Немаловажным является развитие микро, малых и средних предприятий (далее – ММСП), которые формируют более 50% экономики многих стран. Поддержка ММСП с помощью схем кредитных гарантий, программ кредитования под низкие проценты и снижения налогов, особенно во время пандемии COVID-19, может иметь множество преимуществ для выхода из экономического спада и рецессии, создания рабочих мест и сокращения импорта. Учитывая проблему борьбы с пандемией, вызванную ей международную неопределенность, завершение кризиса COVID-19 будет определяться параметрами различных ответных сдерживающих мер.

Список литературы/ References

1. Ali M., Alam N., Rizvi S.A.R. Coronavirus (COVID-19) – An epidemic or pandemic for financial markets // Journal of Behavioral and Experimental Finance/ 2020. № 27. Article № 100341. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2020.100341>.
2. Harvey C. The economic and financial implications of COVID-19 // The Mayo Center for Asset Management at the University of Virginia Darden School of Business and the Financial Management Association International virtual seminars series. 2020. 3rd April. Article № 1.
3. Fallahgoul H. Inside the mind of investors during the COVID-19 Pandemic: Evidence from the stocktwits data // The Journal of Financial Data Science. 2021. № 3(2). P. 134–148. <https://doi.org/10.3905/jfds.2021.1.058>.
4. Albulescu C.T. COVID-19 and the United States financial markets' volatility // Finance Research Letters. 2021. №38. Article № 101699. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101699>.
5. Sharif A., Baris-Tuzemen O., Uzuner G., Ozturk I., Sinha A. Revisiting the role of renewable and non-renewable energy consumption on Turkey's ecological footprint: Evidence from quantile ARDL approach // Sustainable Cities and Society. 2020. № 57. Article № 102138. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102138>.

6. Umar M., Su C.W., Rizvi S. K.A., Shao X.F. Bitcoin: A safe haven asset and a winner amid political and economic uncertainties in the US? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. №167. Article № 120680. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120680>.
7. Leach M., MacGregor H., Scoones I., Wilkinson A. Post-pandemic transformations: How and why COVID-19 requires us to rethink development // *World Development*. 2021. № 138. Article № 105233. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105233>.
8. Pak A., Adegboye O. A., Adekunle A. I., Rahman K. M., McBryde E. S., Eisen D. P. Economic consequences of the COVID-19 outbreak: The need for epidemic preparedness // *Frontiers in Public Health*. 2020. №8. Article №241 <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00241>.
9. Mishra M. K. The world after COVID-19 and its impact on global economy // ZBW – Leibniz Information Centre for Economics. 2020. № 1. Article №1.
10. Anser M.K., Yousaf Z., Usman M., Yousaf S., Fatima N., Hussain H., Waheed J. Strategic business performance through network capability and structural flexibility // *Management Decision*. 2020. № 59(2). P.426–445. <https://doi.org/10.1108/MD-06-2019-0741>.
11. Engelhardt N., Krause M., Neukirchen D., Posch P.N. Trust and stock market volatility during the COVID-19 crisis // *Finance Research Letters*. 2021. № 38. Article № 101873. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101873>.
12. Uddin M., Chowdhury A., Anderson K., Chaudhuri K. The effect of COVID – 19 pandemic on global stock market volatility: Can economic strength help to manage the uncertainty? // *Journal of Business Research*. 2021. № 1. Article № 1. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.01.061>.
13. Tehreem H.S., Anser M.K., Nassani A.A., Abro M.M. Q., Zaman K. Impact of average temperature, energy demand, sectoral value added, and population growth on water resource quality and mortality rate: it is time to stop waiting around // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. № 27(30). P. 37626–37644. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-09822-w>.
14. Asif M., Khan K.B., Anser M.K., Nassani A.A., Abro M.M. Q., Zaman K. Dynamic interaction between financial development and natural resources: Evaluating the 'Resource curse' hypothesis // *Resources Policy*. 2020. № 65. Article № 101566. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101566>.
15. Туманян Г.В. О деятельности правительств в периоды глобальных кризисов. Влияние COVID-19 на социальные изменения внутренней политики // *Вестник Академии права и управления*. 2020. № 4(61). С. 74-78. DOI 10.47629/2074-9201_2020_4_74_78. / Tumanyan G.V. O deyatelnosti pravitelstv v periody globalnykh krizisov. Vliyanie COVID-19 na sotsialnye izmeneniya vnutrennej politiki. Vestnik-Akademii Prava I Upravleniya. 2020. № 4(61). P. 74-78. DOI 10.47629/2074-9201_2020_4_74_78.

Арсентьева Валентина Сергеевна,

аспирант, и.о. начальника Отдела таможенного оформления и таможенного контроля транспортных средств таможенного поста Аэропорта Храброво, Калининград
v.s.arsenteva@mail.ru

Valentina S. Arsentieva,

Postgraduate, Acting Head of the Department of Customs Clearance and Customs Control of Vehicles at the customs post of Khrabrovo Airport, Kaliningrad

Бурмистрова Наталья Викторовна,

кандидат медицинских наук, судебно-медицинский эксперт, ФГКУ 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации, Москва
burmnatalya@yandex.ru

Natalia V. Burmistrova,

Ph.D. of Medical Sciences, forensic medical expert, 111 Main State Center for Forensic Medical and Forensic Examinations of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Вольская Татьяна Евгеньевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права, Институт деловой карьеры, старший научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва
volskaya@mipt.ru

Tatiana E. Volskaya,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law, Institute of Business Career, Senior Research Officer, All-Russian Scientific Research Institute of Labor Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow

Голубничий Егор Николаевич,

магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, город Томск
golubnichii_egor@mail.ru

Egor N. Golubnichiy,

Master student, National Research Tomsk State University, Tomsk

Горин Денис Станиславович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Управления инновациями, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
gorinds@mail.ru

Denis S. Gorin,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Innovation Management, MIREA - Russian Technological University, Moscow

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра коммуникационных технологий и цифрового образования Московского государственного лингвистического университета, Москва
Gostevan@inbox.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Communication Technologies and Digital Education, Moscow State linguistic University, Moscow

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал),
Московская область, город Одинцово
md2063@mail.ru

Mevlud D. Davitadze,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch),
Moscow Region, Odintsovo

Делия Виктор Павлович,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Туризма,
Московский государственный университет спорта и туризма, Москва
deliav52@icloud.com

Viktor P. Delia,

Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Tourism,
Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow

Демченко Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва
demchenkomv@mail.ru

Maxim V. Demchenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department
of Legal Regulation of Economic Operations, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента,
рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва
tstarshinova@mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department
of Management, Advertising and Public relations, Institute of Business Career, Moscow

Долженков Сергей Сергеевич,

магистрант, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
dolzhenkov@mirea.ru

Sergey S. Dolzhenkov,

Master's student, MIREA – Russian Technological University, Moscow

Дробот Елена Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, ответственный редактор,
Первое экономическое издательство, Москва
elenadrobot@mail.ru

Elena V. Drobot,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Executive Editor,
First Economic Publishing House, Moscow

Колесников Виктор Викторович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва
wwkolesnikoff@mail.ru

Viktor V. Kolesnikov,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Кульгачев Иван Петрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва
kulg-ivan@yandex.ru

Ivan P. Kulgachev,

Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality, Tourism and Sports, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва
lisovaekaterina78@gmail.com

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of State and municipal administration and constitutional law, Institute of business career, Moscow

Лунева Елена Андреевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права, Институт деловой карьеры, Москва
eavalue2008@mail.ru

Elena A. Luneva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law, Institute of Business Career, Moscow

Майстренко Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва
g.maisterenko@yandex.ru

Grigory A. Maistrenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Senior Research Officer, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (филиал), город Липецк, профессор кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва
excellennzz@gmail.com

Ivan N. Makarov,

Doctor of Economic Sciences, Docent, Research Officer, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation (branch), Lipetsk, Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Подкопаев Олег Александрович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и управления социально-культурной деятельностью, Самарский государственный институт культуры, город Самара
samin-conf@list.ru

Oleg A. Podkopaev,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Economics and management of socio-cultural activities, Samara state Institute of Culture, Samara

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения, Московский государственный лингвистический университет, Москва
mgsusalikhov@yandex.ru

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Theory of region studies, Moscow state linguistic University, Moscow

Самчук Виктор Владимирович,

кандидат медицинских наук, начальник отдела судебно-медицинской экспертизы, ФГКУ 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации, Москва
viktor-samchuk@mail.ru

Viktor V. Samchuk,

Ph.D. of Medical Sciences, Head of the Forensic Medical Examination Department, 111 Main State Center for Forensic Medical and Forensic Examinations of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Синяева Нателла Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Конституционного (государственного) и международного права, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва
Natella.Sinyaeva@gmail.com

Natella A. Sinyaeva,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Constitutional (State) and International Law, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Сухина Юлия Валериевна,

кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал), город Липецк
yuliya-sukhina@mail.ru

Yuliya V. Sukhina,

Ph.D. in Public Administration, Associate Professor at the Department of State, Municipal Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch), Lipetsk

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики, Воронежский государственный технический университет, город Воронеж
382652@mail.ru

Evgenii A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical university, Voronezh

Третьякова Лариса Александровна,

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры Менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, город Белгород
lora_tretyakova@mail.ru

Larisa A. Tretyakova,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of Management and Marketing, Belgorod state national research University, Belgorod

Фадеев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва
Ilya-fadeev@yandex.ru

Ilya A. Fadeev,

Ph.D of Juridical Sciences, Police Major, Senior Lecturer at the Department of Theory and public administration methodologies Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow

Фоломеев Сергей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Международного права и политологии, Самарский государственный экономический университет, город Самара
cissime@yandex.ru

Sergey N. Folomeev,

Ph.D. of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of International law and political science, Samara state university of economics, Samara

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва
aleksandrcher@mail.ru

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Constitutional (State) and International Law, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Шалаев Максим Сергеевич,

слушатель Академии управления МВД России, заместитель начальника УКДСС МВД России в СКФО ГУ МВД России по СКФО, полковник полиции, город Грозный
a161ks126rus@yandex.ru

Maxim S. Shalaev,

student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, deputy head of the UKDSS of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the North Caucasus Federal District, police colonel, Grozny